NORWEGIAN JOURNAL OF DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL SCIENCE

№26/2019

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.3

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: http://www.njd-iscience.com

CONTENT

ECONOMIC SCIENCES

HISTORICAL SCIENCES

JURISPRUDENCE

PEDAGOGICAL SCIENCES

PHILOLOGICAL SCIENCES

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

ECONOMIC SCIENCES

DIRECTIONS OF DEELOPING THE MILK SECTOR OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN FOR ITS EFFICIENT INTEGRATION TO THE GLOBAL MARKET

Abraliev O.
Kazakn National Agrarian University, Almaty, Kazakhstan
Beysenbaeva A.
Kazakn National Agrarian University, Almaty, Kazakhstan
Kenzhyev Sh.
Kazakn National Agrarian University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

Impact of protectionism, autarky and government subsidies on prices in the dairy market are analysed in the market. Moreover, the trade-off between government subsidies and protectionism is defined. The purpose of the research is to define practical and theoretical bases which may help to offer recommendations on how to apply economic mechanisms to develop the dairy sector in the Republic of Kazakhstan.

The research methodology is based on economic, comparative and graphical methods.

The research practical significance is in describing why protectionist policy is not efficient for developing the dairy industry in the Republic of Kazakhstan. The research results illustrate that the milk industry of the Republic of Kazakhstan may benefit more from improving the production quantity and quality indicators and partly from the government subsidies despite the welfare benefits of the protectionist policy.

Keywords: dairy sector, protectionism, government subsidies, welfare analysis, positive external production effects, global dairy market, free trade, autarky.

The milk production worldwide has increased by 1.4% in 2017 if compared with 2016 and reached to 811 million tonnes [1]. According to the Food and Agriculture Organization of the United Nations the global milk production is expected to grow [2]. However, Kazakhstani enterprises may miss opportunities related to the expected global demand growth on dairy products due to not offering enough competitive product price and quality in the international market [3, 4]. Moreover, the structure of the international agricultural trade illustrates that the dairy sector of the Republic of Kazakhstan does not have competitive advantage in the global agricultural market.

According to the International Dairy Federation (IDF) the majority of the global milk production is coming from cows. Moreover, India and Pakistan are considered as significant players in the global buffalo milk market [5]. Buffalo milk is also produced in Egypt, People's Republic of China, Italy and Iran. In addition, the biggest goat milk producers are located in Asia. According to the Food and Agriculture Organization of the United Nations the European Union and India are among the top milk producers in the world. New Zealand and the European Union are among the top exporters in the international dairy market [6]. New Zealand and the European Union are among the top exporters in the international dairy market [7]. The following products are considered as the most significant dairy products traded in the global market: whole and skim milk powders, butter and cheese, whey products, condensed milk and casein.

According to the International Dairy Federation (IDF) focusing on production of butter and other types milk fats as ghee has potential for agricultural ventures as their production is expected to grow. In addition, there is no precise data on how much dairy products are consumed globally due to the following reasons: often information about animal feed purpose, usage of technical milk, how much milk is delivered to plants, public and private stocks is not available for every single country in the world.

There are three major organisational types focused on milk production: commercial, private and family holdings.

Commercial farms often have competitive advantage in the milk market due to the following factors:

- having higher number of cattle;
- in the developed countries they often own mechanised systems for milking or cooling;
- they often better fulfil requirements on quantity and quality compared with smaller and financially weaker private or family holdings.

Family dairy farmers in countries as the Republic of Kazakhstan which are part of the Eurasian Economic Union often have one or two cows, and poor storage, milking and feeding facilities [4, 8, 9]. Family holdings in the developing countries often struggle to fulfil animal health, product quality and quantity standards. Moreover, improvement of the living standards often brings economic changes which may shift the consumption patterns. Therefore, rise in disposable income may increase the population share which may afford to buy dairy products.

According to the International Dairy Federation (IDF) dairy prices in the global market tend to have cyclical nature. Moreover, crises of the financial or credit origin also have their impact on prices. For instance, the tinancial crisis of 2007–2008 caused price decline in the global dairy market in the end of 2008 which continued in the beginning of 2009. Prices recovered in the end of 2009 due to demand rise.

Monopolistic position in dairy processing may cause milk supply shortage. Therefore, milk production is often regulated in different countries throughout the world. For instance, the dairy industry in the European Union is regulated by the Common Agricultural Policy (CAP). The European Union tries to ensure secure price levels on dairy products through various economic mechanisms as intervention prices for skimmed milk powder and target prices on milk.

Defining a model of dairy is possible through defining Cobb-Douglas exponential functions which may look the following way:

$$\ln Y = a_0 + \sum_i a_i \ln(I_i) \quad (1)$$

Abbreviations:
Y – output;
I_i – inputs;
a_i – model coefficients.

The demand function is described the following way [10]:

$$q^d(p^d) = d(p^d)\varepsilon^d \quad (2)$$

Abbreviations:
ε^d – demand elasticity;
q^d – quantity demanded;
d – demand constant;
p^d – demand price.

The demand elasticity defines how much quantity, which is demanded, may change when price for demand rises by 1%. This value mostly is negative as normally demand decreases when prices become higher. Another side of the market, supply, could be defined by the following formula:

$$q^s(p^s) = c(p^s)\varepsilon^s \quad (3)$$

Abbreviations:
ε^s – supply elasticity;
q^s – quantity supplied;
c – supply constant;
p^s – supply price.

The supply elasticity describes the change in how much quantity supply may change when supply price goes up by 1%. The simplest model that may define the state of the dairy market is the linear model which is shown in the figure below.

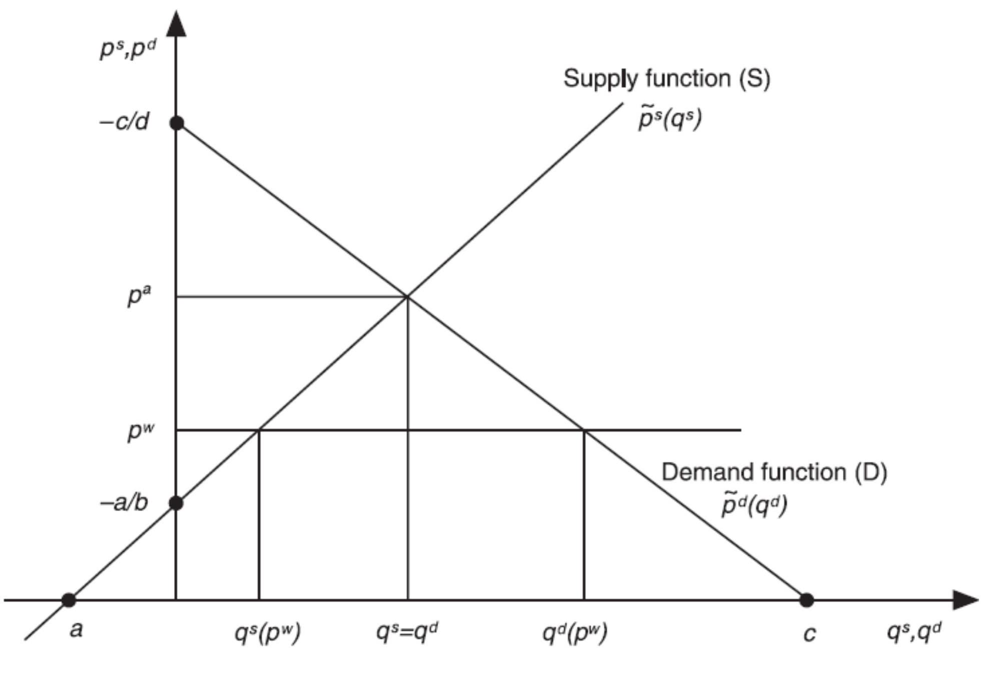

Figure 1 – The linear model of the diary market in a closed economy.

Abbreviations:
q^d – quantity demanded in the dairy market;
q^s – quantity supplied in the dairy market;
$\tilde{p}^d$ – inverse demand function;
p^d – demand price in the dairy market;
p^s – supply price in the dairy market;
$\tilde{p}^s$ – inverse supply function;
c – the saturated situation;
d – demand function slope;
p^w – demand price of dairy products in the global market;
p^a – autarky price in the dairy market.

The figure above illustrates what may happen in the dairy sector if a country has a closed type of economy. The autarky price would dominate despite the fact that the price in the global market is lower. Moreover, the figure above does not illustrate presence of any type of government intervention. Under the free trade conditions prices in the internal market would not be able to compete with the global prices.

In the market economy government usually does not tend to have direct control of economic actions as trade, consumption and trade in order to set prices for every single item available on sale. However, governments often use economic policies to impact on economic indicators as prices. For instance, prices in the internal market can be kept higher that in the global market through export subsidies and tariffs. Therefore, a model that defines prices in the global dairy market should take into consideration if consumers or producers are subsidised or internal protection rates when prices in the domestic market are set. As a result, demand price in the global dairy market may be defined the following way:

$$p^d = (1 + r)(1 + s)p^w \quad (3)$$

Abbreviations:
p^d – demand price of dairy products;
p^w – demand price of dairy products in the global market;
r – protection rate of the dairy industry;
s – dairy producer subsidy rate.

Protection rate of the dairy industry defines how much prices in the internal market of Kazakhstan is higher than prices in the global dairy market. Dairy producer subsidy rate illustrates how much demand price for diary products deviates from producer's prices based on the principles of the market mechanism.

Supply price formula for the international dairy market may defined the following way:

$$p^s = (1 + r)(1 - v)p^w \quad (4)$$

Abbreviations:
p^s – supply price of dairy products;
p^w – demand price of dairy products in the global market;
r – protection rate of the dairy industry;
v – dairy consumer subsidy rate.

Dairy consumer subsidy rate illustrates how much supply price for dairy products deviates from consumer's prices based on how the market principles operate.

Demand constant in the dairy market can be described the following way:

$$d = \frac{q^d}{(p^d)\varepsilon^d} \quad (5)$$

Abbreviations:
d – demand constant in the dairy market;
ε^d – demand elasticity in the dairy market;
q^d – quantity demanded in the dairy market;
p^d – demand price in the dairy market.

Supply constant in the dairy market may be defined the following way:

$$c = \frac{q^s}{(p^s)\varepsilon^s} \quad (6)$$

Abbreviations:
ε^s – supply elasticity in the dairy market;
q^s – quantity supplied in the dairy market;
c – supply constant in the dairy market;
p^s – supply price in the dairy market.

Analysis of the formulas above may help to define demand function in the dairy market of the Republic of Kazakhstan:

$$q^d(v, r, p^w) = d\big((1 + r)(1 - v)p^w\big)\varepsilon^d \quad (7)$$

Abbreviations:
q^d – quantity demanded in the dairy market;
v – dairy consumer subsidy rate;
r – protection rate of the dairy industry;
p^w – demand price of dairy products in the global market;
d – demand constant in the dairy market;
ε^d – demand elasticity in the dairy market.

On the other hand, supply function in the dairy market of Kazakhstan may be described by the following way:

$$q^s(s, r, p^w) = d\big((1 + r)(1 + s)p^w\big)\varepsilon^s \quad (7)$$

Abbreviations:
q^s – quantity supplied in the dairy market;
s – dairy producer subsidy rate;
r – protection rate of the dairy industry;
p^w – demand price of dairy products in the global market;
c – supply constant in the dairy market;
ε^s – supply elasticity in the dairy market.

Kazakhstan is an active participant in the global trade, therefore, the internal dairy market is open for imports. As a result, the foreign exchange has an impact on the domestic dairy product trade. The figure below illustrates how this indicator impacts dairy product price in Kazakhstani market.

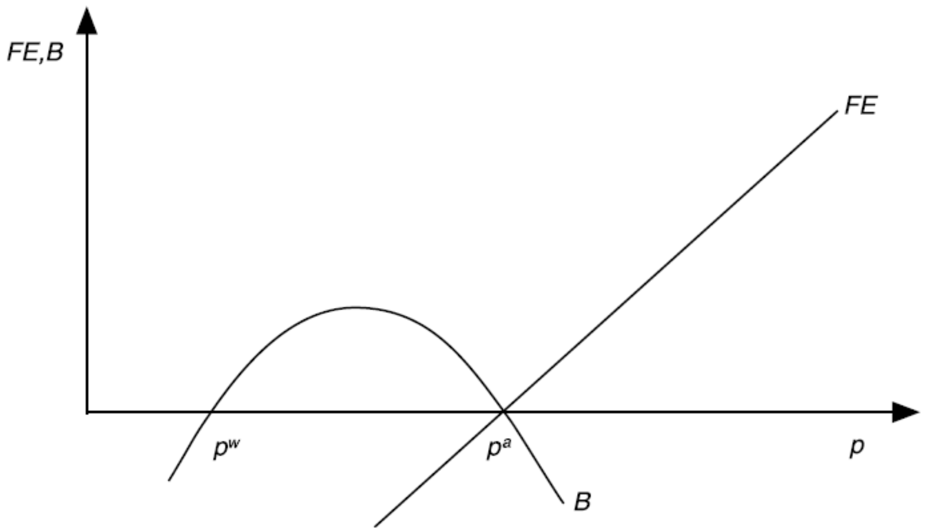

Figure 2 – Impact of the foreign exchange on dairy product prices in the Republic of Kazakhstan.

Abbreviations:
FE – quantity demanded in the dairy market;
B – government revenue;
p^w – demand price of dairy products in the global market;
p^a – autarky price in the dairy market.

The figure above illustrates that the foreign exchange can be defined by the following formula:

$$FE(p, p^w) = \left(q^d(p) - q^s(p)\right)(p - p^w) \quad (8)$$

Abbreviations:

p – domestic price in the dairy market of the Republic of Kazakhstan;
p^w – demand price of dairy products in the global market;
q^d – quantity demanded in the dairy market of Kazakhstan;
q^s – quantity supplied in the dairy market of the Republic of Kazakhstan.

The welfare analysis is one of possible ways to analyse how different economic policies may impact the dairy sector of the Republic of Kazakhstan through indicating how the social welfare may change. The welfare indicators are illustrated in the figure below.

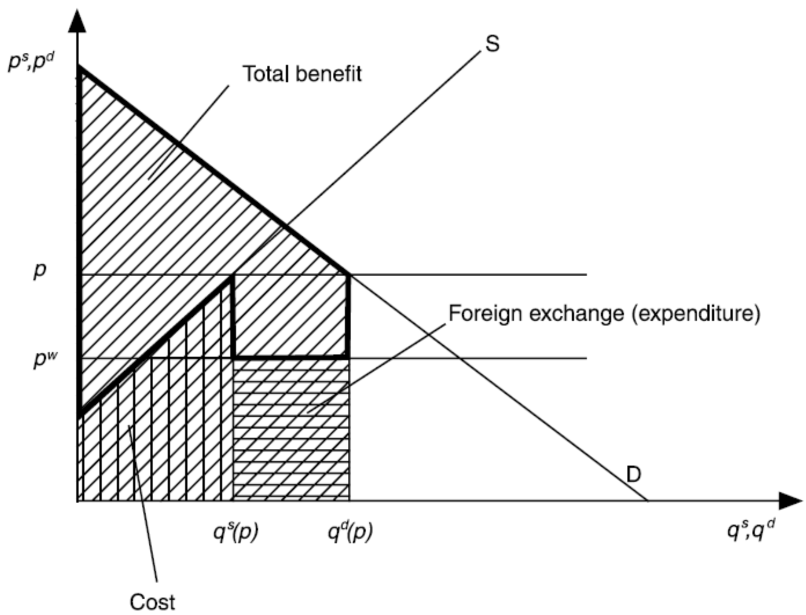

Figure 2 – Total benefit and cost indicators in the dairy industry of the Republic of Kazakhstan. Abbreviations:

p^d – demand price in the dairy sector of Kazakhstan;
p^s –supply price in the dairy sector of Kazakhstan;
q^d – quantity demanded in the dairy sector of Kazakhstan;
q^s – quantity supplied in the dairy sector of Kazakhstan;
p^w – demand price of dairy products in the global market.

The figure above illustrates that the maximum willingness for customers to pay for the specific dairy products in Kazakhstan is known as a total benefit or an indicator of welfare for consumers:

$$TB(p) = \int_0^{q^d(p)} \tilde{p}^d(v)\, dv \qquad (9)$$

Abbreviations:
TB – total benefit;
$\tilde{p}^d$ – inverse demand function;
q^d – quantity demanded in the dairy market;
v – integration variable.

The formula above illustrates that the total benefit is related an inverse for the demand function. Moreover, focus on production on one type of dairy products may mean that consumption and production level for other type of dairy products may decrease. As a result, there may be some foregone benefits related to that sort of action:

$$C(p) = \int_0^{q^s(p)} \tilde{p}^s(v)\, dv \qquad (10)$$

Abbreviations:
C – cost which defines benefit foregone and opportunity cost;
$\tilde{p}^s$ – inverse supply function;
q^s – quantity supplied in the dairy market;
v – integration variable.

Analysing formulas 9 and 10 may help to make the conclusion that the welfare function may look the following way:

$$W(p, p^w) = TB(p) - C(p) + FE(p, p^w) \qquad (11)$$

Abbreviations:
W – welfare;
TB – total benefit;
C – cost which defines benefit foregone and opportunity cost;
FE – foreign exchange;
p – domestic price in the dairy market of the Republic of Kazakhstan;
p^w – demand price of dairy products in the global market.

The application of economic impact analysis may help to understand what may happen if the Republic of Kazakhstan implements the protectionist policy in the dairy market.

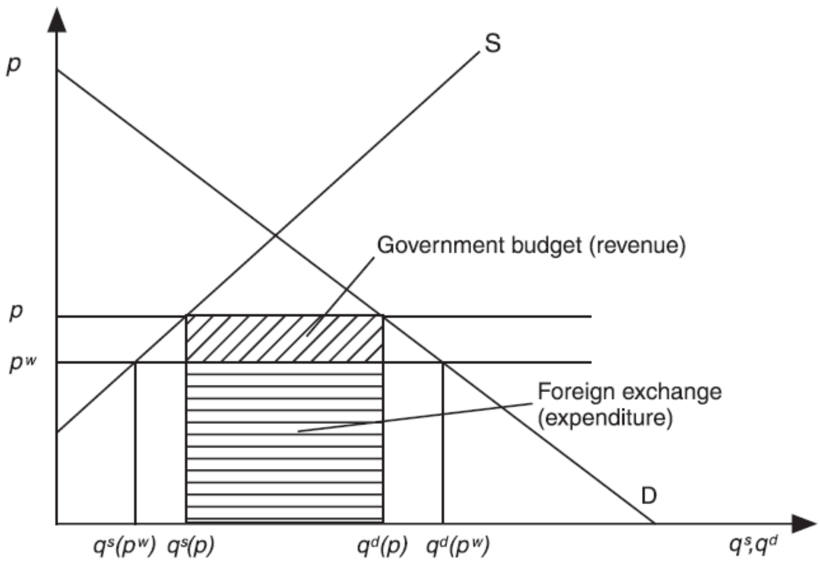

Figure 3 – The economic analysis of the protectionist policy in the dairy sector of the Republic of Kazakhstan.

Abbreviations:
p – domestic price in the dairy market of the Republic of Kazakhstan;
q^d – quantity demanded in the dairy sector of Kazakhstan;
q^s – quantity supplied in the dairy sector of Kazakhstan;
p^w – demand price of dairy products in the global market.

The figure above illustrates that the government budget function would look the following way:

$$B(p, p^w) = \left(q^d(p) - q^s(p)\right)(p - p^w) \qquad (12)$$

Abbreviations:
B – the government budget (revenue) function;
q^d – quantity demanded in the dairy sector of Kazakhstan;
q^s – quantity supplied in the dairy sector of Kazakhstan;
p – domestic price in the dairy market of the Republic of Kazakhstan;
p^w – demand price of dairy products in the global market.

On the other hand, the protectionist policy has several drawbacks:

- this policy is against the WTO regulations;
- in the long-term can make domestic dairy producers to become more competitive because of absence of the pressure from the foreign competition.

There are potential gains from the international trade that are shown in the figure below.

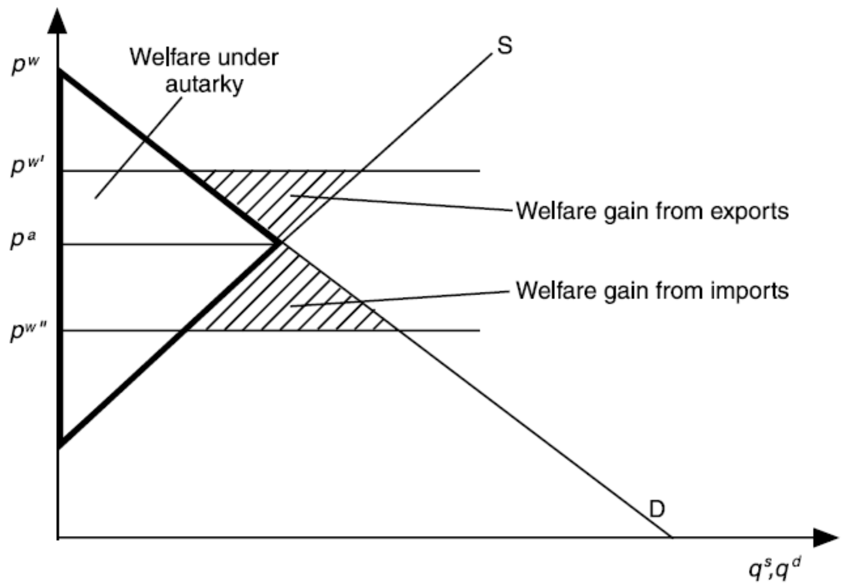

Figure 4 – Trade gains for the dairy market of the Republic of Kazakhstan.

Abbreviations:

p – domestic price in the dairy market of the Republic of Kazakhstan;

q^d – quantity demanded in the dairy sector of Kazakhstan;

q^s – quantity supplied in the dairy sector of Kazakhstan;

p^a – autarky price in the dairy market.

p^w – demand price of dairy products in the global market.

The figure above illustrates that dairy product enterprises in Kazakhstan may gain profits from the international trade. Their revenues could be defined by the formula below:

$$R(p) = q^s(p) \times p \qquad (13)$$

Abbreviations:

R – dairy ventures's revenue;

q^s – quantity supplied in the dairy sector of Kazakhstan;

p – domestic price in the dairy market in Kazakhstan.

The welfare state of dairy enterprises in the Republic of Kazakhstan may be defined by the producer surplus function which defines differences between their revenues and costs.

$$PS(p) = R(p) - C(p) = q^s(p) \times p - \int_0^{q^s(p)} \tilde{p}^s(v)\, dv \quad (14)$$

Abbreviations:

R – dairy ventures's revenue;

C- costs;

q^s – quantity supplied in the dairy sector of Kazakhstan;

p – domestic price in the dairy market in Kazakhstan;

$\tilde{p}^s$ – inverse supply function;

q^s – quantity supplied in the dairy market;

v – integration variable.

The economic analysis of figures 3 and 4 illustrate that the dairy market of the Republic of Kazakhstan may improve its state mainly through positive external effects. Those effects are caused by economic activities that impact different indicator functions in the dairy market of the Republic of Kazakhstan, e.g. quantity or quality indicators as production volume, but they are not directly reflected by prices. The figure below illustrates how positive external production effects may benefit the diary sector of the Republic of Kazakhstan.

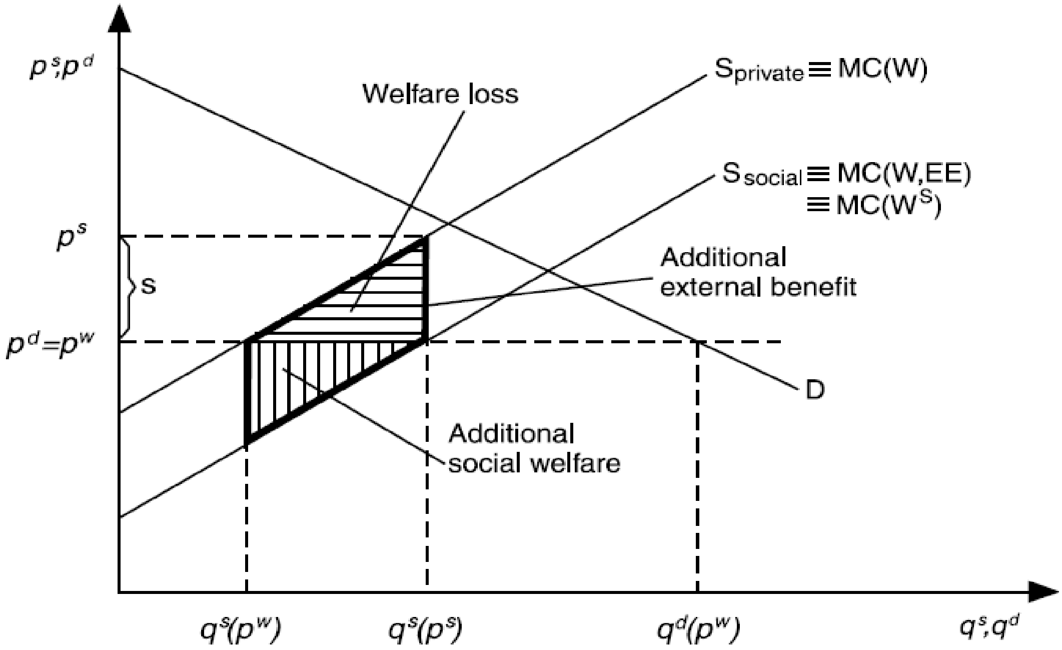

Figure 5 – Benefits gained from the access to the international market for the dairy sector of the Republic of Kazakhstan facing positive external effects from production.

Abbreviations:
- EE – external effect;
- MC – marginal cost;
- W – welfare;
- W^s – adjusted social welfare;
- p^d – demand price in the dairy market of Kazakhstan;
- p^s – supply price in the dairy sector of the Republic of Kazakhstan;
- q^d – quantity demanded in the dairy sector of Kazakhstan;
- q^s – quantity supplied in the dairy sector of the Republic of Kazakhstan.

The figure above demonstrates that the function of positive external effect can be defined by the following formula

$$\mathrm{EE}(p^s) = f\big(q^s(p^s)\big) \qquad (16)$$

Abbreviations:
EE – external effect;
q^s – quantity supplied in the dairy sector of Kazakhstan;
p^s – supply price in the dairy market of the Republic of Kazakhstan.

Therefore, an adjusted social welfare may look the following way:

$$W^s\big(p^s, p^d, p^w\big) = \int_0^{q^d(p^d)} \tilde{p}^d(v)\,dv - \int_0^{q^s(p^s)} \tilde{p}^s(v)\,dv + \Big(q^s(p^s) - q^d\big(p^d\big)\Big)\,p^w + f\big(q^s(p^s)\big) \qquad (17)$$

$$W^s(p^s, p^d, p^w) = \mathrm{TB}(p^d) - \mathrm{C}(p^s) + \mathrm{FE}\,(p^s, p^d, p^w) + \mathrm{EE}(p^s) \qquad (18)$$

Abbreviations:
EE – external effect;
MC – marginal cost
W – welfare;
W^s – adjusted social welfare;
p^d – demand price in the dairy market of Kazakhstan;
p^s – supply price in the dairy sector of the Republic of Kazakhstan;
q^d – quantity demanded in the dairy sector of Kazakhstan;
$\tilde{p}^d$ – inverse demand function;
$\tilde{p}^d$ – inverse supply function;
q^s – quantity supplied in the dairy sector of the Republic of Kazakhstan.

Analysing figures 4 and 5 may show that giving up the protectionist policy may have its impact on the welfare of producers. The figure below demonstrates why how subsidisation policy may differ from protectionist policy in the dairy market of the Republic of Kazakhstan.

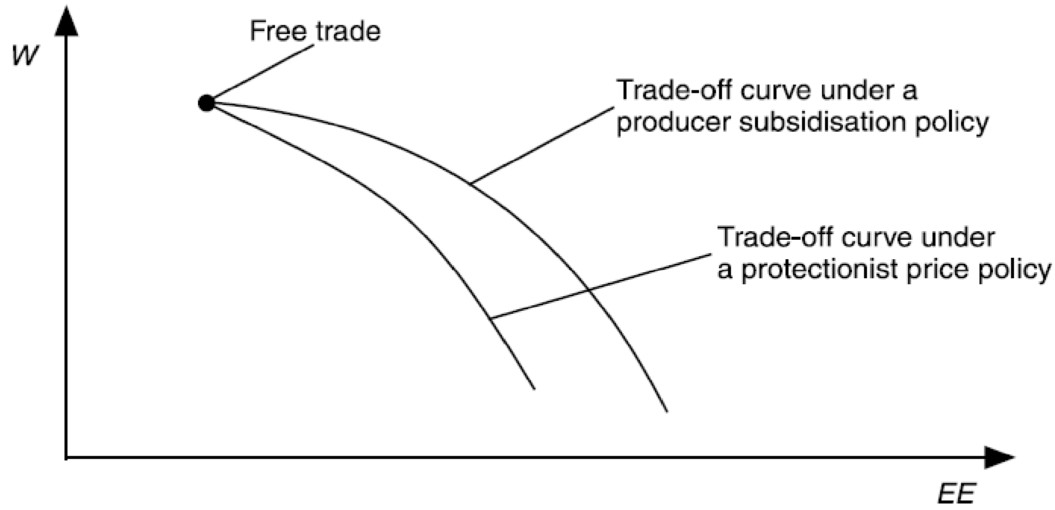

Figure 6 – The relationship between welfare indicator and positive external effect from production in the dairy market of the Republic of Kazakhstan.

Abbreviations:
EE – external effect;
W – welfare.

The figure above demonstrates that free trade may help to maximise profit if the dairy sector is competitive in the global market. However, free trade may not help to improve the state of the welfare in the dairy market towards its maximum possible condition.

Analysing the figure above demonstrates that if the Republic of Kazakhstan decides to subsidize dairy enterprises may cause welfare loss at the external effect gain. On the other hand, the protectionism in the dairy market can make the external effect internal through improving social welfare (supply) at the cost of losses on the demand side of the market.

In conclusion, the main direction of developing the dairy sector in the Republic of Kazakhstan should be focusing on the production quality and quantity improvement through different measures as introducing new technologies and improving production chains. In addition, government subsidies should be used as an additional but not the main instrument of helping to improve the state of the internal dairy market in the Republic of Kazakhstan.

REFERENCES:

1. Food and Agriculture Organization of the United Nations (2018) Dairy Market Review. Available: http://www.fao.org/3/I9210EN/i9210en.pdf [Accessed: 1 October 2018].
2. Food and Agriculture Organization of the United Nations (2017) The future of food and agriculture: Trends and challenges. Rome: FAO.
3. Food and Agriculture Organization of the United Nations & Institut National De La Recherche Agronomique (2018) Constructing markets for agroecology: An analysis of diverse options for marketing products from agroecology. Rome: FAO.
4. Schmitz, A., & Meyers, W. (2015) Transition to Agricultural Market Economies: The Future of Kazakhstan, Russia and Ukraine. Wallingford: CABI.
5. International Dairy Federation (2018) Publications. Available: https://www.fil-idf.org/publications [Accessed: 1 October 2018].
6. Food and Agriculture Organization of the United Nations (2018) Gateway to dairy production and products. Available: http://www.fao.org/dairy-production-products/en/ [Accessed: 1 October 2018].
7. European Commission (2018) Milk Market Observatory. Available: https://ec.europa.eu/agriculture/sites/agriculture/files/market-observatory/milk/pdf/trade-main-competitors_en.pdf [Accessed: 14 November 2018].
8. Elsuwege, P., & Petrov, R. (2017) Post-Soviet Constitutions and Challenges of Regional Integration: Adapting to European and Eurasian integration projects. New York: Routledge.
9. Dragneva, R., & Wolczuk, K. (2017) The Eurasian Economic Union Deals, Rules and the Exercise of Power. London: The Royal Institute of International Affairs.
10. Schwarz, G., Jechlitschka, K., & Kirschke, D. (2008) Microeconomics using Excel: Integrating Economic Theory, Policy Analysis and Spreadsheet Modelling. New York: Routledge.

УДК 338.984
ББК 65.054

MODERN ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY IN RUSSIA

Kuzenkova A.
Volgograd State Technical University
Khryseva A.
Volgograd State Technical University

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Кузенкова А.Ю.
Волгоградский государственный технический университет
Хрысева А.А.
Волгоградский государственный технический университет

Abstract
Article is devoted the analysis of the bases of modern aspects of development of the digital economy in Russia. The basic directions and the basic levels of formation of the digital economy are considered. In addition, the article compares the approaches of China and Russia to achieving success in the development of new information technologies.
Аннотация
Статья посвящена обзору современных аспектов развития цифровой экономики в России. Рассматриваются базовые направления и основные уровни формирования цифровой экономики. Кроме того, в статье приводится сравнение подходов Китая и России к достижению успеха в сфере развития новейших информационных технологий.

Keywords: digital economy, information technology, information and communication technologies, information structure, Russia, China.
Ключевые слова: цифровая экономика, информационные технологии, информационно-коммуникационные технологии, информационная структура, Россия, Китай.

1 декабря 2016 года Президент РФ Владимир Путин в своем послании Федеральному собранию отметил отрасли информационных технологий и их потенциал; также обозначил перспективу увеличения экспорта It-продукции из России, при этом затронув необходимость формирования цифровой экономики, которая за счет использования информационных технологий поспособствует повышению эффективности всех отраслей. [1]

Итак, что же представляет из себя цифровая экономика? Цифровая экономика — это система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых технологий. Иногда её называют интернет-экономикой, новой экономикой или веб-экономикой. [2]

Развиваться цифровая экономика начала вследствие перехода от механической и аналоговой технологии к цифровой электронике, которая возникла в конце 1950-х годов.

Радикальные изменения, вызванные появлением цифровых вычислительных и коммуникационных технологий, ознаменовало начало новой информационной эры.

Главные задачи современной цифровой экономики – упрощение жизни граждан, путём повышения качества товаров и услуг, произведенных с помощью использования цифровых технологий.

До 2024 года правительство выделило 5 базовых направлений развития цифровой экономики в России [3]:

1. Кадры и образование. Совершенствование системы образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику компетентными кадрами. Трансформация рынка труда, который должен опираться на требования цифровой экономики. Создание системы мотивации по освоению необходимых компетенций и участию кадров в развитии цифровой экономики России.
2. Информационная инфраструктура. Развитие сетей связи, развитие системы российских центров обработки данных, внедрение цифровых платформ работы с данными для обеспечения потребностей граждан, бизнеса и власти.
3. Информационная безопасность. Достижение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации.
4. Формирование исследовательских компетенций и технологических заделов. Создание системы поддержки поисковых, прикладных исследований в области цифровой экономики (исследовательской инфраструктуры цифровых платформ), обеспечивающей технологическую независимость по каждому из направлений сквозных цифровых технологий, конкурентоспособных на глобальном уровне, и национальную безопасность.

5. Нормативное регулирование. Формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием.

Управление программой будет осуществиться на трёх уровнях, а именно: стратегическом, оперативном и тактическом. Стратегический уровень предполагает систему формирования направлений развития цифровой экономики, цели и планы. На оперативном происходит обеспечение управления реализацией, на тактическом реализовываются планы и проекты.

Успешной программу можно признать, если к 2024 году будут достигнуты все запланированные цели, а именно:

1. Появление в России не менее 10 высокотехнологичных национальных компаний-лидеров, разрабатывающих «кросс-технологии» и управляющие цифровыми платформами.

2 Наличие в России не менее 500 малых и средних предприятий, имеющих отношение к созданию цифровых технологий.

3. Количество выпускников по направлениям информационно- телекоммуникационных технологий должно быть как минимум 120 тысяч человек в год, а количество выпускников с компетенциями в области информационных технологий на среднем уровне не должно быть меньше 800 тысяч ежегодно.

4. 40% населения должны иметь цифровые навыки, то есть быть компетентны в области применения персональных компьютеров, интернета и других видов ИКТ.

5. Реализованные проекты в сфере цифровой экономики должно быть не менее 30 и объёмом в 100 млн. рублей.

6. Количество российских организаций, которые принимают участие в реализации крупных проектов в области цифровой экономики объёмом 3 млн. долларов в приоритетных направлениях международного технического сотрудничества должно быть не меньше 10.

7. В сфере формирования исследовательских компетенций и технологических заделов количество реализованных проектов должно быть не менее 30, количество российских организаций, участвующих в реализации крупных проектов в приоритетных направлениях международного научно-технического сотрудничества, — не менее 10.

8. 97% граждан получат доступ к широкополосному интернету со скоростью 100 Мбит/с.

9. Во всех городах миллионниках будет работать 5G.

10. Внутренний сетевой трафик рунета, маршрутизирующийся через иностранные серверы достигнет отметки в 5%.

Что касается цифровой экономики других стран, то в пример можно привести Китай. В 2017 году в Китае принят «План развития искусственного интеллекта нового поколения», который, как и российская программа «Цифровая экономика», направлен на развитие и использование новейших цифровых технологий на благо общества, государства и бизнеса.

Но, если сравнивать подходы Китая и России в достижении поставленных целей, то можно заметить, что они существенно различаются:

1. Китайский план развития – это не новая «команда сверху», а логическое продолжение реализации ранее принятых решений национального уровня и наработок в данной области. План формализует уже существующие инициативы в области искусственного интеллекта (ИИ) и существенно расширяет перечень запланированных мероприятий. Его задача – ускорить развитие ИИ и других сквозных технологий (большие данные, нейросети, квантовые вычисления, новые производственные технологии, промышленный Интернет, робототехника, технологии виртуальной и дополненной реальности). Фундамент для такого развития уже создан практически по всем направлениям: созданы микропроцессоры ИИ, обеспечено лидерство страны по числу суперкомпьютеров, побит рекорд скорости обработки информации и так далее.

2. Китайский план синхронизирует свои усилия в виде национальных и местных органов власти, частных компаний и академических учреждений для обеспечения лидерства Китая в области ИИ при высокой заинтересованности всех участников.

Российская программа представляет собой государственную инициативу. Ответственность за выполнение мероприятий закреплена за органами власти и центрами компетенции.

3. План Китая связан с главными стратегическими документами и взаимодополняет их. Развитие искусственного интеллекта и других сквозных технологий идёт параллельно. План имеет чёткие приоритеты.

Российская программа практически не скоординирована с другими документами стратегического планирования, такими, как «Стратегия развития информационного общества» и «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации». Приоритетность программы условная.

4. Китай ставит перед собой самые амбициозные цели: стать «научно-технической сверхдержавой», мировым центром инноваций в области ИИ (лидером в всех областях ИИ) с активной коммерческой индустрией ИИ, и лидером в создании промышленных роботов.

По сравнению с Китаем, российские цели больше похожи на результаты подготовительного этапа: создание экосистемы цифровой экономики России, устранение существующих препятствий развития, повышение конкурентоспособности.

5. Китай признаёт свои сильные и слабые стороны, учитывая их в своём плане. К примеру, у страны есть отрыв от США в аппаратном обеспечении для машинного обучения и выполнения алгоритмов ИИ, но есть выигрыш в контроле доступа к данным, что более важно. Поэтому план предполагает «догоняющий» подход в аппаратном обеспечении для ИИ и протекционизм в обеспечении доступа к данным.

В российской программе стратегия реализации не описана, сильные и слабые стороны страны на глобальном цифровом рынке отражены поверхностно.

6. Подход Китая к защите данных представляет собой политику обеспечения контроля китайских компаний над ценными данными, в том числе за счёт хранения данных о пользователях на территории страны, обязательного использования национальных стандартов Китая в областях, связанных с ИИ, включая облачные вычисления, промышленное программное обеспечение и большие данные.

Россия идёт по тому же пути.

7. Китай прилагает максимум усилий по достижению целей и уже добился ряда знаковых побед, говорящих о правильности выбранного подхода (например, в части привлечения лучших мировых специалистов в области ИИ для работы в Китае).

Китай проводит «закрытую» политику, когда исследует рынок новейших технологий и лучших специалистов, не давая иностранным компаниям закрепиться на своём внутреннем рынке. Поощряются поглощения иностранных компаний для получения доступа к технологиям, обязательным условием выхода иностранных компаний на китайский рынок всё чаще становится передача технологий.

Также продвигается политика протекционизма, предполагающая агрессивную защиту китайских компаний от зарубежных конкурентов и поглощений, а также обеспечивается распределение международных рынков между китайскими компаниями таким образом, чтобы они не конкурировали между собой. Усиливается контроль за исполнением государственных задач бизнесом и научным сообществом. В крупнейших IT-компаниях для этого созданы «партийные комитеты», государство покупает «управляющие пакеты» акций.

Кроме того, Центральное правительство Китая отбирает наиболее эффективные компании для развития национальных инновационных платформ ИИ. В ноябре 2017 года выбраны компании Baidu, Alibaba, Tencent и iFlyTek, которые должны возглавить развитие ИИ по следующим направлениям: самоуправляемые автомобили, умные города, компьютерное зрение для постановки медицинских диагнозов и распознавание речи соответственно. Известно, что в рамках этой работы Baidu создали уникальные условия в работе с производителями автомобилей, а компания Tencent получила широкий доступ к медицинским данным.

Таким образом, и Россия и Китай в современных экономических условиях рассматривают направление развития информационных технологий как одно из наиболее приоритетных, позволяющих и в будущем занимать ключевое положение в основных отраслях на мировом рынке, а также сохранять высокую конкурентоспособность своих товаров и услуг в мировой экономике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс] : Цифровая экономика — Режим доступа: http://minsvyaz.ru/ru/activity/directions/779
2. Беркана А., Зачем России цифровая экономика? [Электронный ресурс] : 2017. Режим доступа: https://rb.ru/longread/digital-economy-in-russia/
3. Цифровая экономика России 2024 [Электронный ресурс] : — Режим доступа: https://data-economy.ru
4. Как российская программа «Цифровая экономика» выглядит в сравнении с планами Китая [Электронный ресурс] : — Режим доступа: http://d-russia.ru/kak-rossijskaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-vyglyadit-v-sravnenii-s-planami-kitaya.html

HISTORICAL SCIENCES

ON THE ROLE OF COINS IN THE GREEK-BARBARIC TRADE IN THE VI-I CENTURIES BC (ACCORDING TO NUMISMATIC AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES) ON THE EXAMPLE OF THE GREEK POLICIES OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION.

Bezrukov A.
candidate of historical sciences, associate professor
Mineeva A.
student 2 years eg. History "Magnitogorsk State Technical University. GI Nosova »
Russian Federation, Magnitogorsk

К ВОПРОСУ О РОЛИ МОНЕТЫ В ГРЕКО-ВАРВАРСКОЙ ТОРГОВЛЕ В VI-I ВВ. ДО Н.Э. (ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ) НА ПРИМЕРЕ ГРЕЧЕСКИХ ПОЛИСОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ.

Безруков А.В.
к. ист.н., доцент.
Минеева А.П.
студентка 2 курса напр. История
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова»
Россия, Магнитогорск

Abstract

The article deals with the problem of commodity-money circulation in the barbaric environment under the influence of the Greek policies of the Northern black sea region in the IV-I centuries BC.

Аннотация

В статье рассматривается проблема возникновения товарно-денежного обращения в варварской среде под влиянием греческих полисов Северного Причерноморья в IV-I вв. до н.э.

Keywords: Bosporus, barbarian, trade, coins, money-weight system, circulation of coins, Volga and Kama Rivers Region.

Ключевые слова: Боспор, варвары, торговля, монеты, денежно-весовая система, обращение монет, Волго-Камье.

В последнее время греко-римско-варварским отношениям в отечественном антиковедении уделяется много внимания, что вызвано, очевидно, накоплением археологических материалов, позволяющих по-новому взглянуть на различные аспекты данной проблемы. В работах современных исследователей рассматриваются многочисленные предметы античного импорта, обнаруженные как на ближней, так и на дальней варварской периферии, преимущественно, в богатых погребениях кочевой знати, а также возможные пути и способы их проникновения.

Находки импортных предметов, являющихся по преимуществу продукцией ремесленных мастерских греческих полисов Причерноморья в в целом укладываются в широкий хронологический диапазон, начиная с IV в. до н.э. и по I в. до н.э. включительно.

В то же время, несмотря на обнаружение античных монет различных античных центров, как на ближней, так и на дальней варварской периферии в указанный хронологический период, проблема причин и условий возникновения товарно-денежного обращения не стала предметом отдельного исследования, хотя различные аспекты заявленной проблемы нашли своё отражение в работах отечественных исследователей.

Например, истории автономной чеканки монет полисов Боспора в начальный период их существования (VI-V вв. до н.э.) посвящена работа А.В. Терещенко [7]. Вопрос о роли монет в межплеменной торговле, способах их проникновения на дальнюю варварскую периферию в различные хронологические периоды на примере находок греческих, римских и византийских монет рассматривается в статье А.В. Безрукова [2, с.77-85].

Целью данной работы является рассмотрение монетных находок с именами варварских племенных вождей и царей в контексте проблемы причин и условий возникновения товарно-денежного обращения в среде варварских племён ближней и дальней периферии

Одними из самых первых свидетельств, демонстрирующих появление имён варварских правителей на античных монетах северопричерноморских полисов, являются монеты Ольвии с именами скифских царей.

Совершенно новым периодом истории монетного дела в Ольвии был период выпуска монет с изображениями и именами скифских царей, Фарзоя и Инисмея (Ининсмея). По мнению исследователей, монетами скифских царей, чеканенными в Ольвии, можно считать только монеты Скилура (II в. до н.э.), Фарзоя и Инисмея (I в. до н.э.) [3, с,140].

В целом же находки золотых и серебряных статеров скифских царей очень редки, и, очевидно, не служили средством обращения, а являлись «донативными выпусками» и были вызваны скорее политическими потребностями, чем нуждами экономики.

Нам представляется наиболее аргументированной позиция исследователя, согласной которой на характере выпуска медной монеты в Ольвии «отразился факт признания ею вместе с другими греческими плисами Северного Причерноморья власти понтийского царя Митридата VI Евпатора в конце II в. до н.э.» [3, с.143].

На сегодняшний день известны находки не монет с именами Фарзоя и Инисмея, но и археологические материалы. В 1984 г. экспедицией Винницкого краеведческого музея под руководством Б.И. Лобая у с. Пороги Ямпольского р-на Винницкой обл. в кургане эпохи бронзы были исследованы два впускных погребения знатных сарматов [6], в которых на пластинах парадного и наконечнике портупейного поясов, на золотой пластине, украшавшей ножны меча, на скуле лошадиной головки — наконечнике гривны, а также на днище и ручке серебряного кубка помещены семь тамг, которые, как известно, являются знаками «царя» Инисмея, они помещены на его монетах, чеканенных в Ольвии в конце 70-х — начале 80-х годов н.э. [6, С.148-150].

Самая активная дискуссия, как среди отечественных, так и зарубежных исследователей, вызвана определением хронологии и эмитента так называемой «синдской» монеты, находки которой известны, прежде всего, на памятниках греческих полисов Боспора.

В отечественной нумизматике долгое время господствовала точка зрения, согласно которой чекан монеты принадлежит племени синдов, а хронологически он относится ко времени правления Гекатея, современника Сатира I, а греческий характер обусловлен сильной степенью эллинизации Синдики, на что указывают изображения Геркала и сов на лицевой стороне монет [3, С.163-164].

Относительно вопроса об эмитенте крайне категоричную позицию занимает С.Р. Тохтасьев, согласно которому её чеканка принадлежит именно синдам, а не греческому полису Синд, а с точки зрения языка легенда «ΣΙΝΔΩΝ» может означать только одно «(монета) синдов» [8, С.77-78].

Более взвешенно к решению вопроса подходит М.Г. Абрамзону, согласно которому Синдская чеканка была слишком кратковременным эпизодом в монетном деле Боспора, чтобы делать категорические выводы о хронологии этой серии и локализации монетного двора [1].

По мнению автора «Заманчиво принять точки зрения авторов о чеканки монет в Фанагории, по тсроенную на удачной интепретации скудных нарративных итсочников, но для этого надо иметь два условия. Во-первых, следует исходить, что мы имеем дело с чеканкой военной симмахии или религиозной амфиктионии греков Синдики (с центром в Фанагории), а не с чеканкой синдов, чьё общественное устройство достигло уровня государственности при Гекатее. Во-вторых, необходимы надёжные археологические данные, свидетельствующие об интенсивной деятельности монетного двора, которому приписываются данные выпуски, а найденных «синдских» оболов in situ на территории Фанагории для этого явно недостаточно» [1, С.142-143].

Конечно, говоря о «синдской» монете нельзя не сказать о работах В.Д. Кузнецова, в которых представлен полный и подробный анализ всех, существующих на сегодняшний день позиций по данному вопросу.

Автор, говоря о контактах боспорских эллинов с автохтонным населением, главное внимание уделил проблеме хронологии и определении эмитента этой монеты. По мнению автора именно наличие государственности явилось для исследователей решающим аргументом для появление монеты, а государственность определяется наличием у синдов царя. Но, как справедливо замечает исследователь «рядом с синдами находились племена меотов одного уровня общественного и экономического развития, но им никто не приписывает существование государства» [4, с. 256]. Важно и то, что эмиссия совпадает с периодом активной фазы войны за Синдику, и чеканка монет могла быть связана с военными действиями.

Таким образом, по мнению автора, «на сегодняшний день следует признать невозможность какого-либо окончательного решения на современном этапе их исследования, необходимо продолжение изысканий, и надеяться на появление новой информации, как письменной, так и археологической [4, С.277-278].

Интерес представляет анализ и интерпретация бронзовых слитков обнаруженных на территории дальней варварской периферии, в Поволжье и Приуралье как первых металлических денег народов указанного региона. В ходе археологических исследований было обнаружено несколько десятков бронзовых слитков на территории Поволжья, в богатых погребениях у с.Тураево (Бондюжский р-н., Татарстан), датируемых III-V вв. н.э., а также в погребениях и культурных слоях раннесредневековых городищ Приуралья и Прикамья, относящихся к родановской культуре.

По мнению автора, бронзовые слитки, отлитые из однородного по состава сплава, представляют собой собственно первые металлические деньги, изготовленные в Поволжье и Приуралье на основе Сасанидской весовой системы. В хронологическом отношении диапазон обращения слитков достаточно широко. Для Поволожья можно указать III-VII вв. н.э., а для Приуралья и Прикамья – X-XI вв.

Таким образом, по мнению автора, в Поволжье и Приуралье под влиянием интенсивно поступавшего драгоценного металла не позднее VII в. сложилась собственная денежно-весовая система [5, С.119-122], что на наш взгляд выглядит несколько преждевременным и требует уточнения.

В итоге, на наш взгляд, следует признать, что денежное обращение в варварской среде находилось на первоначальной стадии своего развития, когда функции денег еще не получили всех необходимых предпосылок для подъема и расширения ареала своего воздействия на экономику и уклад варварских племен.

Представленные выше эпизоды, связанные с эмиссией ольвийских монет с именами скифских царей и чеканка «синдской» монеты были во многом обусловлены не экономическими, а политическими факторами и не нашли своего логичного продолжения в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абрамзон, М.Г., Горлов Ю.В. Два «синдских» обола, найденных в Фанагори/ М.Г. Абрамзон, Ю.В. Горлов. – РА. – 1998. - 3. – С.141-144.
2. Безруков, А. В. Роль монеты в межплеменной торговле народов Волго-Камья/ А.В. Безруков. – ПИФК. – 2011. - 1. – С.77-85.
3. Казаманова, Л.Н. Введение в античную нумизматику/ Л.Н. Казаманова. – учебное пособие. – М., 2013 – 360 с.
4. Кузнецов, В.Д. Фанагория и Синдика: некоторые заметки / А.А. Завойкин (ред), Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т.4). – Москва, 2016. – С.250-278.
5. Мухамадиев, А.Г. Бронзовые слитки – первые металлические деньги Поволжья и Приуралья (I тыс. н. э.)/ А.Г. Мухамадеев. – СА. – 1984. – 3. – С. 220–221.
6. Симоненко А.В, Фарзой и Инисмей – аорсы или аланы?// А.В. Симоненко. – ВДИ – 1992. – 3. – С.148-162.
7. Терещенко, А.В. Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского в VI-V вв. до н.э./ А.В. Терещенко. - автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.06. Ин-т истории мат. культуры РАН. – Санкт-Петербург, 2004. – 24 с.
8. Тохтасьев, Р.С. Еще раз о синдских монетах и Синдском царстве/ Р.С. Тохтасьев// Боспорский феномен. – Т. I. – СПб., 2001. – С.63–79.

JURISPRUDENCE

CRIME SELF-DETERMINATION PHENOMENON

Bochkareva E.
postgraduate student of the Department of Criminology and penal law
Moscow State Law University of O.E. Kutafin (MSAL)

Abstract

Purpose. To examine the phenomenon of crime self-determination in order to identify its features. **Findings.** On the basis of the research, the author proposes the following definition: crime self-determination is the process of generation of new antisocial acts by criminality. The author also proposes a new classification of the forms of crime self-determination: by the mechanism of impact - direct self-determination (commission of auxiliary crimes, the organized groups, recidivism, corruption, professional crime, penitentiary crime) and indirect self-determination (latent crime, unsolved crime, shadow justice, a special psychology of society, and criminal anti-culture), by the level of action - self-determination of certain types of crime (mercenary, violent and other types of crime) and self-determination of individual crimes (murder, receiving and giving a bribe, the organization of an extremist organization, and others). **Scientific and practical significance.** The conducted scientific research allows to study the phenomenon of crime self-determination in more detail in order to minimize the spread of this phenomenon in society.

Keywords: criminology, crime, crime self-determination, crime self-reproduction, causes of crime, crime prevention.

Professors A.I. Dolgova [5, p. 8], V.N. Kudryavtsev [11, p. 7], V.E. Eminov [8, p. 121], Y.M. Antonyan [1, p. 65], D.A. Shestakov [13] among the causes of crime distinguish its predisposition to self-determination, which refers to the conditionality of crime inherent in it as a systematical structural formation of relationships and dependencies that support or strengthen its reproduction in specific conditions of time and place [15, p. 9].

There are several approaches to the definition of self-determination: general scientific, social, criminological.

Within the general scientific approach, self-determination is considered as "the change of an object under the influence of its inherent contradictions, factors and conditions" [4, p. 403].

Representatives of the social approach define self-determination as the main innate tendency that leads the body to engaging in behaviors of interest, that usually have advantages for developing the ability to perform flexible interaction with the social environment [9]. At the same time, self-determination is included in the development process in such a manner that the change in the way the behavior is regulated goes from complete definability by external forces to internal autonomous self-regulation [9].

Within the criminological approach, professor A.I. Dolgova gives the most complete picture of the self-determination phenomenon: "Crime is a certain system of interrelated elements, whereas the ability of the system to reproduce and self-preserve is a feature of the system, which consists in recreating the structures and connections between them; constant process of maintaining the balance of the system with the environment. This is a basic property of the system, without which it would cease to exist [5, p. 8].

All the above definitions consider self-determination through a systematic approach, involving a change in the internal characteristics of the system through its development. In this case, the system is not something separate, it actively interacts with the external environment, which also affects the change in its internal qualities. At the same time, the reverse process occurs - when the system influences the external environment by transforming it.

Considering crime as a system capable of self-reproduction (self-determination), the following features can be distinguished:

1) crime in general is changed through changing its internal characteristics, for example, in the case of the professionalization of perpetrators;
2) crime changes due to changes in social institutions, for example, in the case of political instability in the country;
3) crime affects social processes, for example, in the case of impunity of corrupt officials.

As V.N. Dremin correctly points out, "crime self-determination is possible to the extent that there is a certain activity in society (in this case, a criminal one), which is closely connected with other types of activity. Self-determination of criminal forms of behavior is carried out through the interdependence of various types of activity that a particular person (actor) performs. One activity creates another activity" [7, p. 531]. In the criminological sense, the reproduction of crime appears as a social process, consisting in constantly continuing cycles of activity results exchange.

The existence of self-determination phenomenon is caused by the fact that crime is a non-isolated social system and affects various kinds of social relations including by means of implementation.

Meanwhile, crime self-determination can be understood in a narrow and broad sense. In a narrow sense, crime self-determination is understood as the process of generation of new socially dangerous acts by criminality, prohibited by criminal law. In a broad sense it is the process of generation of new antisocial acts by criminality.

V.E. Eminov identifies the following forms of self-determination of crime [8, p. 121-124]:

1) self-determination in the commission of "successful" (unidentified, latent) and unsolved crime. In this group of factors, the authors include professional crime as well as recidivism.

However, in our opinion, recidivism is a separate form of crime self-determination;

2) self-determination associated with the commission of "auxiliary", "subsidiary" crimes. Conventionally, the authors distinguish between two types of such unlawful acts: "preliminary" (those followed by "main" crimes) and "post-criminal" (those committed after the "main" crime). Among the examples of the first type are illegal acquisition of weapons to commit murder, kidnapping for the removal of organs and tissues, etc. Examples of the second type can be the concealment of traces of the main crime (killing the victim after rape, for instance);

3) self-determination related to the activities of organized crime. The connection of organized crime with mercenary, violent crimes, as well as its relationship with corruption and other types of crime should be highlighted in this case;

4) self-determination related to the non-normative psychology of the population. The high level of crime and the lack of proper opposition from law enforcement agencies leads to the emergence of a special mass psychological state characterized by the perception of the permissibility of criminal acts.

In addition to the mentioned forms of crime self-determination, professor A.I. Dolgova and associate professor M.V. Koroleva distinguish another form - "shadow justice", implying independent resolution of disputes that have arisen in society, including the use of a criminal resource [6, p. 6; 10, p. 71-78].

In this case, associate professor M.V. Koroleva divides the forms of self-determination of crime into two groups:

1) forms that have an immediate (direct) self-deterministic effect on crime (latent crime, unsolved crime, the commission of auxiliary crimes, organized crime, corruption, etc.);

2) forms that have a mediated (indirect) self-determining influence on crime ("shadow justice", criminal subculture and a special psychology of the population, causing "non-normative behaviour") [10, p. 71-78].

However, in our opinion, it is necessary to attribute latent and unsolved crime to forms that have a mediated (indirect) effect, due to the fact that these types of crime determine new crimes, affecting the psychology of both the criminal and society, forming permissiveness in them.

V.V. Makarov, in turn, dividing the forms of self-determination of crime into internal sources of reproduction of crime and a favorable external environment, identifies the following types [12, p. 45-46]:

1) impunity as an internal source of reproduction of crime. This source is about a pattern in which one successful and unsolved crime, as a rule, leads to the commission of a repeated crime. The author also includes latent crime and recidivism here;

2) the commission of related crimes as an internal source for the reproduction of crime. The commission of a related crime ensures the commission of the main one. According to the author, the commission of a related crime is either due to the commission of the main crime or depends on a set of circumstances related to it;

3) criminal subculture as an internal source of reproduction of crime. This source is associated with the negative influence of the criminal subculture, due to which criminality gets a "justification" and forms its own rules of behavior;

4) external favorable environment conducive to the crime self-determination. The author attributes here a number of factors, one of which is the psychology of the population (if the crime rate is high and most crimes are unpunished, then a state of permissiveness arises in society).

Analyzing the classifications of forms of crime self-determination, a different systematization of the considered forms seems more correct.

In this case, self-determination of crime can be divided:

1. by the mechanism of impact:

1.1. direct self-determination:

1.1.1. commission of auxiliary crimes:

1) auxiliary crimes are necessary for the commission of the main one. Such auxiliary crimes facilitate the commission of the main crime, while at the same time being a criminal offense. For example, the acquisition or manufacture of weapons for murder; forging documents for a loan, etc.;

2) auxiliary crimes committed in order to conceal traces of the main crime. For example, an individual entrepreneur in order to conceal his illegal income declares bankruptcy, which is further recognized as fictitious; an accountant falsifies documentation in order to hide the theft of funds, etc. Here, the perpetrator commits an auxiliary crime, concealing the traces of the committed (main) crime, in order to avoid punishment. It should be noted that the concealment of traces is typical for the overwhelming number of crimes, but it will not always constitute a corpus delicti;

3) auxiliary crimes committed in order to use the results of a crime. For instance, the legalization of criminally acquired income. According to expert estimates, the bulk of income received as a result of illegal activities is legalized by means of their uncontrolled entry into commercial circulation;

1.1.2. organized crime.

Self-determination is expressed not only by the influence of organized crime on the economic sphere, but also by the presence of the reverse process. One can observe the process of vertical disintegration of organized criminal groups: "As the leaders of economically successful organized criminal groups established relations with the legitimate authorities and integrated into the legal business, members of the middle and lower level groups became unnecessary. Many of them have now joined the ranks of ordinary, unorganized crime." Even if the business structure with a criminal past completely refuses to commit crimes, the very fact of its entry into the "legal" economic life can in one way or another adversely affect society, facilitate anomie and be one of the independent factors of self-determination of crime;

1.1.3. corruption.

Another form of crime self-determination – corruption – is closely related to organized crime [3, p. 77-82]. Organized criminal formations are the main corrupted characters; they act as the customer for the actions of the bribed party. At the same time, reverse relation also exists, when corrupt officials contribute to the preservation and development of criminal structures, helping them, for example, to evade taxes and criminal liability, illegally acquire property, etc.;

1.1.4. recidivism.

Recidivism of crimes differs from simple repetition in that a new crime is committed after the measures for previous crimes have been taken. Recidivism expresses such a negative quality of crime as its resilience, and its increased public danger in the fact that it indicates the persistent unwillingness of a number of individuals to behave in accordance with the norms accepted in society and the choice of criminal methods to solve their problems by such individuals;

1.1.5. professional crime.

The professionalism of criminals is observed when a criminal commits socially dangerous acts of a certain type, for instance, fraudulent acts, several times. And each time he improves the criminal schemes used, and also works out new ones, based on his personal criminal experience and the experience of other criminals serving their sentences with him. At the same time, it is impossible not to notice that professional crime has an increased latency;

1.1.6. penitentiary crime.

The mechanism of self-determination of penitentiary crime is expressed in:

1) special criminal anticulture and forced submission to the interests of criminal leaders;

2) conflict situations and contradictions between groups of convicts and individual convicts or between convicts and representatives of the prison administration;

3) development of a special psychology of a convicted person who is constantly awaiting humiliation and is ready for self-defense, in connection with which he has to join this or that group of convicted people for the sake of his own safety and support their interests;

1.2. indirect self-determination:

1.2.1. latent crime.

Considering the issue of the latency of crime, it is necessary to distinguish two of its types: concealed and covered up. Concealed latency of crime is caused by a number of factors: the victim did not appeal to law enforcement agencies for the protection of his interests because he was unaware that a crime had been committed against him (for instance, a fraud was committed against a citizen, but he does not perceive it as a criminal act, considering the incident insignificant) and further actions, because of the unwillingness to seem insolvent (for instance, in the case of rape, the victim does not inform the law enforcement authorities of the incident, not to spoil her own "reputation”), because of the inefficiency of law enforcement agencies, restoration of social justice without help (for instance, lynching); law enforcement agencies are not aware of the crime for other reasons (for instance, in the case of killing a person with no fixed abode and hiding the corpse in a forest). Covered up crime can also be caused by a number of factors: neglect of crimes in order to improve the solve rates, the refusal to accept the statement with reference to the insignificance of the act (however, the decision on insignificance is subjective), due to the workload of law enforcement agencies;

1.2.2. unsolved crime.

Unsolved crimes due to the fact of their registration and recording by law enforcement agencies are not part of latent crime, but they play the same role in the development of self-determination of crime, since in case of the absence of a response from law enforcement agencies the offender does not bear punishment, which leads him to conclude that it is possible to continue criminal activities;

1.2.3. shadow justice.

“Shadow justice” is the resolution of disputes arising between citizens, as well as their protection of their interests on their own, including with the use of a criminal resource in a situation of lack of confidence in the state’s law enforcement system. In the case of revenge of the victim, the accomplishments of "lynching" dispute settlement occurs outside the framework of the official state system;

1.2.4. criminal anticulture.

Criminal anticulture influences not only those serving sentences in prison, but also the psychology of society as a whole. In the fair opinion of O.V. Starkov, the social danger of criminal anticulture is that it:

1) distorts the public sense of justice, distorts the integrity of citizens;

2) preserves and passes criminal experience and professionalism from generation to generation of criminals;

3) contributes to the negative transformation of moral, cultural, ideological, aesthetic values of modern society;

4) complicates, and in some cases even blocks, the process of socialization of adolescents and young people, instilling pseudo-cultural attitudes and asocial norms in them;

5) creates a positive image of certain categories of criminals and condemns the assistance of the population to law enforcement agencies in any form;

6) forms public opinion about the lack of trust in the state, provokes citizens to violate legal norms and prohibitions, also pushes them to commit administrative offenses and criminal offenses;

7) cultivates legal nihilism, frivolous or careless attitude to labor and civil duties, dismissive or indifferent attitude to historical and cultural monuments in the society [14, p. 22];

1.2.5. a certain psychology of the population.

Legal anomia (a certain state of the psychology of society) arises precisely in connection with the dissonance of unwritten and formal law. The development of formal law contrary to the norms established in society generates and reinforces anomic behavior. The means to achieve the goal set by the individual may come into conflict when the individual begins to strive for some result, but he understands that he does not have access to the approved means of social structure. In this case, he resorts to illegal ways to achieve his goal [2];

2. by level of action:

2.1. self-determination of certain types of crime (mercenary, violent and other types of crime);

2.2. self-determination of individual crimes (murder, receiving and giving a bribe, the organization of an extremist organization, and others).

Thus, crime self-determination is the process of generation of new socially dangerous acts by criminality. Forms of crime self-determination can be divided into two main groups: having a direct self-determining effect and having an indirect self-determining effect. The first group includes the commission of auxiliary crimes, an organized group, recidivism, corruption, professional crime, penitentiary crime. We include latent crime, unsolved crime, shadow justice, a special psychology of society and criminal anti-culture to the second group.

REFERENCES:

1. Antonyan Yu.M. Criminology: a textbook for bachelors. Moscow: Yurayt, 2012. 388 p. (In Russian).
2. Bochkareva E.V. Legal anomie and criminalization of modern Russian society // Bulletin of CSU. Series "Right". - 2018. (In Russian).
3. Bochkareva E.V. Organized crime as a form of crime self-determination // Spirit-time. 2018, №12, pp. 77-82. (In Russian).
4. Brief philosophical encyclopedia. Moscow: Progress, 1994. 575 p. (In Russian).
5. Dolgova A.I. Criminological assessments of organized crime and corruption, legal battles and national security. Moscow: Russian Criminological Association, 2011. 665 p. (In Russian).
6. Dolgova A.I., Vanyushkin S.V., Evlanova O.A., Ilyin O.S., Koroleva M.V., Serebryakova V.A., Yutskova E.M. Crime in Russia: statistics and realities // Crime, statistics, law. Moscow: Criminological Association. 1997, pp. 4-10. (In Russian).
7. Dremin V.N. Theoretical foundations of the concept of criminal activity in criminology // Actual problems and powers and rights. 2012, Vol. 65, pp. 527-539. (In Russian).
8. Eminov V.E. The causes of crime in Russia: criminological and socio-psychological analysis: Monograph. Moscow: Norma, 2011. 128 p. (In Russian).
9. Gordeeva, T.O. Self-determination theory: present and future. Part 1: Problems of the development of the theory // Psychological studies: electron scientific journals. 2010, №4 (12). URL: http://psystudy.ru/num/2010n4-12/343-gordeeva12 (In Russian).
10. Koroleva M.V. Corruption: the state of counteraction and the direction of optimization of the struggle // The state of counteracting corruption and the direction of improving the fight against it: Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Moscow, 2015. Pp. 71-78. (In Russian).
11. Kudryavtsev V.N. Causality and determinism in criminology. Vladivostok, 1983. Pp. 4-10. (In Russian).
12. Makarov V.V. Self-determination of crime: a monograph. Moscow: Yurlitinform, 2015. 144 p. (In Russian).
13. Shestakov D.A. Criminology: new approaches to crime and crime. Saint Petersburg: Legal Center PRESS, 2006. 561 p. (In Russian).
14. Starkov O.V. Criminal subculture: special course. Moscow: Volters Kluver, 2010. 240 p. (In Russian).

PROTECTION OF VALUABLE SPECIES IN THE RUSSIAN FEDERATION BY THE CRIMINAL LAW SHOULD BE IMPROVED

Zhevlakov E.
Doctor of law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation,
Honorary worker of the Prosecutor's office of the Russian Federation,
Professor of Criminal Law
Department of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОСОБО ЦЕННЫХ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НУЖДАЕТСЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ

Жевлаков Э.Н.
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
почетный работник прокуратуры российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Abstract

The article refers to the measures taken by the state to protect particularly valuable species of animals, shows the reasons for the low efficiency of their criminal law protection. The article analyzes the environmental and legal content of the concepts of "animals", "especially valuable animals", "wild animals", etc. and the transformation of these concepts in the composition of environmental crimes, taking into account recent changes in the criminal code. Specific proposals to improve the quality of criminal law norms of environmental nature are formulated.

Аннотация

В статье говорится о мерах государства, предпринимаемых для защиты особо ценных видов животных, показаны причины низкой эффективности их уголовно – правовой охраны. Анализируется экологическое и правовое содержание понятий «животные», «особо ценные животные», «дикие животные» и др. и трансформация этих понятий в составах экологических преступлений с учетом последних изменений в УК РФ. Формулируются конкретные предложения по повышению качества уголовно – правовых норм экологического характера.

Keywords: wild animals, especially valuable species of animals, protection of aquatic biological resources, the quality of criminal environmental legislation.

Ключевые слова: дикие животные, особо ценные виды животных, охрана водных биоресурсов, качество уголовного экологического законодательства.

Президентом Российской Федерации (далее – РФ) 30 апреля 2012г. утверждены Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года, а распоряжением Правительства РФ от 17 февраля 2014 N 212-р. на период до 2030 г., − Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в РФ. Важным шагом в этом направлении стало внесение в 2012, 2013,2018г. изменений в ст. 226^1, 256, 258 УК РФ (далее – УК), а также принятие новой ст. 258^1 УК, направленных на повышение уголовно – правовой охраны редких и исчезающих видов животных. Однако эффективность действующего уголовного законодательства об ответственности за незаконную добычу и иной оборот особо ценных животных, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ и его качество, по - нашему мнению, оставляют желать лучшего. Причины этого: несовершенная, зачастую просто небрежная редакция соответствующих уголовно – правовых норм, их «несостыковка» с другими нормами об ответственности за экологические преступления, нормами экологического и административного законодательства, несоответствие наказуемости преступлений об ответственности за незаконную добычу и иной оборот особо ценных животных, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ, их реальной общественной опасности, слабая научная обоснованность, отсутствие должного профессионализма правоприменителей. Особого внимания в плане совершенствования требует ст. 258^1 УК. Она тавтологична, труднопонимаема без специального толкования, содержит неприемлемые не согласующиеся между собой с точки зрения русского языка обороты; предусмотренное ею преступление трудно, а порой разграничить со сходными экологическими преступлениями и соответствующими административно – наказуемыми проступками.

Начнем с констатации того, что общепринятая система организмов, обитающих на нашей планете, отсутствует, она является предметом научных дискуссий. Наиболее точными представляются классификации, которые весь живой мир делят на вирусы, бактерии, архебактерии, животных, растения и грибы [1]. Для целей нашего исследования необходимо определить, что есть животные и их часть - особо ценные животные. Легального определения животных вообще, не говоря уже о ценных и особо ценных, на федеральном уровне в РФ нет, хотя отдельные отрасли российского законодательства, часто используют данное понятие. Так, ч.1 ГК РФ содержит в себе целый ряд статьей, где фигурируют животные (137, 230–232, 241), а одна из них — 137 так и называется - «Животные». В абз. 2 ст. 1 ФЗ от 22.03.1995 «О животном мире» говорится, что объект животного мира - организм животного происхождения (дикое животное), а животный мир - это их совокупность. Нет внятного определения животных даже на энциклопедическом уровне. Отмечается, что животные относятся к эукариотам (в клетках имеются ядра). Классическими признаками животных считаются: гетеротрофность (питание готовыми органическими соединениями) и способность активно передвигаться. При этом признается, что существует немало животных, ведущих неподвижный образ жизни, а гетеротрофность свойственна также грибам и некоторым растениям-паразитам [2].

Что касается деления объектов животного и растительного мира на ценные и особо ценные, то таковые, по сути, содержатся в Красных книгах различного уровня — международных, национальных и региональных. Однако российский законодатель пошел по пути определения ценных и особо ценных объектов природной среды не только путем их конкретного описания в Красной книге РФ и Красных книгах субъектах федерации, но и в специальных более узких по содержанию Перечнях, что несколько усложняет задачу разграничения, поскольку их списки не совпадают. Так, федеральное агентство по рыболовству издало приказ от 16 марта 2009 года N 191 «Об утверждении Перечня особо ценных и ценных видов водных биоресурсов, отнесенных к объектам рыболовства» [3]. Соответствующим постановлением Правительства РФ от 31 октября 2013 г. N 978 утвержден Перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ, для целей статей 226^1 и 258^1 УК [4].

Применительно к нормам уголовного экологического законодательства, определяющим предмет посягательства, картина выглядит следующим образом. Вирусы, бактерии и архебактерии, грибы в нормах природоресурсового экологического законодательства и в качестве предмета преступления в УК РФ не фигурируют. Применительно к ст. 245 УК «Жестокое обращение с животными» предмет преступления понимается еще уже. Его составляют только высшие позвоночные — млекопитающие и птицы. Не относятся к таковому по смыслу данной статьи: рыбы, земноводные, пресмыкающиеся, беспозвоночные.

Понятие «водные биологические ресурсы» в контексте названных норм экологического законодательства, а также соответствующих им ст. 226^1, 256, 257, 258^1 УК включает в себя только организмы животного и растительного происхождения. Однако применительно к действующим ст. 226^1 и 258^1 УК это понятие еще более «урезается» и включает в себя живые организмы, относящиеся только к животным, конкретно – только к рыбам, входящим в Перечень, утвержденный Правительством РФ от 31 октября 2013 г. № 978 (амурский осетр, атлантический осетр, белуга, калуга, персидский осетр, русский осетр, сахалинский осетр, сахалинский таймень, севрюга, сибирский осетр, шип). Названный Перечень Правительства содержит также исчерпывающий список особо ценных видов сухопутных животных, которые в этом Перечне, а также в ч.1 ст. 226^1 УК, примечании к ней, ст. 258^1 УК именуются «дикими». Все они, как и особо ценные виды рыб, при этом принадлежат к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. Существуют также виды «краснокнижных» животных, местом обитания которых является как суша, так и вода (бобр, выхухоль, норка и др.), но в указанном Перечне речь о них тоже не идет.

В принципе предусматривать ответственность за незаконный оборот особо ценных видов животных, обитающих на суше, и водных животных («водных биологических ресурсов») в диспозиции одной статьи представляется нецелесообразным в связи с разной степенью общественной опасности посягательств на них. Количество рыб в природной среде, хотя и относящихся к особо охраняемым, гораздо больше, чем особо охраняемых животных, обитающих на суше. Последних в России осталось всего – то несколько десятков или сотен (дальневосточный леопард, например, насчитывает 70 голов, амурский тигр- 540). Принимая это во внимание, законодатель ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и добычу (незаконную охоту) животных, обитающих на суше, не включенных в названный Перечень, предусмотрел в разных статьях 256 и 258 УК. Аналогично следует поступить, на наш взгляд, и конструируя нормы об ответственности за незаконный оборот особо ценных водных животных и животных, обитающих на суше, включенных в указанный Перечень Правительства РФ.

Следует иметь в виду и то, что скорость воспроизводства перечисленных в Перечне рыб значительно превышает скорость воспроизводства млекопитающих, указанных в этом Перечне. Реинтродукция же таких животных как дальневосточный леопард, амурский тигр и прочих, перечисленных в Перечне, в случае их истребления в естественной среде обитания – процесс чрезвычайно сложный, требующий значительных финансовых вложений и не всегда осуществимый.

В связи с изложенным, на наш взгляд, охрану данных живых организмов (млекопитающих и рыб) лучше осуществлять в рамках двух статей УК. Для этого необходимо: а) исключить из предмета преступления, предусмотренного ст. 258^1 УК, водные биологические ресурсы и дополнить главу 26 УК Экологические преступления» новой ст. 256^1 УК – «Незаконные добыча (вылов) и иной оборот особо ценных водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам животных, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ». Расположение данной статьи следом за общей нормой «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» (статья 256 УК) логично вписывается в структуру УК. Введение в УК новой статьи 256^1 влечет и необходимость включения в третий пункт Примечаний статьи 226^1 УК отсылки на статью 256^1 УК. Ст. 258^1 УК следует реконструировать (см. ниже).

Диспозицией ст. 258^1 УК предусмотрено, наряду с содержанием указанных животных (т.е. устройство их в специальных помещениях, кормление, уход и т.д.), содержание их частей и производных (дериватов). однако по понятным причинам сделать это в принципе невозможно. Текст статьи следует изменить. В ней также предусмотрена ответственность за незаконную добычу и незаконный оборот названных объектов животного мира, Но «незаконная добыча» есть разновидность «незаконного оборота», поэтому правильнее говорить «добыча и иной оборот».

Далее. В ст. 258^1 УК, как говорилось, речь идет о «диких животных». Из определения, данного в ФЗ «О животном мире» следует, что к диким относятся те виды животных, которые находятся в состоянии естественной свободы и рассматриваются в качестве компонента природной среды и природного ресурса. То есть в качестве критерия, позволяющего отличить дикое животное от домашнего и иного, принимается среда обитания животного. Если основываться на этой позиции, все водные животные, обитающие в состоянии естественной свободы в природной среде, включая рыб, тоже «дикие» и выделение из общего числа «диких животных» и «рыб» неправомерно с позиций законодательства и противоестественно с позиций биологии. Дикими тогда следует считать и дворовых собак, например. Вместе с тем, такое понятие «дикого животного» узко и не отражает истинного содержания «принадлежности» животного к среде обитания. Диким или домашним животное является по своей сущности, а не по месту нахождения. При этом юридическая природа даже одного и того же дикого животного может быть разной. Так, дикие животные могут находиться в естественной природной среде и выступать предметом экологических преступлений как элемент окружающей среды. Вместе с тем, они могут содержаться в неволе (зоопарке, центре воспроизводства, частном владении, цирке и т.п.), где их юридическая природа совершенно иная: здесь они выступают в качестве имущества, товарно-материальной ценности. Посягательство на них в виде незаконного изъятия, отчуждения, присвоения, уничтожения, повреждения при наличии признаков состава образует по УК РФ преступление против собственности. Эта позиция давно закрепилась в юридической литературе [6, с. 39 – 48] и судебной практике [7]. Однако, ст. 226^1, ст. 258^1 УК и Перечень Правительства от 31 октября 2013 г. N 978 этих нюансов не учитывают. Поэтому из буквального содержания ст. 258^1 УК вытекает, что ответственность она предусматривает за незаконный оборот особо ценных видов животных, находящихся как в естественной природной среде, так и в неволе, включая частные владения. Однако, если принять во внимание в силу бланкетности диспозиции ст. 258^1 УК понятие «дикого животного», даваемое в ФЗ «О животном мире», то приходим к выводу, что ответственность она предусматривает только за незаконную добычу и последующий иной оборот особо ценных видов животных, находящихся до этого в естественной природной среде в состоянии свободы, что уже соответствует истине. К сказанному добавим, что «пространственное» отнесение животного к дикому, полудикому или домашнему не позволяет также определить до какого момента по отношению к человеку животное остается диким, а с какого считается домашним. Анализ имеющейся по данной теме литературы позволяет сделать вывод, что домашними можно считать животных, которые были приручены человеком на ранних стадиях развития общества, полностью зависят от него и которых он содержит, предоставляя им кров и пищу. Домашние животные приносят человеку пользу либо как источник материальных благ и услуг (скот, птица и др.), либо как компаньоны, скрашивающие его досуг (собаки, кошки, певчие птицы, рептилии и другие животные). Большинство домашних животных легко размножаются в неволе. Проводя селекцию, человек может контролировать размножение домашних животных и признаки, которые они передают своему потомству, выводить породы. Каждая конкретная особь домашнего животного может считаться домашним животным либо по отношению к отдельному человеку (как правило − его владельцу) или семье, либо по отношению к человеческому обществу вообще (например - бездомные домашние животные).

Исходя из этого, нельзя, на наш взгляд, считать домашними пойманных (и даже прирученных), и содержащихся, например, в цирке, зверинце, зоопарке, зверя или птицу, они остаются в разряде диких, по крайней мере, в первом поколении. Таковыми же следует считать птиц и зверей, выращенных в неволе, но выпущенных на свободу в целях акклиматизации и размножения, мальков рыб, выращенных на рыбозаводах, и выпущенных в природную водную среду. Правоприменителю трудно и не к чему строить эти сложные умозаключения, поэтому для того чтобы упростить применение ст. 258^1 УК РФ на практике, целесообразно слово «дикие» из этой статьи убрать вовсе и отразить в ней, что речь идет о незаконном изъятии особо охраняемых животных, находящихся на свободе в естественной среде обитания, и незаконном обороте таких животных, изъятых из природной среды [8].

Квалифицированный состав преступления (ч. 2 ст. 258^1 УК) образуют только действия (хотя в диспозиции этой части говорится о деянии, что подразумевает и бездействие), предусмотренные частью первой данной статьи, совершенные: а) должностным лицом с использованием своего служебного положения. Таким образом, из числа субъектов преступления необоснованно исключаются лица, не являющиеся должностными, но могущие использовать свое служебное положение при совершении рассматриваемого преступления: сотрудники заповедников и иных особо охраняемых природных территорий, научных организаций, специальных мест содержания и разведения животных, не относящиеся к числу должностных лиц, а также лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях, например, в охотничьих хозяйствах. Использование указанными лицами, как и должностными, своего служебного положения существенно повышает степень общественной опасности рассматриваемого деяния. При конструировании многих других составов преступлений, в том числе и экологических (ч.3 ст. 253, ч. 3 ст. 256, ч.2 ст.258, п. «в» ч. 2 ст. 260 УК), законодатель обязательно учитывает это обстоятельство.

Также явным пробелом в квалифицированном составе преступления является отсутствие такого квалифицирующего признака как совершение деяния, предусмотренного частью 1 ст. 258^1 УК, группой лиц по предварительному сговору. По статистическим данным ГИАЦ МВД РФ общая групповая преступность в России за последние десять лет в среднем составила около 31%, при этом в указанной форме совершено более 50% от всех преступлений, совершённых в соучастии. Необходимо отметить, что статьи 256, 258 и 260 УК, предусматривающие ответственность за иные сходные виды незаконного природопользования, содержат квалифицированные составы, сконструированные по признаку совершения преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Данные формулировки квалифицированного состава представляются наиболее оптимальными.

С учетом изложенного, нами предлагается более совершенный, на наш взгляд, вариант конструкции новой ст. 256^1 УК и реконструированной ст. 258^1 УК.

«Статья 256^1. Незаконные добыча (вылов) и иной оборот особо ценных водных биологиче-

ских ресурсов, принадлежащих к видам животных, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации

1.Незаконные добыча (вылов) находящихся в состоянии естественной свободы особо ценных водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам животных, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, содержание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка, продажа таких животных, изъятых из естественной среды обитания, а равно приобретение, хранение, перевозка, пересылка, продажа их частей и производных (дериватов) –наказываются…

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору, -наказываются…

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой или с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", -наказываются….

В статье 258^1 УК РФ:

а) в наименовании после слов «Незаконные добыча и» вставить слово «иной», слова «диких», а также - «и водных биологических ресурсов» исключить;

б) абзац первый части первой статьи изложить в следующей редакции:

«1. Незаконные добыча находящихся в состоянии естественной свободы особо ценных животных (за исключением указанных в ч.1 ст. 256^1 УК РФ), принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, содержание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка, продажа таких животных, изъятых из естественной среды обитания, а равно приобретение, хранение, перевозка, пересылка, продажа их частей и производных (дериватов)» - наказываются…», далее по тексту.

в) часть вторую изложить в следующей редакции: «2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору, -наказываются…

г) часть третью после слов «или организованной группой» дополнить словами «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", -наказываются…

ФЗ от 27 июня 2018 № 157 – ФЗ дополнил ст. 258 УК Примечанием следующего содержания: «Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, исчисленный по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике, превышающий сорок тысяч рублей, особо крупным - сто двадцать тысяч рублей». На чем основывается такой вывод не понятно.

Крупным ущербом в данной статье предлагается признавать ущерб, причиненный охотничьим ресурсам, исчисленный по утвержденным уполномоченным федеральным органом исполнительной власти таксам и методикам, превышающий восемьдесят тысяч рублей. Откуда берется такая цифра? В соответствии с пунктом 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 причиненный незаконной охотой ущерб рекомендуется относить к крупному с учетом не только количества и стоимости добытых, поврежденных и уничтоженных животных по соответствующим таксам и методикам, но и с учетом иных обстоятельств содеянного, в частности, экологической ценности, значимости этих животных для конкретного места обитания, численности их популяции. Крупным является ущерб, причиненный, например, отстрелом лося, благородного оленя (марала, изюбря), овцебыка, бурого и белогрудого (гималайского) медведя. Сегодня действующими являются Таксы для исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам, утвержденные как приложение к Методике исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам, утвержденной приказом Минприроды России от 08.12.2011 № 948 (с послед. изм.). Предлагаемый размер крупного ущерба рассчитан с некоторым запасом таким образом, чтобы уголовная ответственность наступала при незаконной добыче в общедоступных охотничьих угодьях тех видов животных, на экологическую ценность которых и значимость для конкретной местности указал Пленум Верховного Суда РФ – одной особи благородного оленя, лося, пятнистого оленя, бурого или гималайского медведей, двух особей кабана или косули и т. д. Особо крупным, с учетом тенденции законодателя увеличивать при подсчете такого ущерба, по сравнению с крупным, сумму в два – два с половиной раза (см. ст. 256, 260 УК), следует признать ущерб в 300 и более тысяч рублей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См. интернет – ресурс: examer. ru (дата обращения 18 августа 2018).
2. См. интернет − ресурс: dok.academic. ru (дата обращения 19 августа 2018).
3. Российская газета, N 64, 14.04.2009. Зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 6 апреля 2009 года, регистрационный N 1368.
4. См.: Система ГАРАНТ: http://base.garant.ru/70494432/#ixzz5OcSVIvYW (дата обращения 20 августа 2018).
5. Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 25, ст. 2954; 2003, № 50, ст. 4848; 2005, № 1, ст. 1; 2007, № 16, ст. 1826; № 50, ст. 6246; 2009, № 30, ст. 3735; 2010, № 19, ст. 2289; 2011, № 11, ст. 1495; № 50, ст. 7362; 2013, № 27, ст.

3442; № 30, ст. 4078; 2016, № 27, ст. 4263; 2017, № 52, ст. 7935.

6. См. Жевлаков Э. Н. Уголовно-правовая охрана окружающей среды в Российской Федерации». В 2- х частях. Ч.1. М, НИИ ГП РФ. 2002. С. 39 – 48.

7. См. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 (ред. от 26.05.2015) "О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования".

8. Подробнее см. по этому вопросу: Жевлаков Э.Н. О трансформации некоторых понятий экологического характера в составах экологических преступлений: реплика»/Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XIV международной научно – практической конференции (28- 29 января 2017 г.). М. РГ - Пресс. 2017. С. 463.

LEGAL MECHANISMS FOR PREVENTION OF CONFLICT OF INTERESTS IN THE BANK'S PROFESSIONAL ACTIVITIES ON THE SECURITIES MARKET

Marikina K.
master student, undergraduate Of the "Tambov state technical University»
Job: Senior maintenance Manager Sberbank
Russia, Michurinsk

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКА НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

Маришина К.С.
Магистрант
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
Место работы: Старший менеджер по обслуживанию ПАО Сбербанк,
Россия, г. Мичуринск

Abstract

In this article the author considers topical issues of preventing conflicts of interest in the professional activities of the Bank in the securities market. Legal acts, manuals, monographs of the authors concerning the conflict of interests in the professional activities of the Bank are studied. The results of the study are significant changes to improve the Russian legislation, namely the adoption of a new legal act in order to establish a new licensing requirement for professional participants, as well as the disclosure of the essence of the concept of "conflict of interest".

Аннотация

В этой статье автором рассматриваются актуальные вопросы предотвращения конфликта интересов в профессиональной деятельности банка на рынке ценных бумаг. Изучаются нормативно – правовые акты, учебные пособия, монографии авторов, затрагивающие вопросы конфликта интересов в профессиональной деятельности банка. Результатом проведенного исследования являются существенные изменения по совершенствованию российского законодательства, а именно принятие нового нормативно – правовой акт с целью установления нового лицензионного требования к профессиональным участникам, а также раскрытия сущности понятия «конфликт интересов».

Keywords: securities market, professional activity, Bank, conflict of interests.
Ключевые слова: рынок ценных бумаг, профессиональная деятельность, банк, конфликт интересов.

Рынок ценных бумаг является неотъемлемым сектором не только в экономической, но и в юридической литературе. Достаточно актуальным вопросом в российском законодательстве выступает конфликт интересов на рынке ценных бумаг, где непосредственным участником взаимоотношений является банк. При этом отметим, что банк здесь выступает как профессиональный участник. Что же представляет собой конфликт интересов как правовая категория? С точки зрения корпоративного права, можно отметить что практически данное понятие не нашло своего определения. Однако существуют нормативно – правовые акты отражающие сущность понятия конфликта интересов, но без его чёткого регулирования. Достаточно долгое время термин «конфликт интересов» употреблялся без закрепления на законодательном уровне. Законодательно отражение конфликта интересов появилось лишь с 90 - х. годов в постановлении ФКЦБ России от 05.11.1998 №44 «О предотвращении конфликта интересов при осуществлении профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг» (далее – Постановление №44). Постановление №44 несущественно развивает регулирование №39 - ФЗ «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996. В данном постановлении содержится достаточно узкое определение конфликта интересов. Из анализа определения конфликт интересов можно отметить, что это противоречие между имущественными и иными интересами, где отражается принцип приоритета интересов клиента перед собственными интересами.[1] Иное определение можно увидеть в подзаконном нормативном документе, определяющие конфликт интересов как «сделку с признаками наличия конфликта интересов». Если анализировать эти два понятия, то первое является шире, так как во втором не отображается суть определения но, однако в целом более полного определения в законодательстве увидеть нельзя.

Анализируя определение конфликта интересов, выдающимися учеными можно увидеть неограниченное количество достаточно интересных мнений. В современной российской доктрине многие авторы в сфере корпоративных отношений определяют конфликт интересов каждый по – своему, но с сохранением смысла при этом. Нельзя оставить без внимания точку зрения двух достаточно интересных авторов: Д. И Дедова и Б. С. Батаева. Если Д.И. Дедов определяет конфликт интересов как «противоречие между интересами», то Б.С. Батаев имеет схожее точку зрения и определяет конфликт интересов как «рассогласование интересов или обострение интересов».[4, с.80] С мнениями авторов нельзя не согласиться. Тем не менее, оба автора характеризуют конфликт интересов в сфере корпоративных отношений как «ситуацию дел или состояние дел», когда интересы участников корпоративных отношений не совпадают с интересами корпорации или других участников корпоративных отношений. Несколько иное мнение имеют авторы, считая, что суть конфликта заключается в ситуации, когда имеет место вопрос выбора между интересом корпорации в целом или иными интересами, а не в самом факте нарушения этого интереса.

Термин «конфликт интересов» употребляется и в других нормативно – правовых актах, например ФЗ «О противодействии коррупции», ФЗ «О банках и банковской деятельности». Начиная с 2013г. вступившую в силу статью 13.3. в ФЗ «О противодействии коррупции» на нормативном уровне определяет лишь «предотвращение и урегулирование конфликта интересов». Нормативное регулирование термина «конфликт интересов» в ФЗ «О противодействии коррупции» определяется в первую очередь «как ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)».[2] В то время как ФЗ «О банках и банковской деятельности» дополняется статьей, где отображены вопросы, которые касаются утверждения самого порядка предотвращения конфликта интересов.

Если анализировать практику в интересующих нас вопросах, то смело можно выделить, что нормативно - правовая политика ПАО Сбербанка, НБ Траст, Банк Уралсиб и многие другие банки определенно продолжают ориентироваться на определение термина «конфликт интересов» появившиеся ещё в 1998г., всем известным Постановлении №44. У всех перечисленных нами банков есть аналогичное друг другу определение конфликта интересов. И в политики ПАО Сбербанк и Банка Уралсиб конфликт интересов определяется как «противоречие между имущественными и неимущественными интересами Банка». Отличие данных Банков всё же прослеживается. ПАО Сбербанк чётко разграничивает интересы клиентов, банка и интересы самих сотрудников. Банк ставит интересы клиентов на первое место, а на второе интересы банка, и наконец, завершающей стадией являются только интересы сотрудников. В данной ситуации мы чётко видим, что если конфликт интересов в ПАО Сбербанк, так или иначе произошёл, то клиенты имеют значительный приоритет в решении вопросов, что нельзя сказать о политике такого банка, как НБ Траст.

Проводя систематизированный анализ российского законодательства, есть существенные отличия от зарубежного опыта. В российской доктрине наличие нераскрытого конфликта интересов влечет за собой во - первых ответственность, что нельзя сказать о законодательстве за рубежом. Примером является ситуация, когда брокер в связи с конфликтом интересов обязан возместить убытки клиенту, при условии что клиент не был уведомлен об этом до получения брокером соответствующего поручения. Данная ситуация основывается на №39 – ФЗ «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996г. Присутствуют отличия американского права от российского в возможности доказать отсутствие финансовой или иной выгоды от произошедшего конфликта интересов. Считаем правильным, давая возможность лицу доказать что общие требования соблюдены и его действия можно считать правомерными. В ином случае лицо, в действиях которого присутствуют умышленные действия, которые приводят к конфликту интересов, следует применять достаточно ужесточенные меры ответственности. Однако, считаем целесообразным, что если убытки при возникновении конфликта интересов без намеренного их причинения были нанесены, то целесообразно считать это как последствия, наступившие в результате риска и должно иметь место соответствующее регулирование в зависимости от нанесения вреда в результате конфликта.

Существует множество типов корпоративных конфликтов на РЦБ, в целом их можно разделить на два вида внутренние и внешние, а именно:

1. Банк клиенты; →
2. Банк сотрудники. →

Послужить возникновению конфликта интересов в первом случае может быть недобросовестная выгода банка, во втором случае является личная заинтересованность, конфликт между имеющимися полномочиями сотрудников, а также между их должностными обязанностями. Примерами данных видов могут быть следующее:

- личная выгода;
- совмещение контроля и исполнения;
- предпочтение одних клиентов перед другими;

- инвестирование средств клиентов в свои ценные бумаги;

- ненадлежащее раскрытие информации и т.д.

Одной из самых явных причин, подвергающих к возникновению конфликта интересов, является возможность получения при исполнении должностных обязанностей доходов и иной личной выгоды. Немаловажным фактором являются финансовые или родственные интересы сотрудников, использование служебной информации, использование служебного положения. В настоящее время существует огромный список видов конфликта интересов и подлежит детальному уточнению. Одним из распространенных конфликтов на примере ПАО Сбербанк является конфликт, связанный в первую очередь с участием родственников, а именно в подчинении одного другому или в совместном участии в процессе банка. Данный тип конфликта является достаточно актуальным вопросом в организации работы ПАО Сбербанк, так как негативным фактором может послужить ссора родственников, в последствии приводящая к отрицательным результатом совместной работы.

Анализируя судебную практику можно отметить, что существует достаточное количество споров, в которых банк является непосредственным участником. Чаще всего конфликт интересов с правовой точки зрения встречается в арбитражной практике. Нами был проведен тщательный анализ по изучению судебной практики, где были выявлены частые случаи конфликта интересов в сфере корпоративных отношений, где имеет место первый вид конфликта интересов, а именно банк и клиент. На основе проведенного анализы можно сделать следующие выводы. Во – первых, основным видом, послужившим основанием конфликта является кредитный договор. Предметом, которого является взыскание комиссии. Сущность договора заключается в том, что заемщик подает иск с целью установления взыскания комиссии по договору, при этом именно банк является в данном случае ответчиком. Следующим видом спора является договор личного и имущественного страхования, где банк является выгодоприобретателем. Основанием споров данного типа в большинстве случаев состоит в том, что банк отказывает в страховой выплате, что служит последствием разбирательства в суде. Нельзя не отметить, что споры из-за договора личного и имущественного страхования являются наиболее распространенными, так как банк, действуя в рамках договора, не нарушает правил. Однако имеет место и казус, порождающий конфликт. Важным типом спора является и расчетно-кассовое обслуживание физ. и юр. лиц. Одной из возможных ситуаций в арбитражной практике выступает случай, когда клиент имеет корпоративный счёт с карточной с образцами подписей и оттиском печати. Клиент изменит подпись или печать, но при этом не предоставил сведения в банк. К концу 2018г. всё более популярным видом спора становится договор банковских гарантий. Сущность, которого прослеживается в оспаривании выданных банковских гарантий. Здесь имеет место и договор банковского вклада, и договор банковского счёта.

Таким образом, выводом проведенных исследований в судебной практике являются следующие положения:

1. В корпоративном праве, банк, является неотъемлемым участником, связанным в конфликте интересов.
2. Все рассмотренные нами типы споров являются одним из видов конфликта в одной из рассматриваемых нами ранее схемы: банк и клиент.
3. Если конфликт интересов, в котором являются участниками банк и сотрудниками является внутренним и можно предотвратить, то конфликт интересов, в котором банк и клиент не всегда заканчивается благоприятно, что может привести к рассмотрению дела в суде.

Несомненно, с 90-х годов прошло значительное время, и российское законодательство вышло на новый уровень в вопросах нормативно закрепленного термина «конфликт интересов». До сих пор нерешенными остаются вопросы, как на практике, так и на нормативном - правовом уровне определение механизмов предотвращения конфликта интересов в профессиональной деятельности банка на рынке ценных бумаг, а именно его урегулирование и предотвращение. Общепринятыми мерами предотвращения конфликта интересов является контроль за рисками конфликтов. Сюда следует отнести следующее мероприятия:

- политика по конфликтам интересов, или комплаенс;
- правила деловой этики;
- порядок предотвращения и управления конфликтами интересов;
- мониторинг операций по счетам сотрудников;
- ежегодный отчёт о возможных рисках корпоративного конфликта.

Вышеперечисленные мероприятия являются общепринятыми при осуществлении банком профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг и можно утверждать, что эти мероприятия являются недостаточными для предотвращения конфликтов интересов. Также важно отметить, что не все указанные меры по предотвращению конфликта отображены в законодательстве РФ, что негативном образом сказывается в профессиональной деятельности банка на РЦБ. Существует мнение, что на практике полностью искоренить конфликт интересов практически не осуществимо, но принять меры ужесточения с целью избегания конфликта необходимо.

Для устранения существующих проблем в действующем законодательстве, считаем целесообразным принять новый нормативно – правовой акт с целью установления нового лицензионного требования к профессиональным участникам. В настоящее время регулирование конфликта интересов в российском законодательстве сводится к указаниям Банка России, которые направлены на исключение конфликта интересов. Предлагаем во введенном нормативно – правовом акте дать полную сущность термина «конфликт интересов», в также раскрыть исчерпывающую типологию видов конфликта интересов в профессиональной деятельности.

Таким образом, приходим к выводу, что во – первых, если конфликт интересов произошел банк обязан проинформировать клиента. Исходя из нашего исследования, мы выяснили, что в основном многие банки руководствуются принципом, где интересы клиента стоят на первом месте, что является целесообразным фактором в сфере корпоративных отношений. Но стоит отметить, что не следует допускать ситуации, где приоритет интересов клиента, затронутого конфликтом интересов, над интересами других клиентов. Можно сделать вывод, что избежать конфликт интересов не всегда возможно, и если конфликт интересов произошел, следует принимать санкции и меры и привлекать к административной ответственности. Санкцией за такое нарушение могут стать штрафы, а за грубое нарушение законодательства может быть предусмотрено и аннулирование лицензии. Особо отметим, что срок давности по привлечению управляющего к ответственности за нарушение прав клиента должен быть не менее трех лет, поскольку факт подобного нарушения выявить достаточно непросто.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. «О предотвращении конфликта интересов при осуществлении профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг»: Постановление ФКЦБ России (ред. от 05.11.1998) // СПС. 1998. №44.
2. «О противодействии коррупции»: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273 – ФЗ (ред. от 03.09.2018) // Собрание законодательства РФ
3. «О рынке ценных бумаг»: Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 21.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. №17. Ст. 1914.
4. Батаев Б.С. Корпоративное управление: направления совершенствования. // М., 2012. С. 80.
5. Правила предотвращения конфликта интересов при осуществлении Банком ГПБ (АО) профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг// Москва. 2016. С.5-10
6. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2012 - 2017 годы), утвержденная распоряжением Правительства РФ от 10 июля 2011 г. № 910-р
7. Цирин А.М., Спектор Е.И., Севальнев В.В. К вопросу о понятии конфликта интересов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 5(54).

A CONCEPTUAL MODEL OF THE LEGAL DEFINITION OF RULE OF LAW

Sachko O.
Candidate of Law,
associate professor of department of administrative and criminal law
Oles Honchar Dnipro National University

Abstract

The conceptual problems of legal definition of the rule of law, taking into account European standards and constitutional norms were analyzed in the article. Conceptual models of individual criminal procedural principles of legality, legal certainty, respect for human rights, the prohibition of state arbitrariness, non-discrimination and equality before the law, effective access to justice, proportionality were formed on this base.

Keywords: rule of law, legitimacy, the rights and freedoms of the human person, proportionality.

Chapter 1 of the Constitution of Ukraine "General principles" enshrines the basic principles of the rule of law. Here, by the way, enshrining the fundamental ideas of the state, it is stated that "state power in Ukraine is exercised on the basis of its division into legislative, Executive and judicial power". (article 6). At the same time, it is stated that "the principle of the rule of law is recognized and operates in Ukraine".

On the basis of such we can assume that the concepts of "basis" and "principles" are considered identical.

The analysis of legislative acts shows certain differences in the understanding of the system and certain concepts of the principles of law. The question arises about the correlation of the rule of law with these principles and with other procedural principles, such as "legality".

For example, article 4 of the Law of Ukraine "On advocacy and advocacy activity" notes that "advocacy activity is carried out on the principles of the rule of law, legality, independence, confidentiality and avoidance of conflict of interest". So here the rule of law and the rule of law are understood as equivalent independent principles of law. A similar approach is seen in the Criminal Procedure Code (CPC) of Ukraine and the Laws of Ukraine "On the National anti-corruption Bureau of Ukraine" (art. 3), "On the state Bureau of investigation" (art. 3), "On the Prosecutor's office" (art. 3), "On the National police" (art. 6-8), "On enforcement proceedings" (art. 2).

Article 8 of the CPC a fairly brief concept of the rule of law is provided- "Criminal proceeding is carried out in compliance with the rule of law, according to which a person, his rights and freedoms are recognized as the highest values and are determined the content and direction of the state. The principle of the rule of law in criminal proceedings is applied taking into account the practice of the European court of human rights". This laconism of the legislation does not contribute to the proper understanding and application of this principle in the practice of investigative and judicial bodies.

In modern legal doctrine, in fact, the rule of law, being a General legal principle of the rule of law, is the most common, integrative basis of justice, which manifests its genetic effect through its structural, harmonized with each other, the functional foundations of criminal law and process as separate principles of an independent branch of law.

In the integrative sense an interesting opinion of V. M. Tertyshnyk, who notes "the rule of law is system of legal and social apparatus, where the natural rights and freedoms of human found legislative recognition, they are the biggest value of society and their provision becomes a priority for the state where the government is controlled with the law, is confined with the right and the right creates a system of relations in which a eliminated the possibility of arbitrariness of officials is eliminated maximally" [18, p. 17].

In this framework of integrative modeling, the European Commission for democracy through law (Venice Commission) in its report on the rule of law pointed to such necessary elements: the legality and transparency of the adoption of laws; legal certainty, which provides for the ease and accessibility of clarification of the content of the law and the legally opportunity to use this right; the prohibition of state arbitrariness, in particular the restriction of the discretionary powers of state bodies, the validity of their decisions; effective access to justice at independent and impartial courts, judicial control over the legality and constitutionality of acts of the state government, the functioning of an independent advocacy, the execution of court decisions; respect for human rights, especially the guarantee of the right to an effective remedy, a fair trial, the right to be heard, the presumption of innocence, the prohibition of the retroactivity of the law; non-discrimination and equality before the law, which implies the absence of laws that contain discriminatory provisions or enshrine legal privileges, prohibition of discriminatory interpretation or application of the law.

However, in Decision №3-RP/2012 of the 25-th of January 2012 (case №1-11/2012), the Constitutional Court of Ukraine noted that one of the elements of the rule of law is also the principle of proportionality.

Therefore, based on the conceptual provisions of the Venice Commission and domestic regulations, it can be argued that the rule of law should be considered in criminal proceedings as an integrative principle of law and the state of the rule of law, which actually includes such principles of criminal procedure as: a)legality, b) legal certainty, c) respect for human rights, d) prohibition of state arbitrariness, e) non-discrimination and equality before the law, e) effective access to justice, g)proportionality. Their essence and content will be considered.

The principle of legality is disclosed in article 9 of the CPC of Ukraine. In contrast to the short describing of the principles of the rule of law. There is a wide disclosure of the content of the principle of legality, but its essence, on the one hand, is not completely disclosed and, on the other hand, there is unjustified verbosity and contradictory provisions.

At first, part 2 of this article refers to the principle of a comprehensive, complete and impartial study of the circumstances of criminal proceedings, which needs to be separately enshrined in the norms of the CPC as an independent principle. The substantive part of the principle of legality here is only the provisions about the need to "ensure the adoption of lawful and impartial procedural decisions", which can certainly be achieved in compliance with the entire system of judicial principles in general.

Secondly, the provision of part 3 of article 8 of the CPC of Ukraine "laws and other normative legal acts of Ukraine, the provisions of which relate to criminal proceedings, must comply with this Code, and in the implementation of criminal proceedings cannot apply the law which contradict to this Code" is largely illogical, at least, for the presence of the norms of the Constitution, which are the norms of the highest legal force and can be norms of direct action.

On the one hand, the admissibility of evidence obtained by law enforcement agencies in the process of their activities to detect and prevent crimes is doubtful with these regulations. For example, in the course of police activities on the basis of the Law of Ukraine "On National police", the activities of state institutions in accordance with the Law of Ukraine "On prevention of corruption".

V. M. Tertyshnyk notes: "The principle of the rule of law-the restriction implements through the principle of legality in criminal proceedings. In particular, if a citizen is allowed to do everything that is not prohibited with law then the authorities and in criminal proceedings – the subjects endowed with power-administrative powers should do only what is dictated to them, and only in the form dictated with law. Such principle of restriction of the power with the right – bases of the legal state – it is necessary to observe strictly and precisely in criminal process" [20, p.30].

We offer to form Art. 9 of the CPC of Ukraine "Legality" taking into account the stated position: ""During the detection of a crime, the arrest of a suspect at the scene of a crime and the implementation of criminal proceedings, as well as in the execution of a sentence or other judicial decision, the investigator, detective, court, investigating judge, Prosecutor, head of the pre-trial investigation body, other officials of public authorities are obliged, within their competence and in a certain way, to take all measures provided with law to establish the event of a crime, the persons guilty of a crime and to punish them; to ensure the correct application of the Law so that everyone is able to, who committed the crime, was brought to justice and no innocent was punished, comply observe thus requirements of the Constitution of Ukraine, this Code, the international legal acts which are provided by the Verkhovna Rada of Ukraine, requirements of other laws and decisions of the European Court of human rights.

No one can be held criminally liable or be restricted in his or her rights and freedoms except on the grounds and in the order which is prescribed with law.

Laws and other normative legal acts of Ukraine, the provisions of which relate to criminal proceedings, must comply with the norms of the Constitution of Ukraine and The decision of the Constitutional Court of Ukraine.

In case of competition of legal norms, the norms of the Constitution of Ukraine are applied, as the norms, which have the highest legal force and can be applied as the norms of direct action.

If there are gaps in the law, doubts about the presence certain rights and freedoms in private persons, their content and scope, such doubts must be interpreted and resolved in favor of such a person and doubts about the powers of public officials must be interpreted in a restrictive manner".

Legal certainty requires a separate doctrinal understanding and legislative consolidation. Legal certainty implies clarity of the law, ease and accessibility of clarification of the content of the law and legally secured opportunity to use this right, the absence of legal fictions, conflicts, contradictory and ambiguous provisions that allow its different interpretation and application. In fact, this is a requirement for the quality of the law.

We propose to define article 9-1 CPC of Ukraine "legal certainty" such way: "Criminal procedure legislation should provide a clear procedural status of a person involved in the proceedings; to fix understandable legal regulations in the legal norms that provide ease and availability of clarification of the essence of the right and the obligation imposed on the person to provide a legally guaranteed opportunity to use the rights guaranteed with law and determine the procedure for the implementation of human rights and freedoms, and officials, who conduct criminal proceedings, must explain the content of such rights and obligations, the procedure for their implementation and facilitate their implementation".

Respect for human rights is a substantial part of the rule of law principle, which is revealed in its constitutional concept.

The prohibition of state arbitrariness includes multifaceted requirements of international legal acts about the relationship between human and state in the field of justice. First of all, they are the postulates.

Everyone, who is accused in a criminal offence has the right to be presumed innocent and treated as innocent.

No one can be subjected to arbitrary arrest, detention, coercion or restriction of his or her rights and freedoms without justification. No one can be left freedom except on the grounds and in accordance with such procedure which is established with law.

No one can be subjected to torture or to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment.

Everyone, who is arrested, is reported the reasons of arrest in the arrest and is shown the arraignment.

Detainees and arrested persons have the right to legal assistance by a lawyer and time for confidential communication with him. Meetings with the lawyer of a detainee or arrested person can take place in conditions that a law enforcement official is allowed to see them but not to hear.

Article 17 "Prohibition of abuse of rights" of the Convention "On the protection of human rights and fundamental freedoms" can be considered, it defines: "No provisions of this Convention can be interpreted as granting any state, group or person the right to engage in any activity or to perform any action aimed at the abolition of any rights and freedoms which are determine with this Convention, or at their limitation to a greater extent than that is provided for in the Convention" and the provisions of art. 18: "The Restrictions permitted in this Convention about certain rights and freedoms will not be applied for other purposes than those one for which they are established".

The implementation of such element of the principle of the rule of law as the "prohibition of state arbitrariness" also requires a clearer disclosure in the criminal process of the principle from the article 19 of the Constitution of Ukraine "the legal order in Ukraine is based on the principles according to which no one can be forced to do what is not provided with law. State and local self-government bodies and their officials are obliged to act only on the basis, within the limits and order which are provided with the Constitution and laws of Ukraine".

In view of the fact that the amendment to the Constitution of Ukraine on the system of the principles of justice was introduced by 216, the principle of discretion was ruled out, imperfection was noted [7, 9], as well as the system of the basic principles of the criminal process, proposing a new concept of this legal norm.

The Constitution of Ukraine was changed in 2016 so the principle of discretion was ruled out from the system of principles of justice, its inappropriateness was pointed out by scientists [7, 9] and we propose a new conceptual model of this legal norm as the emerging need for the development of a system of principles of the criminal process.

We offer art. 26 of the CPC of Ukraine directly to call the "Prohibition of state arbitrariness" and it will be stated thus:

"Everyone charged with a criminal offense has the right to be presumed innocent and treated as innocent.

No one can be subjected to arbitrary arrest, detention, coercion or restriction of his or her rights and freedoms without justification.

No one can be subjected to torture or to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. It is prohibited to obtain testimony by torture, violence or other illegal means.

Everyone, who is arrested, is reported the reasons of arrest in the arrest and is shown the arraignment.

In criminal proceedings, no one can be forced to do what is not provided with law.

Individuals can do everything that is not prohibited with law.

The Prosecutor, investigator, detective, investigator judge, court, other officials of law enforcement agencies and public authorities are obliged to act only on the basis, within the powers and in the manner provided with the Constitution and laws of Ukraine, to adhere to the procedural form of criminal proceedings and to take the necessary and legally defined measures to ensure the rights and freedoms of other participants in the process; to use international legal acts and practice of the European court of human rights in determining the human rights and freedoms; to interpret all doubts about the content and scope of human rights and freedoms in its favor, based on the principle of human integrity; to exclude any acts of arbitrariness against the person, his/ her rights and freedoms.

Restrictions permitted with law on human rights and freedoms cannot be will not be applied for other purposes than those one for which they are established.

When new laws are adopted by the legislature, the existing rights and freedoms and guarantees of their protection will not be restricted".

In determining the principle of non-discrimination and equality before the law, it is advisable to apply the provisions of article 2 of the International Covenant "On civil and political rights" (from December 16, 1966).

Effective access to justice is disclosed in article 6 of the Convention "on the protection of human rights and fundamental freedoms".

The principle of proportionality is increasingly found in the decisions of the European court of human rights.

In an integrative form, the concept and essence of the principle of proportionality in criminal proceedings can be set out in such concept.

The principle of proportionality is enshrined in international normative acts, decisions of the Constitutional Court of Ukraine and the European court of human rights, the principle of law, according to the conceptual content of which the purpose of legal action should be socially significant, and the means of achieving it is the least burdensome in specific conditions, interference into the sphere of human rights and freedoms can be allowed only in cases of extreme necessity, in order to ensure justice or other socially useful purpose, if this cannot be achieved by other means and harm caused will coercive measures will be less than the abstract [7, p.8-10].

At this stage of judicial and legal reform it is necessary to present in detail the integrative content of the general legal principle of the rule of law in the CPC of Ukraine on the basis of a systematic analysis of the Constitution of Ukraine, international legal acts and decisions of the European Court of human rights and the constitutional court of Ukraine and to define and disclose the content of procedural principles such as proportionality, legality, legal certainty, respect for human rights, prohibition of state arbitrariness, non-discrimination and equality before the law, effective access to justice in some norms.

Procedures, regulations, requirements and prohibitions should be in any criminal proceedings. They will become a reliable mechanism of checks and balances against legal errors and unjustified restrictions of the rights and freedoms guaranteed with the law of the parties to the proceedings.

V. M. Tertyshnyk says: "If the right is mathematics of freedom, criminal procedure law is algebra of fair justice" [20, p. 6].

Conclusion. Two possible shortcomings should be avoided during regulating the production with the use of special forms, procedures and regimes of criminal proceedings: 1) too significant and unjustified simplifying the procedural form and guarantees of justice in the application of simplified procedures; 2) a significant complication of the procedural procedure, which is difficult to perform in extreme and complex conditions of criminal proceedings.

REFERENCES:

1. Бринзанська О. Концепція свавілля у практиці Європейського суду з прав людини в контексті захисту права на свободу. Слово Національної школи суддів України. 2017. №2. С. 38-49.
2. Буткевич В. Якість закону і питання ефективності застосування рішень Європейського суду з прав людини судами України . Право України. 2011. №7. С. 48-63
3. Головатий С. Верховенство права, або ж Правовладдя: вкотре про доктринальні манівці вітчизняної науки. Право України. 2010. № 4. С. 206-219.
4. Головатий С. Верховенство права. У 3–х книгах. Книга 2. Верховенство права: від доктрини до прецеденту. Київ: Видавництво «Фенікс», 2006. 1286 с.
5. Гуренко М. Н. Теоретико-правові проблеми гарантій прав і свобод людини та громадянина: монографія. К.: НАВСУ, 2001.
6. Зеленська М. І. Гарантії прав і свобод особи під час застосування запобіжного заходу у вигляді тримання під вартою: монографія. К. : Алерта, 2016. 2012 с.
7. Корнієнко М. В., Тертишник В. М. Принципи права в розв'язанні проблем конкуренції правових норм, юридичних фікцій і колізій. Актуальні проблеми вітчизняної юриспруденції. 2017. №1. Т.1. С. 7-11.
8. Костенко О. М. Концепція прав людини: сучасний стан і перспективи розвитку. Бюлетень Міністерства юстиції України. 2011. №11 С. 5-11
9. Кримінальний процес: підручник / Ю. М. Грошевий, В. Я. Тацій, А. Р. Туманянц та ін.; За ред. В. Я. Тація, Ю. М. Грошевого, О. В. Капліної, О. Г. Шило. – Х.: Право, 2013. – 824 с.
10. Куріс Е. Стаття 18 Європейської конвенції з прав людини: підхід страсбурзького суду. Слово Національної школи суддів України. 2017. №2. С. 22-28.
11. Молдован А. Засади кримінального процесу в Україні та ФРН. Підприємництво, господарство і право. – 2013. – № 4. – С. 24-26.
12. Оніщенко Н. М. Принцип верховенства права та верховенства закону: взаємовиключення чи взаємозумовленість? Проблеми правознавства та правоохоронної діяльності. № 3. 2010. С. 3–7.
13. Остапенко В. В. Судові гарантії конституційних прав людини: порівняльно-правовий аспект.

Дис. кандидата юридичних наук (за спеціальністю 12.00.02). Харків, 2018. – 226 с.

14. Погорілко В. Ф., Головченко В. В. Сірий М. І. Права та свободи людини і громадянина в Україні. К.: Ін Юре, 1997. 52 с.

15. Погребняк С. Принципи права: доктринальні питання. Право України. 2013. № 9. С. 217-218.

16. Принцип верховенства права: проблеми теорії та практики: Монографія: У 2-х кн. / За заг. ред. Ю. С. Шемшученка. – К.: Юридична думка, 2008. – Кн.1. Верховенство права як принцип правової системи: проблеми теорії. 344 с.

17. Смоков С. М., Горелкіна К. Г. Гарантії застосування заходів процесуального примусу у кримінальному судочинстві України: монографія. Одеса: Астроринт, 2012. 152 с.;

18. Тертишник В. М. Верховенство права та забезпечення встановлення істини в кримінальному процесі України: монографія. Дніпропетровськ: Дніпроп. держ. ун-т внутр. справ; Ліра ЛТД, 2009. – 432 с.

19. Тертишник В. М. Кримінальний процес України: підручник. – 7-ме вид., доповн. і перероб. К.: Алерта, 2017. 840 с.

20. Тертишник В. М. Науково-практичний коментар Кримінального процесуального кодексу України. Вид. 15-те, доповн. і перероб. К.: Правова Єдність, 2018.

21. Ченцов В. В., Тертишник В. М. Реабілітація жертв незаконних кримінальних переслідувань, політичних репресій та зловживань владою: підручник для слухачів магістратури юридичних вузів. Київ: Правова єдність, 2016 324 с.

22. Черкесова А. С. Гарантії прав і свобод людини при їх обмеженні у кримінальному провадженні. Дис. кандидата юридичних наук (за спеціальністю 12.00.09). Академія адвокатури України. Київ, 2018. 179 с.

23. Трихлеб К. А. Верховенство права: современные интерпретации. Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: «Юридические науки». 2013. Т. 26 (65). № 2-1. Ч. 1. С. 152-163.

24. Уваров В. Г. Застосування практики Європейського Суду з прав людини та норм міжнародно-правових актів в удосконаленні кримінального судочинства України: монографія; за заг. ред. доктора юрид. наук В. М. Тертишника. Дніпропетровськ, 2012. 268 с.

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК: 378

FORMATION OF THE ACADEMIC MOBILITY OF THE STUDENT IN THE CONDITIONS OF THE INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE HIGHER EDUCATION INSTITUTION OF ART

Vorfolomeyeva O.
senior lecturer,
West Kazakhstan State University named after M.Utemisov, Uralsk,

ФОРМИРОВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА ИСКУССТВ

Ворфоломеева О.В.
старший преподаватель, лектор,
Западно-Казахстанский государственный университет имени М.Утемисова,
г.Уральск,

Abstract

The guidelines for the development of academic mobility developed in the manual combine theoretical and practical training, systematic organization of types of educational activities, and combine the achievements of classical and modern pedagogy and art. In the system of professional training of the future musician and teacher, academic mobility in the conditions of the information and educational environment as one of the practical activities plays a priority role. Being an integral part of professional communication in society and the pedagogical process of the university of culture and art, it ensures the motivational activity of the student, ensures the unity of the theory and practice of vocational education. In academic mobility, the most prominent is the quality of academic freedom, as a set of powers of the subjects of the educational process, provided for self-determination of educational content in the disciplines of the component of choice, additional types of training and organization of educational activities in order to create conditions for the creative development of students, teachers and the use of innovative technologies and teaching methods. the relationship of theoretical and practical training aimed at the perception of a holistic music-pedagogical and performing process as an object of the professional activity of a musician.

Аннотация

Разработанные нами основные положения по проведению академической мобильности объединяют теоретическую и практическую подготовку, систематичность в организации видов учебной деятельности, сочетают достижения классической и современной педагогики и искусства. В системе профессиональной подготовки будущего музыканта-исполнителя и педагога, академическая мобильность в условиях информационно-образовательной среды как один из видов практической деятельности играет приоритетную роль. Являясь неотъемлемой частью профессиональной коммуникации в социуме и педагогического процесса вуза культуры и искусства, она обеспечивает мотивационную активность студента, обеспечивает единство теории и практики профессионального образования. В академической мобильности наиболее ярко присутствует качество академической свободы, как совокупности полномочий субъектов образовательного процесса, предоставляемых для самостоятельного определения содержания образования по дисциплинам компонента по выбору, дополнительным видам обучения и организации образовательной деятельности с целью создания условий для творческого развития обучающихся, преподавателей и применения инновационных технологий и методов обучения. взаимосвязи теоретической и практической подготовки, направленной на восприятие целостного музыкально-педагогического и исполнительского процесса как объекта профессиональной деятельности музыканта.

Keywords: mobility, academic mobility, educational environment, information-educational environment, music pedagogy.

Ключевые слова: мобильность, академическая мобильность, образовательная среда, информационно-образовательная среда, музыкальная педагогика.

Введение

Академическая мобильность студентов вуза искусств проявляется во многих профессиональных видах деятельности. Так, фактор мобильности присутствовал в традиционной музыкальной педагогике как советского, так и постсоветского периода. Среди различных форм и видов деятельности педагога и обучающегося музыканта особое место всегда занимала, например, концертная деятельность как форма профессионального искусства, в том числе при активном пространственно-географическом передвижении отдельных музыкантов, групп и целых коллективов. Во все времена мобильность музыканта пересекает границы, культуры, цивилизации, политические и экономические системы, часовые пояса, становится над пространством и временем. Помимо этого, такая мобильность создавала возможность преодолевать барьеры мира и войны (например – мобильные концертные бригады на передовой линии фронтов Великой Отечественной войны). В этой связи мы можем обогатить содержательную сторону понятия «мобильный» в музыкальной педагогике как фактора устойчивого развития, творчества, исполнительства, интерпретации, сохранения и приумножения традиций музыкальной культуры.

Цели и задачи

Основными целями при формировании академической мобильности студента вуза искусств мы определяем:

- воспитание у студентов устойчивого интереса и любви к профессии музыканта-педагога, исследователя;
- осознание студентом себя как субъекта педагогического процесса, формирование потребности в непрерывном профессиональном росте;
- закрепление и углубление теоретических знаний студентов;
- углубление специализированных умений и навыков в процессе их практического применения;
- формирование профессиональных компетентностных качеств будущего музыканта;
- развитие самостоятельного творческого подхода к профессиональным видам деятельности.

Задачами формирования академической мобильности нами определены:

- осознание студентами социальной деятельности музыканта и её влияния на формирование личности учащегося;
- формирование ценностно-мотивационной направленности, профессионально-ценностных мотивов будущих педагогов и музыкантов;
- формирование профессиональных знаний, умений, навыков, необходимых для выполнения функции музыканта, педагога и организатора педагогического процесса.

Материалы и методы

Разработанные нами основные положения по проведению академической мобильности объединяют теоретическую и практическую подготовку, систематичность в организации видов учебной деятельности, сочетают достижения классической и современной педагогики и искусства. Нами изучены и систематизированы научно-методические труды ученых и педагогов российского, казахстанского и международного уровня, выработаны педагогические подходы позволяющие оптимально сформировать этапы подготовки и проведения обучения по программам академической мобильности студента вуза искусств. Являясь неотъемлемой частью профессиональной коммуникации в социуме и педагогического процесса вуза культуры и искусства, она обеспечивает мотивационную активность студента, обеспечивает единство теории и практики профессионального образования.

Основная часть

Проведение академической мобильности, включающей учебную, педагогическую и исполнительскую, осуществляется с учетом следующих положений [1]:

- взаимосвязь теоретической и практической подготовки, направленной на восприятие целостного музыкально-педагогического и исполнительского процесса как объекта профессиональной деятельности музыканта;
- систематичность в организации всех видов познавательной и практической деятельности, предполагающих усложнение деятельности студентов на разных этапах обучения;
- сочетание достижений классической и современной науки, музыкальной педагогики и искусства;
- направленность на конкретную специализацию будущего музыканта и педагога.

В соответствии с комплексом дисциплин музыкально-педагогического образования, академическая мобильность студентов исполнительских специальностей вуза искусств может проводиться на всех курсах, и распределена следующим образом:

- внешняя учебная мобильность студентов;
- академическая мобильность при проведении педагогической практики студентов в партнерских учебных заведениях, базах практики;
- внешняя и внутренняя академическая мобильность при осуществлении исполнительских видов деятельности студентов (олимпиады, конкурсы, концерты, фестивали);
- внешняя академическая мобильность при проведении научно-исследовательских проектов (НИРС, международные конференции студентов).

Для наиболее полной характеристики категории мобильности, необходимо обратиться к его социальному аспекту. Так, данное понятие используется в терминологии ЮНЕСКО в связи с программами по академической мобильности, которые осуществляют поддержку индивидуальных, групповых форм международной академической мобильности студентов и педагогов [3]. Программы мобильности подразумевают академический обмен, где участник получает возможность обучаться в профильных вузах различных государств мира, углубляя и совершенствуя полученные знания, умения, навыки в международной информационно-образовательной среде.

Проведенные нами исследования дают нам полное основание считать, что категория мобильности используется через аспекты академического высшего образования, которые подразумевают возможность свободного академического перемещения в мировом образовательном пространстве, различных уровней получения высшего, послевузовского и дополнительного образования через формы международного академического обмена. В этом положении отражена принципиальная особенность Болонского процесса, где фактор мобильности является «одним из приоритетов высшего образования» [3]. В этой связи целесообразно выделить социальный аспект мобильности как максимально равноправный доступ в систему высшего образования, возможность личностно ориентированного непрерывного обучения.

Академическая мобильность студентов первого-четвертого курсов вуза искусств базируется на изучении курсов дисциплин: Введение в специальность, История исполнительского искусства, Педагогика, Психология, Специальность, Теория музыки, История музыки, дисциплин общеобразовательного цикла.

Нами выявлено и экспериментально проверено положение, что содержание процесса академической мобильности может быть реализовано через последовательный порядок шагов, которые включают: обмен документацией между кафедрами (учебный, календарно-тематический план, рабочие программы, индивидуальные планы работы студента); анализ особенностей информационно-образовательного среды принимающего вуза в её различных формах; деятельность студента и руководителя с использованием различных методов (учебные виды деятельности, прохождение контрольных мероприятий, составление и изучение документации и т.д.); ознакомление с психофизиологическими и личностными особенностями студента; детальная характеристика личности студента с использованием психолого-педагогических диагностических методик; учет возрастных особенностей студента, осуществляющего академическую мобильность; освоение передовых современных методик и образовательных технологий; организация режима учебного дня, расписания занятий; учет материально-технического оснащения учебного заведения; выполнение санитарно - гигиенических условий принимающего учебного заведения.

Уникальность проведения различных видов академической мобильности в условиях информационно-образовательной среды вузов искусств вызывает необходимость использования специализированных методов музыкальной педагогики и психологии, которые необходимы

- для осознания роли будущего специалиста в современном социуме и образовательном пространстве;

- для уточнения психологической характеристики личности и профессионально-значимых качествах студента вуза искусств, которые определяют уровень его профессиональных компетенций;

- для включения студента в целостный педагогический процесс в соответствии с целями и задачами профессионального образования.

Для успешного включения в новую академическую среду нами разработаны рекомендации, позволяющие студенту грамотно ориентироваться в новых условиях.

Процесс академической мобильности студента организуется кафедрой вуза совместно с отделом Болонского процесса [4], Учебным отделом, Офис-регистратором. Важнейшим звеном академической мобильности студента являются пререквизиты по общетеоретической, музыкальной, методической подготовке студента, соответствующие профилю партнерского вуза.

Уровни академической мобильности студента осуществляются поэтапно. На подготовительном этапе до начала сроков по проведению академической мобильности студента руководители указанных отделов совместно с заведующим кафедрой определяют профильное учебное заведение, предусмотренное договором, в котором будет проходить обучение, составляют план проведения академической мобильности студента, определяют сроки.

Деятельность координатора по организации и проведению академической мобильности студента включает:

- согласование с программами по академической мобильности направляющего и принимающего партнерского учебного заведения;

- планирование совместной программы обучения в рамках академической мобильности между координаторами обоих вузов;

- организацию деятельности студента в условиях новой информационно-образовательной среды.

На следующем этапе организации академической мобильности студента координаторы проводят активную консультативную установочную работу, в ходе которой студентов знакомят с задачами, содержанием их деятельности на этапах прохождения академической мобильности, происходит ознакомление с системой работы партнерского вуза, составление индивидуального плана учебной работы на весь период академической мобильности студента. Виды деятельности студента, проходящего обучение в рамках академической мобильности включают в себя:

-подготовительный этап (документация);

-пространственно-географическое перемещение (учет изменения поясов времени);

-адаптация в новой образовательной среде;

-освоение академической программы;

-зачетный и экзаменационный контроль;

- ситуативная интерпретация: отличия и особенности новой информационно-образовательной среды;

-навигация по языковым вопросам (словарь);

-навигация социальных и бытовых вопросов;

-навигация по финансовым вопросам (изучение ситуации цен, товаров и услуг на новом месте; расчет по длительности пребывания, готовность к рациональному использованию личного бюджета);

-навигация по академическим вопросам;

-навигация по вопросам здоровья и питания.

В ходе непосредственного прохождения обучения студенты участвуют в образовательном процессе, воспитательных и внеурочные мероприятиях вуза. Количество учебных академических мероприятий определяется программой академической мобильности студента и графиком их проведения.

В период прохождения академической мобильности студенты выпускных курсов, работая с библиотечными ресурсами вуза, могут накапливать материал для проектных, дипломных и курсовых работ, научно-исследовательской работе студентов по теме, согласованной между выпускающими кафедрами партнерских вузов.

Заключение

Выработанная нами теоретико-методологическая совокупность позволяет реализовать полномочия субъектов образовательного процесса, предоставить возможность для самостоятельного определения содержания образования, в том числе дисциплин по выбору, дополнительным видам обучения и организации образовательной деятельности с целью создания условий для профессионального и творческого развития студентов и преподавателей, применения инновационных технологий и методов обучения. взаимосвязи теоретической и практической подготовки, направленной на восприятие целостного музыкально-педагогического и исполнительского процесса как объекта профессиональной деятельности музыканта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Правила организации учебного процесса по кредитной технологии обучения. Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 20 апреля 2011 года №152
2. Education Studying Abroad. United National Educational Scientific and Cultural Organization (UNESCO). – 2001. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.org/education/studyingabroad/networking/studyabroad.shtml (дата обращения 01.01.2019)
3. Бельгиийское коммюнике. (Болонский процесс 2020 – европейское пространство высшего образования в новом десятилетии: Коммюнике Конференции европейских министров, ответственных за высшее образование, Левен / Лувен-ла-нев, 2009.-[Электронный ресурс]. URL:https://cyberleninka.ru/article/v/bolonskiy-protsess-2020-evropeyskoe-prostranstvo-vysshego-obrazovaniya-v-novom-desyatiletii-kommyunike-konferentsii-evropeyskih (дата обращения 01.01.2019)
4. ПОЛОЖЕНИЕ об академической мобильности обучающихся и преподавателей Западно-Казахстанского государственного университета им.М.Утемисова.- г.Уральск, 2016 г.-28 с.

THE INTERCULTURAL PROFESSIONAL COMMUNICATION AS ONE OF THE MUSICIAN'S COMPETENCES

Bzhiskaya Ju.
candidate of pedagogical sciences, associate professor RSTU,
Rostov-on-Don, Russia
Kotina P.
Student of Rostov State Rakhmaninov Conservatoire,
Rostov-on-Don, Russia

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ МУЗЫКАНТА

Бжиская Ю.В.
кандидат педагогических наук, доцент кафедры « Иностранные языки»РГУПС,
Ростов-на-Дону, Россия
Котина П.В.
студентка РГК им. С.В. Рахманинова,
Ростов-на-Дону, Россия

Abstract

The musician's intercultural professional communication is considered by the authors of the article. They analyze this phenomena first mentioned by American scientists. The authors underline the magnificent of intercultural co-operation between the representatives of different cultures which each musician is to know to make a dialog with colleagues.

Аннотация

В данной статье авторы рассматривают межкультурную профессиональную коммуникацию музыканта с момента упоминая этого феномена американскими учеными и до настоящего времени. Авторы подчеркивают значимость межкультурного взаимодействия музыканта с представителями иных культур, знание традиций которых просто необходимо для представителя мира музыки.

Keywords: intercultural communication, musical activity, professional co-operation , national culture

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, музыкальная деятельность, профессиональное взаимодействие, национальная культура

Всемирно известно, что понятие «межкультурная коммуникация» ввели американские учёные George Leonard Trager (Джордж Леонард Трейгер) и Edward Twitchell Hall Jr. (Эдвард Твитчелл Холл-младший), описав это понятие в работе «Culture as Communication» («Культура и коммуникация. Модель анализа») в 1954 году. Под понятием «межкультурная коммуникация» Д. Трейгер и Э. Холл обозначили «идеальную цель, к которой должен стремиться человек в своём желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру» [11, P. 24]. Так, Э. Холл рассматривает общение как вид деятельности, поддающийся изучению и анализу, анализирует взаимосвязь коммуникации и культуры [10].

Согласно определению С. Г. Тер-Минасовой, **межкультурная коммуникация** – это «общение людей, представляющих разные культуры» [8, с. 13].

Несмотря на то, что термин «межкультурная коммуникация» появился в научной литературе относительно недавно, как явление межкультурная коммуникация начала формироваться ещё со времён строительства Вавилонской башни и Вавилонского столпотворения. Итак, история о Вавилонской башне объясняет появление различных языков после Всемирного потопа. Согласно библейскому преданию, изложенному в 11-й главе книги Бытие (Быт. 11: 1–9), до Всемирного потопа человечество представляло собой «один народ» (Быт. 11: 6), говоривший на одном языке. Так было до тех пор, пока сыны человеческие не затеяли строить башню «до небес» (Быт. 11: 4). Разгневанный Господь прервал строительство башни, заставив людей говорить на разных языках, «чтобы один не понимал речи другого» (Быт. 11: 7), и рассеяв их «по всей земле» (Быт. 11: 8-9). На представленный сюжет положена музыка. Так, известными произведениями являются оратория Антона Рубинштейна «Вавилонская башня», притча Игоря Стравинского для оркестра и чтеца «Bable». События этой библейской истории нашли свое отражение и в зарубежной музыке. Так, в 1975 году британский певец и композитор Элтон Джон выпустил альбом «Captain Fantastic and the Brown Dirt Cowboy» с песней «Tower of Babel». Рассмотрим и другие музыкальные постановки.

В 2008 году американский джазмен Robert «Bobby» McFerrin, Jr. (Роберт «Бобби» Макферрин-младший) представил свою вокальную оперу-импровизацию «Bobble» («Боббл»), в основе сюжета которой лежит история Вавилонской башни. Опера интересна тем, что не имеет словесного либретто и готовых вокальных партий. Любая постановка оперы представляет собой совместную импровизацию Бобби Макферрина и приглашённых вокалистов, представляющих не только разные музыкальные стили, но и говорящих на разных этнических языках. Опера-импровизация ставилась не только в США, но и в других странах. В 2009 году - в Швейцарии, Объединённых Арабских Эмиратах. В 2010 году опера была показана в России, в Москве. В ней приняли участие не только российские певцы, но и вокалисты из других стран: Бразилии, Грузии, Германии, Венгрии, Кубы, Турции и т. д. Как мы видим, этнический состав музыкантов достаточно многочисленен и разнообразен. т. е. исполнители - это носители других языков и представители других национальных культур. Таким образом, постановка оперы является ярким наглядным примером эффективной межкультурной профессиональной коммуникации музыкантов. Стоит остановиться на таком понятии как межкультурная профессиональная коммуникация.

Межкультурную профессиональную коммуникацию следует понимать как общение субъектов профессиональной деятельности, принадлежащих к разным национальным культурам. Другими словами, имеется в виду общение людей, занимающихся одним видом деятельности, но говорящих на разных языках, т. е. общение разноязычных профессионалов. В данной статье речь идёт о музыкантах как субъектах, профессионально занимающихся музыкальной деятельностью.

Понятие «профессионал» имеет двоякое толкование: это не только человек, занимающийся определённым видом деятельности как своей профессией, но ещё и высококвалифицированный специалист, отлично владеющий своей профессией, обладающий особым свойством, называемым «профессионализмом». Применительно к музыкальной деятельности (например, в сфере исполнительства) профессионал – это музыкант, обладающий высоким мастерством, демонстрирующий качественное, профессиональное (вокальное или инструментальное) исполнение.

Так как понятие «профессионал» имеет дополнительное толкование, обозначаемое термином «профессионализм», то определение «профессиональная» в составе словосочетания «межкультурная профессиональная коммуникация» следует понимать не только как общение людей, занимающихся одним родом деятельности (профессией), но и как общение людей, владеющих знаниями и умениями межкультурной коммуникации, т. е. отлично (профессионально) владеющих навыками общения с представителями разных национальностей.

Безусловно, музыка – искусство интернациональное, хотя, как и любой другой вид искусства, имеет глубокие национальные корни. Музыканты разных национальностей тесно общаются между собой. Музыка, по мнению О. В. Чибисовой, является «важным фактором регуляции отношений» между представителя всего мира [9, с. 79]. М. Н. Ребенок отмечает, что «межкультурное взаимодействие в пространстве художественно-творческой деятельности имеет свою специфику» [7, с. 111]. Специфика состоит в том, что, с одной стороны, искусство отражает культуру того народа, к которому принадлежит художник, а с другой стороны, искусство, в том числе и музыкальное, использует для выражения язык художественных образов, понятный людям разных национальностей, что облегчает межкультурные контакты.

Эффективное межкультурное взаимодействие между представителями искусства разных национальностей предполагает владение системой знаний. Так, например, музыкант любой национальности должен понимать термины, обозначающие темп и характер исполнения музыкального произведения. Большинство таких обозначений, к слову, взяты из итальянского языка: *marcato* – чётко, *legato* – связно, *maestoso* – торжественно, *con brio* – оживлённо и т. д. Музыкант-инструменталист, независимо от национальной принадлежности, должен владеть приёмами звукоизвлечения и приёмами игры на музыкальном инструменте и т. д. В содержание музыкального образования входит достаточно обширный комплекс музыкальных знаний, умений и навыков.

Однако эффективное межкультурное взаимодействие предполагает также наличие практических навыков в общении с представителями других культур. В данном контексте становится очевидным, что межкультурная профессиональная коммуникация является одной из компетентностей музыканта, что, в свою очередь, обусловливает необходимость обучения студентов музыкальных вузов межкультурной коммуникации и введение такой дисциплины в учебный процесс.

В настоящее время дисциплина «Межкультурная коммуникация» преподаётся во многих российских вузах для студентов, обучающихся по специальностям «Международные отношения», «Регионоведение», «Реклама» [1], [3] ; для будущих преподавателей иностранных языков, переводчиков, экскурсоводов [2], [4]. Таким образом, в современном образовательном пространстве «Межкультурная коммуникация» как учебная дисциплина всё ещё не нашла широкого распространения и входит в учебные планы вузовской подготовки лишь тех специалистов, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с коммуникацией, в частности с применением иностранного языка.

В стенах музыкального вуза межкультурной коммуникации в музыкальных как отдельной теоретической дисциплине не обучают. Между тем существуют модели, в частности практико-ориентированная модель обучения межкультурной коммуникации [5], использование которых могло бы помочь формированию у студентов музыкальных вузов навыков межкультурного общения. По мнению Гришенко В.Д., перспективной целью обучения межкультурной коммуникации является формирование «межкультурной личности, обладающей межкультурной компетентностью и межкультурной компетенцией» [5, с. 106].

Можно считать, что подготовка студентов-музыкантов к межкультурной коммуникации осуществляется на занятиях по иностранному языку [6], зарубежной музыкальной литературе, истории зарубежной музыки, но важно понимать, что в таких условиях возможно лишь создать предпосылки для формирования межкультурной коммуникации, собственно же межкультурная профессиональная коммуникации как одна из компетентностей музыканта будет формироваться в процессе профессиональной деятельности в ситуации общения музыканта с коллегами-профессионалами из других стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Барышников Н. В. Основы профессиональной межкультурной коммуникации: Учебник. – М.: Издат. Дом «Вузовский учебник»: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 368 с.
2. Болдырев В. Е. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Курс лекций. – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 144 с.
3. Головлева Е. Л. Основы межкультурной коммуникации: учебное пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 224 с.
4. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 352 с.
5. Гришенко В. Д. Практико-ориентированная модель обучения межкультурной коммуникации в вузе // Вестник Брянского государственного университета. Общая педагогика. Профессиональная педагогика. Психология. Частные методики. – Брянск: РИО БГУ. - 2013. - №1 (2). - С. 104-108.
6. Поляков О. Г. Подготовка студентов-музыкантов к межкультурной коммуникации на занятиях по английскому языку как иностранному // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВО «Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина». - 2001. Выпуск 2 (22). - С. 73-75.
7. Ребенок М. Н. Теоретические основы межкультурного взаимодействия субъектов в музыкальном образовании // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – М.: ООО «Научные технологии». - 2017. - №6. - С. 111-114.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
9. Чибисова О. В. Музыка как средство межкультурной коммуникации // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – Челябинск: Изд-во ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры». - 2011.- №3 (27). - С. 77-79.
10. Hall E. T. Beyond Culture. N. Y.: Anchor Press, 1976.
11. Hall E. T. Hidden Differences: Studies in International Communication. – Grunder & Jahr, 1983.

УДК 616.857 -053.5 : 616.21

OPTIMIZATION OF HEADACHE DIAGNOSTICS IN THE SCHOOLCHILDREN WITH NASAL BREATHING DISORDERS

Ignatova I.
Doctor of Medical Sciences,
professorScientific Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk, Russia
Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russia
Pokidysheva L.
Candidate of Technical Sciences,
Professor Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Zaytseva O.
Doctor of Medical Sciences,
Professor Scientific Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk, Russia
Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russia
Tereshchenko S.
Doctor of Medical Sciences,
professorScientific Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk, Russia
Evert L.
Doctor of Medical Sciences,
Professor Scientific Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk, Russia

ОПТИМИЗАЦИЯ ДИАГНОСТИКИ ГОЛОВНОЙ БОЛИ У ШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЯМИ НОСОВОГО ДЫХАНИЯ

Игнатова И.А.
(Директор – проф. Э. И. Каспаров)
(Ректор – проф. И. П. Артюхов)
ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр
«Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»
– Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера,
г. Красноярск, Россия,660022
ГБОУ ВПО «Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого»,
г. Красноярск, Россия, 660022.
Покидышева Л.И.
(И.о. ректора – проф. В.И. Колмаков)
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»,
г. Красноярск, Россия
Зайцева О.И.
(Директор – проф. Э. И. Каспаров)
(Ректор – проф. И. П. Артюхов)
ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр
«Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»
– Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера,
г. Красноярск, Россия,660022
ГБОУ ВПО «Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого»,
г. Красноярск, Россия, 660022.
Терещенко С.Ю.
(Директор – проф. Э. И. Каспаров)
ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр
«Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»
– Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера,
г. Красноярск, Россия,660022
Эверт Л.С.
(Директор – проф. Э. И. Каспаров)
ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр
«Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»
– Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера,
г. Красноярск, Россия,660022

«Не лечите только симптом или синдром, изыскивайте возможность лечить болезнь и больного, подбирая для него индивидуальную тактику».
Д.м.н., проф. Жан Жозефович Раппопорт

Abstract

The article contains results of survey of schoolchildren of Krasnoyarsk and Khakassia with nasal breathing disorders with accompanied headache. Diagnosis of nasal breathing, headache and vegetative status, analysis of results and calculation of occurrence were carried out. When examining nasal breathing, the following conditions were distinguished: healthy, allergic and bacterial rhinosinusopathy (degree and stage). In addition, the presence or absence of headaches was considered: tension headache (HDN) and migraine. In order to optimize the verification process and differential diagnostics of upper respiratory tract diseases, we developed by the software "Module for determining the frequency of occurrence of a tension headache in schoolchildren with a disruption of nasal breathing"

Аннотация

Изучить характер головной боли у детей с хронической патологией ЛОР-органов и рассчитать ее частоту встречаемости посредством ЭВМ программы «Модуль определения частоты встречаемости головной боли напряжения у школьников с нарушением носового дыхания».

В статье приведены результаты обследования школьников Красноярска и Хакассии с нарушениями носового дыхания, сопровождавшимися головной болью. Проведена диагностика носового дыхания, головной боли и вегетативного статуса, анализ результатов и расчет встречаемости. При обследовании носового дыхания различали следующие состояния: здоров, аллергическая и инфекционная риносинусопатия (степень и стадия). Кроме того, учитывалось наличие или отсутствие головных болей: головная боль напряжения (ГБН) и мигрень. С целью оптимизации процесса верификации и дифференциальной диагностики заболеваний верхних дыхательных путей разработан программный модуль «Модуль определения частоты встречаемости головной боли напряжения у школьников с нарушением носового дыхания»

Keywords: nose breath disorders (violations), headache**,** autonomic disorder, frequency of occurrence, schoolchildren, software.

Ключевые слова: нарушения носового дыхания, головная боль, вегетативное расстройство, частота встречаемости, школьники, программный модуль.

Актуальность

Патология ЛОР-органов у детей Восточной Сибири продолжает оставаться ведущей проблемой педиатрии, поскольку наблюдается тенденция существенного роста хронических и рецидивирующих ЛОР-заболеваний у детей экологически неблагополучного северного региона. Нарушение носового дыхания у детей в ряде случаев связано с наличием сочетанной органической патологии в полости носа, носоглотке и глотке, наиболее частым из которых являются нарушения трофики слизистой верхних дыхательных путей (ВДП), гипертрофия глоточной миндалины и искривление перегородки носа. [2–10].

По статистике не менее 50% всех обращений в детские поликлиники связано с заболеваниями ЛОР-органов. Именно в раннем возрасте эти заболевания проходят с наибольшими осложнениями, поэтому необходимо вовремя их диагностировать и лечить.

Ринит – одно из самых распространенных заболеваний среди всех возрастных групп населения. Эпидемиологические исследования в начале XXI века показали, что больные АР составляют 23-30% популяции в Западной Европе и 12-30% в США. Согласно результатам третей фазы программы ISAAC (2009 г.), средняя встречаемость симптомов АР и аллергического риноконъюнктивита (АРК) у детей 6–13 и 13–14 лет составила 31,7% и 14,6% соответственно.

За последние годы частота распространения заболеваний уха, носа и околоносовых пазух у детей составляет 35-37% среди всех заболеваний верхнего отдела дыхательных путей, из них 50% переходит в хроническую форму. Хроническое воспаление верхнечелюстных пазух (ХВВЧП) является одним из наиболее часто встречающихся заболеваний, ведущее к патологии слуха и выявляемое у 12-14,5% детского населения [11–12].

Клинические исследования последних лет показывают что, несмотря на успехи и достижения практической медицины тенденция к уменьшению заболеваемости ХВВЧП не прослеживается. Ежегодно количество таких больных увеличивается на 1,5-2%.

В структуре оториноларингологической заболеваемости больные с заболеваниями околоносовых пазух занимают второе место [2, 5–9]. По литературным данным на первом месте по частоте возникновения стоит верхнечелюстной синусит (57,6%) За последние десятилетие, несмотря на значительные успехи медицины, в частности оториноларингологии, создание новых медикаментозных препаратов, отмечается не снижение, а рост числа больных, страдающих ХВВЧП [2, 5–8].

Развитию воспалительных явлений в слизистой оболочке околоносовых пазух у детей способствуют факторы как местного (особенности архитектоники носовой полости: искривление перегородки носа, шипы, гребни, гипертрофия аденоидных вегетаций, инородные тела полости носа, полипы полости носа, нарушение мукоцилиарного транспорта, кариозный процесс в зубах), так и общего (ОРВИ, грипп, аллергические состояния, влияние окружающей среды, нарушение систем адаптации – иммунной и вегетативной, генетические факторы – кистозный фиброз, Синдром Юнга и др.).

До последнего времени мы широко использовали классическую классификацию, разработанную в начале прошлого столетия основоположниками ринологии и выделявшую катаральную, гипертрофическую и атрофическую формы, а также острый и хронический ринит. Позже возникла необходимость выделять вазомоторную (аллергическую и нейрорефлекторную формы). С точки зрения врача-практика, такая классификация удобна и позволяет ориентироваться в выборе метода лечения [2, 5–8].

Несмотря на широкое внедрение в клиническую практику современных эндоскопических и аллергологических методов обследования, проблема дифференциальной диагностики аллергической и инфекционной этиологии заболеваний верхних дыхательных путей остается до конца нерешенной. До сих пор сохраняется запоздалая диагностика АР, неадекватное консервативное лечение, что нарушает качество жизни детей, может вести к не всегда обоснованному хирургическому вмешательству, является фактором риска развития осложнений со стороны ЛОР органов и формирования бронхиальной астмы (БА). В последние годы отмечается рост ошибок в диагностике и терапии ринитов у детей. Нередко у детей обострения АР необоснованно рассматриваются как острые респираторные вирусные инфекции, и они попадают в группу так называемых «часто болеющих детей» и / или наблюдаются у ЛОР-врачей с диагнозом «аденоидные вегетации» или хронический аденоидит. Вне ОРВИ у этих детей сохраняется затрудненное носовое дыхание, периодически возникает «сопящее или храпящее» дыхание по ночам, эпизоды ночного и утреннего кашля. В большинстве случаев диагноз АР остается нераспознанным, и дети получают широкий круг разнообразных медикаментов, усугубляющих аллергическую сенсибилизацию и формирующих лекарственную непереносимость. У ряда пациентов проводится аденотомия, следствием которой у детей с АР возникают рецидивы затрудненного носового дыхания и ранний дебют бронхиальной астмы.

Головная боль относится к частым жалобам у детей с патологией ЛОР - органов, являющейся самостоятельной причиной их появления. Особенностью головной боли у данной категории пациентов является локализация ее в области лба, нередко усиливающаяся при наклоне головы вперед. Боль носит пульсирующий, приступообразный характер, сопровождается в отдельных случаях головокружением. По данным ведущих оториноларингологов России, именно в детском возрасте эти заболевания проходят с наибольшими осложнениями, поэтому важен междисциплинарный подход в диагностике и лечении данной патологии [1].

С целью оптимизации процесса верификации и дифференциальной диагностики заболеваний верхних дыхательных путей среди школьников, нами проведена разработка программного модуля «Модуль определения частоты встречаемости головной боли напряжения у школьников с нарушением носового дыхания», Он содержит карты пациентов, список обследований, список диагнозов и реализует постановку предварительного диагноза оториноларингологических заболеваний с возможностью создания и добавления новых обследований и диагнозов.

Программные комплексы давно стали неотъемлемой частью медицинских исследований. Однако на сегодняшний день не существует программ, способных не только поставить диагноз, но и оценить риск развития патологии еще до ее наступления. Отоларингологические заболевания являются большой социально-экономической проблемой, связанной не только со стремительным ростом распространенности, но и тяжестью течения этих заболеваний. Особенное затруднение вызывает постановка диагноза в районах Севера, ввиду нехватки профессиональных медицинских кадров и узких специалистов.

Использование информационных технологий в медицине значительно экономит труд врачей, и помогает в организации процесса диагностики, хранении и обработки информации, накоплению знаний узкоспециализированных врачей, поэтому разработка различных систем связанных с этой областью не перестает развиваться.[10, 12–18].

Пациенты и методы

Проведено комплексное оториноларингологическое и неврологическое обследование школьников Республики Хакасии и г. Красноярска (N=129) в возрасте от 10-16 лет с верифицированными диагнозами патологии ЛОР-органов. Осмотр невролога проводился по общепринятой схеме с использованием Шкалы визуальных аналогов (ВАШ). Школьники заполняли опросники по головной боли. Статистическая обработка проведена при помощи ЭВМ программы «Модуль определения частоты встречаемости головной боли напряжения у школьников с нарушением носового дыхания».

Программная реализация модуля предполагает несколько этапов: проведение диагностики носового дыхания и/или аудиометрического обследования (в зависимости от задачи), диагностика головной боли и вегетативного статуса, выборка результатов и сам расчет встречаемости. При диагностике нарушений носового дыхания различали следующие состояния: здоров, аллергическая и/или инфекционная риносинусопатия (степень и стадия). Кроме того, учитывалось наличие или отсутствие головных болей: головная боль напряжения (ГБН) и мигрень.

Диагностика носового дыхания. Программа дает возможность создания личных карт пациентов, список обследований, список диагнозов и постановку предварительного диагноза ЛОР-заболеваний, с возможностью создания и добавления новых обследований и диагнозов. После прохождения анкетирования пользователем, программа формирует уникальный код, в котором содержится информация о болезни пациента. Формирование кода производится следующим образом: каждый вопрос содержит ограниченное число ответов, которые отвечают определенному признаку: диагноз, стадия и степень. Программа, сформировав код, производит выборку из таблицы записей с этим кодом. Совпадение кода программы с табличным означает предположение, что пациент страдает соответствующим заболеванием.

Скрининговая диагностика головной боли. Технология представляется в виде заполнения анкеты вопросника (рис.1). Ответы на вопросы, характеризующие локализацию или характер головной боли оценивают в определенные баллы. Полученные баллы суммируют и получают значение шкалы индекса диагностики мигрени (ИД-М), принимающие значения от 0 до 22, и шкалы индекса диагностики головной боли напряжения (ИД-ГБН), принимающие значения от 3 до 22. Также для каждого значения существует своя чувствительность и специфичность. Например, при значениях индекса ИД-М меньше 8 баллов можно с вероятностью 92% исключить наличие мигрени, при значениях индекса больше или равно 11 баллов можно с вероятностью 93% подтвердить наличие мигрени. Значения индекса в интервале 9-10 баллов являются «серой зоной», в этом случае диагноз верифицирует врач.

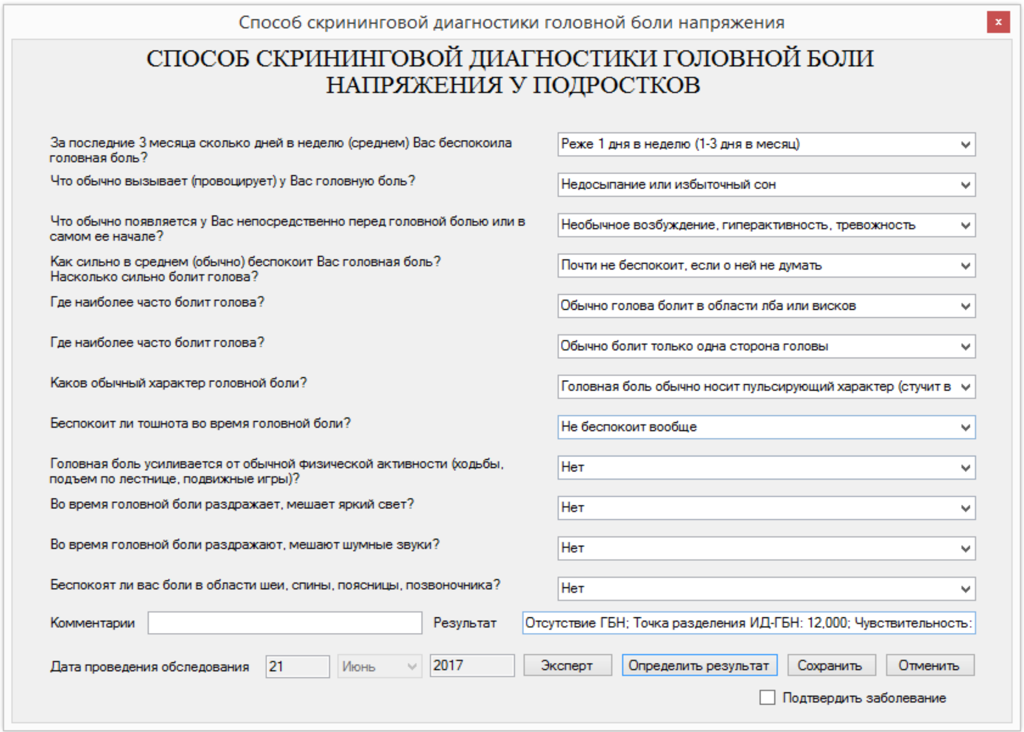

Рисунок 1. Внешний вид модуля «Скрининговая диагностика головной боли напряжения»

Результаты и обсуждение

Среди обследованных детей преобладали заболевания носоглотки (63,5%). Заболевания уха встречались, соответственно, в 36,5% случаев. Свыше половины обследованных детей с патологией ЛОР-органов предъявляли жалобы на головную боль в период обострения заболевания. Особенностью головной боли у данной категории пациентов являлась локализация ее в области лба, нередко усиливающаяся при наклоне головы вперед. Боль носила пульсирующий, приступообразный характер, сопровождалась в отдельных случаях головокружением. В неврологическом статусе выявлялась рассеянная легкая микросимптоматика: лабильность вегетативной нервной системы (регионарный гипергидроз ладоней и стоп, красный дермографизм) - у 65% детей, покачивание в позе Ромберга в 23%, горизонтальный нистагм - 8% случаев. По шкале визуальных аналогов (ВАШ) в стадии обострения ЛОР-патологии интенсивность головной боли составила 3,0- 4,0 балла (боль умеренной интенсивности). По мере курирования обострения основного заболевания головная боль уменьшалась и исчезала (у детей с ЛОР-патологий в стадии обострения: Ме 3,00 бал., 25‰-75‰ 2,00 бал.-4,00 бал. и у детей с ЛОР-патологией в стадии ремиссии Ме 0,00 бал., 25‰-75‰ 0,00 бал.-1,00 бал., P=0,0003).

Выводы:

- Полученные результаты свидетельствуют о доминирующем характере головных болей умеренной и сильной интенсивности по шкале ВАШ в структуре жалоб у обследуемой группы школьников. Наличие неврологической микросимптоматики с преобладанием лабильности вегетативной нервной системы.
- Программный комплекс «Модуль определения частоты встречаемости головной боли напряжения у школьников с нарушением носового дыхания» позволил изучить взаимосвязи клинико-функциональных показателей здоровья с различными

вариантами нарушений патологии носового дыхания и заболеваний горла у детей, а также значительно ускорил и оптимизировал качество дифференциальной диагностики заболеваний носа и горла школьников.

- Система, в целом, помогает поддерживать современный уровень обследования больных в отдаленных районах, избавляет врачей от рутинной работы по заполнению историй болезни, помогает врачам с небольшим опытом работы поставить предварительный правильный диагноз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Головные боли у детей и подростков /О. Р. Есин, Р. Г. Есин, Д. Х. Хайбуллина, И. Ш. Минкина // Казань: ИИЦ УДП РТ.- 2013.- 72 с.
2. Игнатова И. А., Вишнякова К.П., Позднякова Л. Г. Аллергическая риносинусопатия у старшеклассников Красноярского региона // Школа территория здоровья: материалы региональной научно-практической конференции. – Красноярск, 2010. – С.107-109.
3. Игнатова И. А., Ганцова Е. А., Гарина Т. В. Особенности патология слуха у старшеклассников Красноярского региона // Школа территория здоровья: материалы региональной научно-практической конференции. – Красноярск, 2010. – С.109-111.
4. Игнатова И. А., Андрейчук Н. И., Гарина Т. В. Оториноларингологические заболевания верхних дыхательных путей среди старшеклассников Красноярского региона // Школа территория здоровья: материалы региональной научно-практической конференции. – Красноярск, 2010. – С.111-112.
5. Игнатова, И. А. Аллергическая риносинусопатия у жителей Крайнего Севера и средних широт Восточной Сибири (вопросы распространённости, этиологии и патогенеза). Математическое моделирование / И. А. Игнатова, С. В. Смирнова, Л. И. Покидышева, В. Т. Манчук. – Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2005. – 198 с.
6. Игнатова, И. А. Аллергическая риносинусопатия у жителей Сибири и Севера / И. А. Игнатова, С. В. Смирнова, Л. И. Покидышева, В. Т. Манчук. – Новосибирск: Наука, 2005. – 153 с.
7. Игнатова, И. А. Аллергическая риносинусопатия истинного и псевдоаллергического генеза / И. А. Игнатова, С. В. Смирнова, В. Т. Манчук. – Санкт-Петербург: «Диалог», 2007. – 104 с.
8. Игнатова, И. А. Аллергическая риносинусопатия у жителей Восточной Сибири: автореф. дисс. … д-ра мед.наук / И. А. Игнатова. – Санкт-Петербург, 2006. – 40 с.
9. Игнатова И. А. Слух и некоторые особенности психофизиологического статуса у школьников мигрантов Крайнего Севера / И. А. Игнатова // Проблемы сохранения здоровья и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Арктике: материалы научно-практической конференции с международным участием. – СПб.: ООО «ИПК «Коста», 2017. – С. 105 - 106.
10. Покидышева Л. И., Игнатова И. А. Корелляционная адаптометрия и метод главных компонент в оценке адаптационных возможностей иммунной системы. // Системный анализ и управление в биомедицинских системах. 2011.– Т. 10.– № 1.– С. 152-157.
11. Особенности психоэмоциональной сферы у школьников различного возраста, проживающих в разных регионах Сибири / А. С. Пуликов, О.И. Зайцева, О. Л. Москаленко, Т. А. Колодяжная // В мире научных открытий. Серия: Проблемы науки и образования. – 2011. – № 5.1(17). – С. 578-587.
12. Бедерева Н. С., Шилов С. Н., Игнатова И. А. Особенности нейроэнергометаболизма и активационных влияний на кору головного мозга детей младшего школьного возраста с разным типом темперамента и успешностью обучения. В мире научных открытий. 2016. № 12 (84). – С. 50-66.
13. Покидышева Л. И. Оценка степени интеграции функциональных систем при нагрузочных тестах // Автореферат дисс. …канд. наук.- Красноярск, ИПЦ КГТУ. – 1996. – 23 с.
14. Игнатова И. А., Зайцева О. И., Покидышева Л. И. и др. Взаимосвязь патологии слуха с эмоциональным состоянием мигрантов Севера // В мире научных открытий (Серия «Проблемы науки и образования»). 2012. – № 24(26). – С. 261-272.
15. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2016614566. Оценка психоэмоционального статуса, латерального фенотипа и высших мозговых функций у детей и подростков / Л. С. Эверт, Л. И. Покидышева, А. А. Егоров, О. И. Зайцева, И. А. Игнатова, С. В. Реушева, Е. С. Паничева, Ю. Р. Ахмельдинова / правообладатель: ФГБНУ «Научно-исслед. ин-т мед.проблем Севера» (НИИ МПС). Заявка № 2016611844; заявл. 09.03.2016; Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 26.04.2016.
16. Свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ №2017662227 Модуль определения частоты встречаемости головной боли напряжения у школьников с нарушением носового дыхания / авторы: И. А. Игнатова, Л. И. Покидышева, С. Ю. Терещенко, В. Е. Чеславлев, М. В. Рыжков, В. В. Неганова / правообладатели: ФГБНУ «ФИЦ КНЦ СО РАН», ФГАОУ ВО Сибирский федеральный университет, от 22.01.2018г.
17. Alexander N Gorban, Tatiana A Tyukina, Elena V Smirnova, Lyudmila I Pokidysheva. Evolution of adaptation mechanisms: Adaptation energy, stress, and oscillating death // Academic Press:Journal of theoretical biology, 2016. – Vol. 405 – Pp. 127-139
18. Lyudmila Pokidysheva, Irina Ignatova. Principal component analysis used in estimation of human's immune system, suffered from allergic rhinosinusopathy complicated with clamidiosis or without it / Chapter in book: Advances in Intelligent Analysis of Medical Data and Decision Support Systems // Springer , Heidelberg 2013 – Pp.147-156. DOI: 10.1007/978-3-319-00029-9_13.

SOME METHODICAL ASPECTS OF EDUCATION AND DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF MULTICULTURAL PERSONALITY BY MEANS TEACHING FOREIGN LANGUAGE (GERMAN)

Kistanova L.
Candidate of pedagogical science, assistant professor of Sochi State University

EINIGE METHODISCHE ASPEKTE DER HERAUSBILDUNG UND ENTWICKLUNG DER KOMMUNIKATIVEN KOMPETENZ DER MULTIKULTURELLEN PERSÖNLICHKEIT MITTELS DES FREMDSPRACHENUNTERRICHTS (DEUTSCH)

Kistanowa L.
Kandidat der pädagogischen Wissenschaft, Staatliche Universität von Sotschi

Abstract
The article addresses some of the issues surrounding the formation and development of the multicultural linguistic personality through foreign language teaching, looking at some aspects of common business practice.
Abstrakt
Der Artikel befasst sich mit einigen Fragen der Herausbildung und Entwicklung der multikulturellen sprachlichen Persönlichkeit durch den Fremdsprachenunterricht, wobei einige Aspekte der im Geschäftsleben üblichen Umgangsformen betrachtet werden.

Keywords: foreign language education, multicultural linguistic personality, communicative competence.
Stichwörter: Fremdsprachenunterricht, multikulturelle sprachliche Persönlichkeit, kommunikative Kompetenz.

Bei der Globalisierung der heutigen Geschäftsverhältnisse besteht eine wichtige Aufgabe des Fremdsprachenunterrichts an den russischen Hochschulen in der Herausbildung der multikulturellen sprachlichen Persönlichkeit, die über allgemein kulturelle Kompetenzen verfügt.

In unserem Artikel „Zur Frage der Herausbildung der beruflichen Fremdsprachenkompetenzen der künftigen Spezialisten für Tourismus in Russland mittels der Studiendisziplin "Fremdsprache" haben wir uns bereits mit einigen Aspekten dieses Problems auseinander gesetzt, indem es neben anderem hieß:

„Hiermit gehen wir davon aus, dass Wertschätzung und höfliches Verhalten, also die Spielregeln des täglichen sozialen Umgangs, weltweit auch der Schlüssel für ein reibungsloses Miteinander im Geschäftsleben insbesondere im heutigen globalen und internationalen Business sind. Dadurch wird die Basis für eine sachliche Arbeitsatmosphäre, konstruktive Gespräche und letztlich für den geschäftlichen Erfolg gelegt. Nur, wenn man sich im internationalen Business seriös und zugleich menschlich verhält, wird man dadurch weltweit Geschäftspartner und Freunde dauerhaft gewinnen.“[1, S. 45.]

Im folgenden Artikel entwickeln wir das Thema der Etikette in den geschäftlichen Beziehungen weiter, indem wir noch einige unserer Meinung nach wichtige Aspekte der im Geschäftsleben üblichen Umgangsformen betrachten.

In der heutigen globalen Geschäftswelt ist es nicht immer einfach, den Businesspartner richtig zu begrüßen oder das richtige Meeting-Verhalten an den Tag zu legen.

Ein Gruß bedeutet „ Ich nehme Dich wahr, ich achte Dich", nicht mehr – aber auch nicht weniger. Im Berufsalltag kann das durch ein freundliches „Hallo" ein förmliches „Guten Morgen", „Guten Tag", „Guten Abend, eine Handbewegung oder auch lockeres Nicken sein.

Ein freundlicher Umgang bei der Begrüßung erleichtert manches. In Deutschland ist es im Gegensatz zu England und insbesondere den USA üblich, sich bei geschäftlichen Begegnungen die Hand zu geben. Inzwischen hat es sich in deutschen Büros eingebürgert: „Wer einen anderen zuerst sieht, grüßt zuerst". Natürlich grüßen im Geschäftsleben Rangniedrige den Ranghöheren zuerst. Dieser reicht jedoch zuerst die Hand zum Gruß.

Gastgeber reichen ihren Gästen, egal ob zu Hause oder im Büro, als erste die Hand zur Begrüßung. Der Händedruck wird generell von einem freundlichen „Guten Tag Herr ... oder „Guten Tag Frau ...“, "Guten Morgen“ und ab ca. 18 Uhr „Guten Abend" begleitet. Aber auch bei dem Schütteln der Hände gibt es eine Reihe „Don’ts: die andere Hand lässig in der Hosentasche zu verbergen, keinen Blickkontakt zu haben, das Schütteln zu wörtlich zu nehmen, eine kraftlos weiche oder eine Schraubzwingerhand sowie auch schwitzig feuchte Hand sind nicht gewollt.

Im Privatleben werden Damen vor Herren und ältere Personen vor jüngeren Personen gegrüßt und wer als einzelner einer Gruppe hinzutritt, grüßt alle Anwesenden ohne Rücksicht auf den Rang. Sollte man sitzen, während jemand eintritt und begrüßt, erhebt man sich. Das wird bei Damen nicht so streng gesehen, aber eine Höflichkeitsgeste bleibt es auch in ihrem Fall.

Die Deutschen sind im Alltag inzwischen weg vom glatten Parkett traditioneller Begrüßungsetikette. Küsse, Handküsse und aber insbesondere auch Umarmungen in jeder Form sind im deutschen Geschäftsleben tabu. Anders als zum Beispiel in anderen westeuropäischen Ländern. Deshalb gilt es, sich bereits vor Reiseantritt über die jeweilige regionale Etikette zu informieren.

Bei der namentlichen Begrüßung sind mögliche akademische oder Adelstitel hinzuzufügen, denn diese sind häufig Bestandteil des offiziellen Namens. Amtsträger redet man mit ihrer offiziellen Amtsbezeichnung an, jedoch ohne den Namen. Beim Geschäftstreffen vermeide man, regionale Begrüßungsformen einzusetzen (wie z.B. „Grüß Gott!“ in Bayern).

Zu einem professionellen Auftritt im internationalen Business gehört es, dass man einem neuen Geschäftspartner zu Beginn eines Treffens eine Visitenkarte überreicht. Diese sollte für das Gegenüber jedoch auch lesbar und verständlich sein. Eine Business-Card mit chinesischen Schriftzeichen ist nur von den wenigsten zu verstehen. Die Business-Karten gehören in eine Box oder in die Brieftasche. Dabei achte man auch darauf, dass die gerade überreichte Karte nicht mit eigenen zu verwechselt ist, was eine peinliche Situation hervorrufen könnte.

Zuletzt möchten wir noch ein Thema der modernen Kommunikationsmittel berühren, u. z. Handys. Sie sind im Business längst nichts ungewöhnliches mehr und ebenfalls kein Prädikat für den weltweit agierenden Geschäftsmann. Mobile Telefone schaffen Kontakte und können genauso überall stören.

Es gilt auch hier, eine gewisse Etikette an den Tag zu legen. So sollte beim Meeting, bei Gesprächen und auch beim Geschäftsessen das Telefon ausgeschaltet bleiben. Störungen durch Telefonklingeln werden von Gesprächspartnern zu Recht als unhöflich empfunden. Sollte man wirklich telefonieren müssen, entferne man sich von unfreiwilligen Zuhörern, egal ob beim Geschäftsessen oder im Zugabteil. Wenn man aber in einer Sitzung auf einen wirklich wichtigen Anruf wartet, kündigt man dieses bereits vorher mit einer entsprechenden Entschuldigung an. Da heute Handy ein Wunderwerk der Technik darstellt, ist lautes Reden nicht mehr erforderlich, um selbst über Kontinente hinweg verstanden zu werden. Man achte sonst auf eine für das Gegenüber angenehme Lautstärke der Stimme. Man achte auch unbedingt darauf, dass das Mobiltelefon auch im Theater bzw. im Kino abgeschaltet ist.

Nach einer Begrüßung und vielen anderen Gelegenheiten folgt, ehe man zur Tagesordnung übergeht oder auch um sich zu beschnuppern, die kleine Unterhaltung am Rande, der Small Talk.

Business Situationen, wo ein Small Talk gefragt ist, sind unerschöpflich und alltäglich von der Begrüßung, über Pausen beim Meeting, den Sitznachbarn im Flugzeug, Betriebsempfänge und vieles mehr. Erfolgreiches und das so wichtige „Networking" ist ohne Small Talk ebenso undenkbar, wie der Einstieg zu einem Sach- und Fachgespräch in angenehmer Atmosphäre.

Die Kunst des Small Talks besteht darin, unverfänglich, dabei aber nicht inhaltsleer, unverbindlich aber nicht floskelhaft aufeinander zuzugehen.

Beruflich fachliche Neuigkeiten können im entsprechenden Umfeld interessanten Gesprächsstoff bieten, wobei man aber Fachsimpelei vermeide, der die Zuhörer nicht mehr folgen können. Man vergesse auch Themen aus der persönlichen Lebensplanung, Krankheiten, Moral oder auch Religion und Politik, denn es gibt zu viel sinnlosen Streit weltweit, dass es sich nicht lohnt, Position zu beziehen und dadurch die nächste Meinungsverschiedenheit heraufzubeschwören. Kunst und Kultur, Reisen und fremde Länder, Hobbys und Interessen, damit beweget man sich beim Small Talk auf einer unverbindlichen, sicheren Seite, denn Small Talks schaffen eine positive Gesprächsatmosphäre und stellen oftmals die Basis für intensivere Kontakte und ein heute so wichtiges Kontinente und Branchen übergreifendes Netzwerk.

QUELLENNACHWEIS:

1. Kistanowa L., Tschekulaewa N. Zur Frage der Herausbildung der beruflichen Fremdsprachenkompetenzen der künftigen Spezialisten für Tourismus in Russland mittels der Studiendisziplin "Fremdsprache". Norwegian Journal of development of the International Science No 19/2018, S. 45
2. Kistanowa L., Tschekulaewa N. Zur Frage der Auswahl von Bildungstechnologien im Fremdsprachenunterricht an den touristischen Hochschulen. Danish Scientific Journal № 6, 2017, S.51-53

PECULIARITIES OF TEACHING ENGLISH TO PRESCHOOL CHILDREN

Kovalchuk S.

Candidate of Philology, Associate professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication of Natural Sciences, Tyumen State University

Mukhina Y.

Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication of Natural Sciences, Tyumen State University

Abstract

This study examined the effective methods used for teaching English to Russian preschoolers. We determined the possibilities of preschoolers in foreign language acquisition and analyzed the difficulties the children can encounter while learning English. Additionally, we investigated the exercises contributing to the development of logic thinking, memory, imagination, communicative and cognitive abilities of preschoolers.

Keywords: leading activities, teaching methods, preschooler, intelligence

INTRODUCTION

It became obvious that a modern man cannot do without knowledge of foreign languages. Now parents are eager as soon as possible to start teaching children a foreign language. Preschool age is recognized by psychologists as the most favorable period for this type of activity. Teaching kids is a very difficult task which requires a completely different methodological approach than teaching students and adults. The increased attention to teaching a foreign language to preschool children, the need to develop the personality of a child, the necessity for coordinated development of speech activity of a child in native and foreign languages predict the relevance of this study.

Preschool age is unique for learning a foreign language. Quick memory of linguistic information, intensive formation of cognitive processes, and the ability to analyze and synthesize speech patterns in different languages without confusing these languages predict favourable child outcomes, such as early language acquisition. Preschool childhood is a period for mastering the social sphere of human relations through communication with adults, as well as through playing and real relations with peers. In order to understand the peculiarities of interaction between a foreign language teacher and preschool children, it is necessary to consider their psychological and physiological characteristics.

Table 1.

Psychological and physiological characteristics of preschool age

1. Social situation of development			
2. Psychological neoformation		central neoformation (self-consciousness)	partial neoformation
3. Leading activity			
4. Motor activity			
5. The development of mental processes		cognitive	emotional and motivational

The aim of the current study is to test the main possible areas of use and efficiency of teaching English to Russian preschool children.

The transition from early to preschool childhood changes the social situation of child development. The social situation of development is the ratio of external and internal conditions of mental development. The social situation of development is changing at the very beginning of the age period. Neoformations appear by the end of the period. The special place in these neoformations is occupied by the central neoformation which has the greatest development in the next stage. The central neoformation of preschool children is the development of self-consciousness, namely the realization of their place in social relations. We can observe the emergence of a new internal position, self-esteem, subordination of motives [7].

Partial neoformations related to separate aspects of child's personality and development processes associated with neoformations of previous ages are around the central neoformations. The leading activity predicts the emergence of psychological neoformations which are of paramount importance for the entire subsequent development of a child. The appeared neoformations change the structure of child’s consciousness. The new structure of consciousness means a new character of perception of the external reality and activity, a new character of perception of child’s life and the internal activity of mental processes. There is a critical attitude to assessment of adults and peers. Evaluation of a peer helps a child assess himself. Self-assessment appears in the second half of the childhood on the basis of the emotional self-esteem (*I'm good*) and rational assessment of another's behavior. The moral qualities of a child are judged mainly by child’s behavior which is either agreed with the standards adopted in the family and the team of peers or does not fit into the system of these relations. Therefore, child’s self-esteem almost in all cases coincides with the external assessment of close relatives.

The correct differentiated self-esteem, self-criticism, self-awareness in time and personal consciousness appear by the end of preschool age. A preschool child realizes physical abilities, skills, moral qualities, experiences and some mental processes. Neoformations leading to the restructuring of child’s consciousness change the whole system of relations to reality. As a result, there is a contradiction between the way of child’s life and his capabilities. The former situation of development disintegrates as a child develops and a new situation of development is formed which becomes the starting point for the next age period. Thus, there is a transition to a new stage of development of child’s mental life which changes leading activities. The development of leading activities causes major changes in mental processes and psychological characteristics of child's personality. Leading activity connects children with the surrounding reality which in this period is the source of mental development. The basic personal neoformations are formed in this activity. The leading activity predicts the change of mental processes and the emergence of new activities. The central neoformation leads to contradictions between child’s desires and real opportunities. The solution to this contradiction is a genetic problem of preschool age. The only thing that allows a child to solve this contradiction is story-role-playing. Story-role-playing is a combination of playing activities with communication simulating a certain social situation and participants’ role behavior. The motive of a play lies in the play itself. The formula of the motivation in a play is not to win, but to play. In addition to story-role-playing, the same age is associated with the beginning of two other important activities: labor and learning. We can trace certain stages of consistent improvement of plays, labor and learning of children if we divide preschool childhood into three periods: early preschool age (three-year-olds and four-year-olds), middle preschool age (four-year-olds and five-year-olds) and senior preschool age (five-year-olds and six-year-olds). Early preschoolers play more and they usually do it alone. While playing they improve perception, memory, imagination, thinking and motor skills. Story-role-playing of children at this age usually reproduces the actions of those adults they observe in everyday life. Gradually, by the middle period of preschool childhood plays become collaborative and they include more and more children. They highlight the roles and rules on which these relationships are built, children strictly follow them in the play. Story-role-playing has different themes familiar to a child from life experience. The roles that are played by children are usually family roles (mom, dad, grandma, grandpa, son, daughter), educational roles (music teacher, foreign language teacher, kindergarten teacher), professional roles (doctor, pilot) or fairytale roles (wolf, hare, snake). In the middle and senior preschool ages story-role-playing is used but themes, roles, actions are more diverse than in early preschool age. The content of a play is what the child identifies as the main point of activity and relations between adults, what actions and relationships of people are reproduced by a child in a playful way. Such relations as *man-man* can be reproduced in child’s own activities in different ways, depending on how deeply a child understands the essence of a particular activity of adults. The content of a play develops and deepens during preschool childhood [5].

Fine arts, in particular children's painting, occupy a large place among the various types of creative activity of preschool age. Music plays an important role in the artistic and creative activities of preschool children. Children enjoy listening to music; they repeat sounds of various instruments. The interest in serious music can grow into a real hobby and contribute to the development of musical talent of a child. Physical and mental development of children is interconnected: physical education is carried out by affecting the psyche of children which in its turn affects the development of the psyche. In other words, physical development causes mental one. Physical development of a child, improvement of cognitive processes, personality and behavior are not separate and independent processes. They are interconnected elements of the same process of psycho-physical improvement. At this stage of development children undergo qualitative changes in the psyche and they continue to develop mental processes.

The methodology of teaching a foreign language to preschool children includes the linguistic basis of learning (*what to teach?*); teaching the basics (*how to teach?*); psychological and pedagogical principles of learning (*why to teach?*). The following methods of teaching foreign languages to preschoolers are distinguished:

I. *Essential method*

Communicative learning method combines systematic and informative approaches. This method involves working on both the form and content of speech.

II. *Alternative methods*

1. The method of learning through movement (Total Physical Response) is developed by psychologist J. Asher and based on structural linguistics, behaviorism and humanist direction in learning, as well as on the coordination of speech and physical actions [1]. When teaching preschool children a foreign language it is necessary to simulate the process of mastering their native language which is assimilated simultaneously with the implementation of appropriate physical actions [4]. The perception of the structures is simplified if it is accompanied by the actions performed by a teacher and children. Additionally, the emphasis is on listening associated with the physical actions that serve to better understanding of basic linguistic structures.

2. The method based on the theory of multiple intelligence (the Theory of Multiple Intelligences). According to Gardner intelligence assumes the ability to solve problems arising in the environment. H. Gardner believes that it is imperative to define and develop all kinds of human intelligence and all its combinations. We are all very different due to different combinations of types of intelligence [3]. Gardner notes that there are many distinct types of intelligence abilities that are characterized by different ways of learning and understanding the world. It highlights the following types of intelligence:

1. *Verbal or linguistic intelligence* is the ability to generate speech including mechanisms responsible for phonetic (sounds of speech), syntax (grammar), semantic (meaning) and pragmatic components of speech (use of speech in different situations). The use of fairy tales, inventing stories, solving crosswords and collecting puzzles can contribute to the development of this type of intelligence.

2. *Logical-mathematical intelligence* is the ability to use and assess the relationship between actions and objects when they are not actually present. It is recommended to use a variety of logic games and puzzles, tasks for gumption and ingenuity to develop this type of intelligence.

3. *Visual and spatial intelligence* is the ability to perceive visual and spatial information, modify it and recreate visual images without reference to the original stimuli. Drawing elements, modelling, imagination, fantasy, visualization and video develop this type of intelligence.

4. *Motor intelligence* is the ability to use all parts of the body in solving problems or creating products: the ability to manipulate external objects. Motor intelligence can be developed in story-role-playing, dramatization, physical training, dancing, sports activities and other types of outdoor games.

5. *Musical and rhythmic intelligence* is the ability to generate, transmit and understand the meanings associated with sounds, including mechanisms responsible for the perception of height, rhythm and tone. Educational and playing activities related to music, singing, audio materials, natural sounds help to expand musical and rhythmic intelligence.

6. *Interpersonal intelligence* is the ability to recognize and distinguish among feelings, views and intentions of other people. Interpersonal intelligence is

developed well in the process of learning in small groups, working in teams, performing group projects.

7. *Intrapersonal intelligence* is the ability to recognize children's own feelings, intentions and motives. Intrapersonal intelligence can be developed with the help of individualized teaching methods, methods of self-regulation, self-control and self-assessment, the development of intuitive abilities of children.

8. *Naturalistic intelligence* shows the interest of its owner in nature, natural phenomena, animals, vegetation demonstrates the ability to understand the world of nature and classify the characteristics and properties of the environment. It is necessary to organize tours to the zoo and conduct outdoor classes watching the phenomena of nature and make riddles to recognize the species of birds, fish and trees [2].

The educator defining the basic method of teaching in the classroom uses a variety of techniques in order to improve its effectiveness. The following techniques of teaching a foreign language to preschool children are distinguished: teaching via a play; teaching via learning rhymes, poems, songs; teaching via movement (dancing, different physical exercises); teaching via visual activities (modelling, drawing, making collages).

METHOD

We used the complex of theoretical and empirical research methods in the current study. Theoretical methods include: analysis and synthesis, interpretation of linguistic, psycholinguistic, psychological, pedagogical and methodical literature, comparative methods. We applied to socio-pedagogical analysis of existing programs and manuals.

PARTICIPANTS

Two groups of participants took part in experimental English acquisition. The group of four-year-olds consisted of 20 Russian learners of English. There were 12 boys and 8 girls. The group of five-year-olds consisted of 15 boys and 10 girls.

PROCEDURE

Learning a foreign language traditionally begins with sound production. Children are much faster than adults can master speech sounds. Moreover, the younger the child the less time it takes to learn new sounds. Learning phonetics in preschool age was carried out in a playful way. We told the children *Tale about the tongue*, where in an accessible and understandable way we explained the articulation position of lips, teeth and tongue. At subsequent lessons the teacher reminded the children the parts of the tale referring to the sounds planned for current classes. Grammar was not priority since even native speakers at the age of four and five speak with grammar mistakes. Most of the grammatical phenomena were not explained or systematized and their development was carried out on the basis of speech patterns used for the expression of communicative intention of the speaker [6]. Thus, the focus was on the language as a means of communication rather than a set of grammatical rules. The main material of the language was vocabulary. The number of words, speech patterns, and lexical topics varied depending on each course or an individual program. However, there were certain criteria for the selection of lexical material for preschool children: all learned words meant the concepts well known to the child in native language; the words had frequent use in language and greater combinability with each other. A large variety of plays allowed the teacher to work out new lexical units in a fun way for a certain amount of time. The most common plays were based on questions and answers. The main aim for a child was to understand the question. Children could show their understanding by answering: *Yes, No, Blue, Three*. It was desirable to identify the intonation of key words during play. Much attention in vocabulary instruction was given to the play with cards that were of two types: developing verbal recognition, namely listening comprehension and developing oral playback, that is speaking. It was important to provide children with sufficient listening practice before proceeding to reproduce the lexical units under study. The first introduction of English words started with learning the short rhymes in which the English words were only parts of the rhymes. Gradually with the accumulation of lexical units there was a transition to rhyming poems and songs that were fully spoken in English and helped the children learn simple everyday phrases and answer basic questions. The teacher used the following learning algorithm when the children memorized poems, songs, rhymes via listening:

1. Listening comprehension based on visualization.
2. Searching familiar words by preschoolers.
3. Practicing new words (repetition of words by children all together and individual repetition by each child).
4. Responses to the questions.
5. The revision of the text with the children.
6. Independent reproduction by each child.

Musical activity presented songs that helped improve the process of language learning, expand the lexical units and speech samples. When words were connected by rhythm and music they became more emotional and individually meaningful and were better remembered. The study showed that after learning poems and rhyming, its lexical content became the active vocabulary of preschool children. It should be noted that vocabulary was remembered when the meaning of words was demonstrated visually, using images, gestures, facial expressions or objects. The following types of exercises were used at the lessons:

(1) *Clap, clap, clap – clap all together,*
Stamp, stamp, stamp – stamp all together,
Jump, jump, jump – jump all together,
Fly, fly, fly – we fly together,
Run, run, run – run all together,
Swim, swim, swim – swim all together,
Climb, climb, climb – climb all together,
Go, go, go – we walk together.

(2) *The play 'Confusion'*

The teacher or the child called the action the children had to make, but another action was shown at the same time. The players had to perform the command that the teacher or the child called but not showed.

(3) *The play 'Zoo' with visuals*

Children got to the zoo, saw animals there and called them: a bear, a hare, a fox, a crocodile, etc. The teacher applied visibility at the lesson. The teacher used a card with an image of animals or a poster with painted animals at the lesson. By asking questions the teacher motivated children to repeat all the words they saw in the pictures.

(4) *The play 'Eatable-uneatable'*

The teacher said the word in English and threw the ball to the child. The kid caught the ball if the word meant an eatable object. If the word denoted an uneatable object, the child did not need to catch the ball.

(5) Active plays were combined with quiet one like *'Lotto'*

(6) *The play 'Pass the card'*

The children sat in a semicircle and passed a card to each other calling the word on it. The children could say: *I have a.../ I have a... and a...* to make the task more complicated.

(7) *The play 'Word Road'*

The cards with the words were laid out on the carpet with small intervals. The child went along the 'road' calling all the words.

(8) *The play 'What is missing?'*

The cards with the words were laid out on the carpet and the children named them. The teacher gave the command *Close your eyes!* and removed one or two cards. Then the teacher gave another command *Open your eyes!* and asked the question *What is missing?* The child tried to recall the missing words.

RESULTS

The variety of plays allowed the teacher to create and maintain high motivation to foreign language communication. The most important condition for the success of teaching was the activation of children's speech-making activities and involvement in foreign language communication. It was necessary to change the order of speech actions (the order of questions and the names of objects) so that children reacted to the meaning of the word and did not memorize the sounds mechanically. At least once each child performed the speech action at the lesson. The educator prevented the difficulties in the educational process in the following way:

1. The teacher frequently changed the leader in the play. The children knew that at any moment one of them could become the leader.
2. The teacher asked the children to help players if they were unable to cope with the task of the play.
3. The teacher proposed the children to assess the actions of other players.
4. The teacher dramatized the situations so that children could watch with interest how they would end.

The current study proved that the play method is the most effective one in teaching English to Russian preschool children. The play was aimed at the interaction of the child and the teacher on equal terms. This approach was useful for learning lexico-grammatical, communicative and cross-cultural content. In the play all participants were equal. It was feasible even the children who were bad at English. Moreover, these children could be the first ones in the play: resourcefulness and intelligence in the play were more important than knowledge of the subject. The sense of equality, the atmosphere of joyfulness, the feeling of feasible tasks made it possible for the children to overcome shyness that prevented them from using the words of another language.

DISCUSSION

The practical knowledge of English has become an urgent need for the society. Moreover, there are favorable conditions for teaching a foreign language. The teacher can choose the methods and techniques of early learning. The environment itself, age characteristics, conditions allow the teacher to organize communication interesting for children in another language. The results of the current study indicated that five-year-olds were ready to learn English, whereas four-year-olds had some difficulties in understanding the tasks. The children were often distracted when they participated in the plays offered by the teacher. Some of the exercises turned to be ineffective in the English language acquisition. The study pointed to the methodology of teaching based on the psychological and physiological characteristics of preschoolers as an important pathway to the development of linguistic abilities of preschoolers. Four-year-olds demonstrated the abilities to perceive visual objects and recreate them. Preschoolers of this age were fond of rhyming and singing, they showed great interest in natural phenomena. Thus, we could benefit learning opportunities and development of intelligence abilities at this age. Four-year-olds exhibited visual-spatial, musical and naturalistic types of intelligence. The situation changed when we observed five-year-olds. Besides three types of intelligence mentioned above, the findings underlined the combination of verbal, interpersonal and motor types. Preschoolers were very active at solving crosswords and collecting puzzles. They were able to dramatize the proposed situations and rather easily manipulated external objects. Additionally, five-year-olds were more concentrated and self-controlled learning in teams.

The teacher understood the classes in a foreign language as a part of the overall development of child's personality. Teaching children was communicative. The children learned to make the statements in accordance with communicative needs. Communication in a foreign language was motivated and purposeful. A way to create positive motivation was to play. The play technique uniting and integrating other activities in the process of language learning was absolutely necessary. The basis of the play was the creation of an imaginary situation and penetration of the child or the teacher into the role. The play method of teaching English was the main one, as the play was a normal and natural state of a child. Additionally, the variety of play situations created the atmosphere of joyfulness and relaxedness. Therefore, plays in the educational process had great opportunities for further development and enhancing children's skills of creative thinking and cognitive activity. The use of cards, pictures and toys increased interest and motivation, affected the emotional memory of children and helped to understand the lexical units better. Acquaintance with the culture of the country, training of politeness and goodwill of children put forward the task of humanistic formation of child's personality. English language acquisition was intended to make a certain contribution to the development of child's independent thinking, logic, memory, imagination, formation of emotions, development of communicative and cognitive abilities.

REFERENCES:

1. Asher 2016 — Asher J. Total Physical Response. Retrieved from <http://doclecture.net/1-49931.html>.
2. Benson 1993 — Benson M. The structure of four- and five-year olds' narratives in pretend play and storytelling. *First Language.* 1993. Pp. 203–223.
3. Gardner 1993 — Gardner H. Multiple Intelligence: The Theory in practice. - New York, 1993.
4. Ratner, Bruner 1978 — Ratner N., Bruner J. Games, social exchange and the acquisition of language. *JChLang*. Vol. 5. Pp. 391–401.
5. Shatz, Gelman 1973 — Shatz M., Gelman, R. The development of communication skills: modifications in the speech of young children as a function of listener. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. Vol. 38. Pp. 1–37.
6. Tabors, Patton 2008 — Tabors, Patton O. One child, two languages: a guide to early childhood educators of children learning English as a second language. Paul H. Brookes Publishing Company, 2008.
7. Vygotsky 1987 — Vygotsky L. S. Mind in society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.

COUNSELING TEENS WITH A COMPUTER ADDICTION

Kulachenko M.
candidate of pedagogical sciences,
the senior lecturer of the cathedral of pedagogics and professional education,
Orlovsky state university at the name of Ivan Turgenev

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ ПОДРОСТКОВ С КОМПЬЮТЕРНОЙ АДДИКЦИЕЙ

Кулаченко М.П.
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры педагогики и профессионального образования,
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

Abstract
There is considered the problem of the pedagogical help for the computer-dependent teenagers in present article. Psychological consultation is presented as optimum means of basic protective treatment of the computer addiction present with teenagers, and The Author also taking into account its specificity and the features of age of the target client.

Аннотация
В представленной статье рассматривается проблема педагогической помощи подросткам с компьютерной зависимостью. Психологическое консультирование представлено как оптимальное средство базовой профилактики компьютерной аддикции подростков с учетом ее специфики и особенностей возраста целевого клиента.

Keywords: computer addiction, psychological consultation of teenagers
Ключевые слова: компьютерная аддикция, психологическое консультирование подростков

На сегодняшний день цифровые технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни. Конечно, такая популярность, в первую очередь, обусловлена широким спектром возможностей, которые открывает для нас их использование: свободный и быстрый доступ к информации, расширение границ в общении, экономия времени на выполнение различных работ. Однако использование современных технологий, в частности компьютера, в последнее время выходит далеко за рамки необходимости получить информацию или выполнить задание. Все чаще компьютер становится незаменимым средством удовлетворения потребностей в общении и отдыхе, вытесняя традиционные формы проведения досуга: посещение культурных и спортивных мероприятий, семейные праздники и т.д. Такое стремление к использованию компьютерных технологий обусловлено самой их спецификой: легкость и доступность, возможность быстрой самореализации, заданность сценария и отсутствие необходимости самостоятельно принимать решения. В связи с этим в последнее время можно отметить выраженную тенденцию к чрезмерному использованию компьютера, что не может не оказать влияние на социальную ситуацию и развитие личности человека.

Современные исследования показывают, что компьютерная аддикция является достаточно распространенной. Данный феномен предполагает «патологическую увлеченность использования компьютера и невозможность самостоятельно сократить время пребывания за ним» (А.Г.Асмолов [2], А.Е. Войскунский [3], В.Д. Менделевич [5], М.Г.Чухрова [6] и др.).

Наиболее сензитивными для формирования чрезмерной увлеченности компьютером оказываются подростки. Это, в первую очередь, обусловлено психологическими особенностями возраста: рост самосознания, потребность в самопознании и самореализации, изменение системы отношений с окружающими, появление реакции эмансипации, перестройка мотивационной сферы и т.д. Критичность подросткового возраста детерминирует риск появления различных неблагоприятных психологических особенностей и состояний, таких как чувство одиночества, недостаточная сформированность коммуникативных умений и навыков, эгоцентризм или, наоборот, неуверенность в себе и т.д. Часто в подростковом возрасте коренным образом перестраивается система взаимоотношений с родителями и педагогами: растет недопонимание, стремление уйти от опеки взрослых, утвердить свою точку зрения, что зачастую приводит к конфликтным ситуациям. Все эти особенности могут быть катализатором для чрезмерной увлеченности компьютером, т.к. именно Интернет-технологии и компьютерные игры дают подросткам возможность в легкой и доступной форме удовлетворить все свои потребности, самоутвердиться. Таким образом, в силу особенностей возраста, подростки являются наиболее подверженными возникновению компьютерной зависимости.

Цель нашего исследования состояла в выявлении у подростков склонности к компьютерной зависимости [4].

В процессе исследования была выдвинута рабочая гипотеза: подростки, у которых выражена патологическая зависимость от компьютера, обладают рядом особенностей: у них наблюдается недостаточная сформированность коммуникативных умений и навыков, характерно субъективное чувство одиночества, эгоцентризм или, наоборот, неуверенность в себе, а также имеются трудности во взаимоотношениях с родителями и педагогами (А.Ю. Егоров, И.А Ермоленко, Е.Н. Петрова, А.В. Северин, Е.С. Скворцова, Н.С. Хомерики и др.).

В ходе проверки гипотезы решались следующие задачи экспериментального исследования:

1) выявить подростков, имеющих Интернет-зависимость или проблемы, связанные с чрезмерным увлечением Интернетом (вне зависимости от формы этого пристрастия);

2) изучить личностные особенности подростков, склонных к Интернет-зависимости: оценить коммуникативный потенциал личности; определить уровень социальной изолированности, степень уверенности/неуверенности в себе, самооценку подростка;

3) сопоставить полученные результаты с целью подтверждения /опровержения выдвинутой рабочей гипотезы.

Для выявления предрасположенности подростков к компьютерной зависимости был использован опросник Кимберли-Янг. В исследовании приняли участие подростки в возрасте 15-17 лет (обучающиеся 9-10 классов).

Результаты тестирования показали, что 57% подростков (34 чел.) являются обычными пользователями Интернета. Они в большей степени используют Интернет для учебы, общения с друзьями, однако использование гаджетов не занимает все свободное время. Подростки отмечают, что пользуются различными цифровыми технологиями (компьютер, планшет, телефон и др.), но использование современных информационных технологий в полной мере не может заменить им реальное общение с людьми, не отнимает много времени от учебы, общения, посещения различных учреждений дополнительного образования. Они стараются рационально использовать возможности Интернета в соответствии со своими реальными потребностями и контролировать время, которое было потрачено на пребывание в Сети. Зачастую использование ими компьютера и Интернета сводится к необходимости получить какую-либо информацию, либо немного отдохнуть и пообщаться с друзьями. Использование современных технологий у таких подростков можно оценивать как умеренное.

При этом у достаточно большого количества подростков – 43% (26 чел.) выявлена склонность к Интернет-зависимости. Такие подростки признают, что большую часть свободного времени проводят в сети Интернет, и отмечают невозможность самостоятельно сократить время пребывания в Сети даже при необходимости. Погружаясь в виртуальный мир, подростки не замечают реальную жизнь, забывают о реальных проблемах, и это может негативно сказываться на всех сферах их жизнедеятельности. Чрезмерное увлечение Интернетом в реальности заменяет дружбу, любовь, поглощает время, силы, энергию и эмоции до такой степени, что Интернет-зависимый подросток оказывается неспособным поддерживать равновесие в жизни, включаться в другие формы активности, получать удовольствие от общения с людьми. Зачастую такие подростки не имеют хобби, увлечений, не занимаются спортом. Все это обедняет опыт их общения, негативно влияет на эмоциональное и личностное развитие. Подростки, у которых выявлена склонность к Интернет-зависимости, отмечают, что не мыслят своей жизни без различных цифровых технологий и стараются «не выпускать из рук» свои гаджеты. При этом они сами отмечают, что увлеченность пребыванием в Интернет-пространстве не только негативно влияет на сферу межличностного взаимодействия и отнимает много времени, но и отрицательно сказывается на их здоровье. Подростки отмечают некоторые «симптомы», которые могут свидетельствовать о росте риска возникновения компьютерной зависимости, однако не придают им серьезного значения.

Проведенное экспериментальное исследование позволило выявить личностные особенности подростков, склонных к Интернет-зависимости, по сравнению с их ровесниками – обычными пользователями компьютера и Интернета. Диагностика личностных особенностей у подростков, имеющих склонность к компьютерной зависимости и не имеющих подобных трудностей, проводилась по серии методик: методика «Диагностика особенностей общения» (В.Н. Недашковский); экспресс-диагностика уровня социальной изолированности личности (Д. Рассел и М.Фергюссон); методика Дембо-Рубинштейн: исследование самооценки (в модификации А.М. Прихожан). Для статистической обработки данных были использованы: U-критерий Манна-Уитни, критерий углового преобразования Фишера, критерий Вилкоксона.

Исследованием установлено, что Интернет-зависимые подростки испытывают трудности в понимании партнера по общению. Они часто говорят не дослушав, отвлекаются, не понимают сути высказывания, акцентируют внимание на себе, относятся к беседе достаточно формально.

У подростков, склонных к Интернет-зависимости, ниже уровень развития общей рефлексии в общении. Они с трудом могут представлять, как их воспринимают партнеры по общению, трактовать различные средства общения, как вербальные, так и невербальные, которые используют партнеры по межличностному взаимодействию. Также у них отмечен недостаточный уровень развития эмпатии. Формальное восприятие информации превалирует. Практически отсутствует стремление к пониманию чувств и эмоций партнеров по взаимодействию.

Подростки, склонные к Интернет-зависимости, в большей степени, чем их сверстники, умеренно использующие компьютер, ощущают свою социальную изолированность от общества. Им кажется, что мало кто из сверстников и близких людей разделяет их интересы и увлечения. Даже в больших и шумных компаниях они чувствуют себя отчужденно, с трудом устанавливают контакт с окружающими.

Подростки, склонные к Интернет-зависимости, имеют более низкую самооценку по таким параметрам, как «ум, способности» и «уверенность в себе». Подростки не уверены в себе, занижают свои способности и возможности, и в первую очередь, способности, связанные с интеллектом. Данная сфера самооценивания является крайне конфликтной для подростков, склонных к кибераддикции, что проявляется в большом расхождении между самооценкой и уровнем притязаний.

Таким образом, экспериментальное исследование позволило определить трудности в общении и личностном развитии подростков, склонных к Интернет-зависимости: недостаточный уровень развития понимания партнера по общению, эмпатии, рефлексии, неуверенность в себе, ощущение социальной изолированности. Предполагаем, что выявленные особенности могут быть обусловлены чрезмерным использованием Интернета. Постоянное пребывание за компьютером или в Сети Интернет не только ограничивает сферу межличностного взаимодействия, но и приводит к его формальности, а привычка использовать побочные средства передачи информации (например, смайлики и пиктограммы) затрудняет процесс живого общения в реальной ситуации взаимодействия. Подростки все больше отдаляются от окружающих, все больше погружаясь в нереальный мир цифровых технологий, начинают ощущать свою отчужденность, разницу в интересах. При этом, ощущая свою изолированность, подростки еще интенсивнее начинают искать поддержки в Интернете, что еще больше усугубляет сложившуюся ситуацию. Очевидно, что выявленные особенности негативно влияют на процесс гармоничного развития личности и требуют коррекции.

В связи с вышеизложенным, необходимо уделить внимание проблеме профилактики компьютерной аддикции у подростков. Эффективной формой работы может стать консультирование в соответствии с выявленными личностными нарушениями.

Анализ литературы по проблеме показал, что в настоящее время нет разработанной профилактической модели, а имеющиеся методики крайне узконаправлены и могут быть реализованы только в конкретных ситуациях. Наиболее оптимальным средством профилактики компьютерной аддикции у подростков с учетом ее специфики и особенностей возраста представляется психологическое консультирование как «оказание помощи подросткам посредством специально организованной беседы и повышения компетентности по проблеме» [1].

Консультирование как способ профилактики компьютерной аддикции у подростков имеет ряд преимуществ: возможность заочного, опосредованного или группового консультирования, консультирование на различных этапах возникновения проблемы, а также оказание комплексной помощи с включением в работу педагогов, родителей и друзей при необходимости. Среди ярко выраженных преимуществ следует отметить возможность консультирования с использованием компьютерных технологий. Подросток, который патологически увлечен компьютером вряд ли будет чувствовать себя комфортно «покидая» привычное пространство, поэтому использование медиапространства может быть эффективным для формирования первичного интереса к работе по предупреждению компьютерной зависимости и возможности установить контакт с таким подростком. В случае сложности установления контакта и стремлении подростка сохранить анонимность можно использовать телефонное консультирование. Это дистанционное оказание психологической помощи посредством использования телефонных коммуникационных средств в последнее время пользуется большой популярностью.

Таким образом, консультирование как способ оказания помощи подросткам с компьютерной зависимостью представляется эффективным. Но, несмотря на многочисленные достоинства, данный вид деятельности психолога-практика практически не разработан и требует создания теоретической и методологической базы для подготовки квалифицированных специалистов в этой области. Остро стоит проблема необходимости разработки и реализации модели профилактической помощи подросткам, склонным к Интернет-аддикции с учетом их возрастно-психологических особенностей и современных реалий, возможности реализации данной модели, в частности, в рамках образовательного учреждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андрущенко, Т.Ю. Психологическое содержание возрастно-ориентированного консультирования детей и подростков // Психологическое сопровождение образования на разных этапах возрастного развития человека: материалы Всероссийская научно-практическая конференция (5-8 октября 2009 года) / под ред. Т.Ю.Андрущенко, А.Г. Крицкого, О.П. Меркуловой. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. С. 220-223.
2. Асмолов, А.Г. Психологическая модель Интернет-зависимости личности / А.Г. Асмолов, Н.А. Цветкова, А.В. Цветков // Мир психологии. – 2004. – №1. – С. 179-193.
3. Войскунский, А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета / А.Е. Войскунский // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – №1. – С. 90-100.
4. Кулаченко, М.П. Психологическое консультирование как средство профилактики игровой компьютерной аддикции у подростков / М.П.Кулаченко, С.В. Сафронова // Проблемы личности в современном мире. Сборник научных трудов по итогам II Международной научно-практической конференции (31 мая 2018 года). – Орёл: изд-во ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева». – 2018. – С. 83-86.
5. Менделевич, В.Д. Особенности девиантного поведения в Интернет-пространстве / В.Д. Менделевич // Практическая медицина. – 2013. – №1(66). – С. 143-146.
6. Чухрова, М.Г. Интернет-зависимость как вариант аддиктивного поведения / М.Г. Чухрова, А.В. Ермолаева // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – №3. – С.132-135.

THE INTEGRATIVE POTENTIAL OF DIDACTICS IN THE FIELD OF HIGHER MILITARY EDUCATION AS AN OPPORTUNITY TO IMPLEMENT EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

Taubayeva Sh.
doctor of pedagogical Sciences, professor,
professor of the Department of General and ethnic pedagogy,
Al-Farabi Kazakh national University, Almaty
Maxutova I.
doctoral student,
Academy of the border service of CNS of the Republic of Kazakhstan, Almaty

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИДАКТИКИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Таубаева Ш.
доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и этической педагогики,
Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Алматы
Максутова И.О.
докторант, Академия пограничной службы КНБ РК, Алматы

Abstract
This article presents the Genesis of the development of higher educational space of the Republic of Kazakhstan, the authors ' positions on the holistic theory of education, the contradictions of modern pedagogy. As a result, we came to the conclusion that the integrative potential of didactics will allow the teacher of the University to start more effectively and less painlessly as a military teacher, with the use of educational technologies in the classroom, to achieve the planned goals.

Аннотация
В данной статье, представлен генезис развития высшего образовательного пространства Республики Казахстан, рассмотрены позиции авторов на целостную теорию обучения, противоречия современной педагогики. В следствии, чего мы пришли к выводу, что интегративный потенциал дидактики позволит более эффективно и менее безболезненно преподавателю военного вуза начать становится как военный преподаватель, с помощью применения на занятиях образовательных технологий, для достижения запланированных целей.

Keywords: didactics, contradictions of modern pedagogy, integration, integral theory of education, synthesis, integration

Ключевые слова: дидактика, противоречия современной педагогики, интеграция, целостная теория обучения, синтез, интеграция

Современное образовательное пространство переходит на новую гуманитарную парадигму, которая нацеливает преподавателей на обращения к обучаемым как к субъектам образовательного процесса, требующим личностного подхода к каждому. В свою очередь это подталкивает преподавателей к применению образовательных технологий как инструментария помогающего перейти к новой парадигме. Не стоит в сою очередь забывать и о том, что военный преподаватель не обладает базовыми педагогическими знаниями, он получил высшее военное образование и перейдя на преподавательскую должность он должен суметь интегрировать свои военные профессиональные знания на педагогический образовательный процесс, в этом ему должна помочь дидактика, обладающая всеми необходимыми элементами для выполнения этой задачи.

Высшая военная школа (высшее военное образование) перестраивается, всё больше учитывая потребности и возможности обучаемых. Где границы интеграции высшего военного образования и дифференциации образования? может ли дидактика обеспечить этот процесс? В каком направлении вести поиск в дидактике? Подобные вопросы обсуждаются преподавателями повсюду. В самом деле, устарела ли педагогическая наука, которая совсем недавно расценивалась как передовая, ведущая, самая прогрессивная в мире. Можно ли эту оценку отнести и к теории обучения? Даже краткий экскурс в истории её развития даёт определённый материал для размышления.

В чём особенности целеполагания в педагогической теории за годы независимости Республики Казахстан?

Современные тенденции развития Республики Казахстан его политика, экономика и образование большое внимание уделяет воспитанию нового человека, новых качеств личности, как коллективизм, интернационализм, патриотизм и т.д., развитию творческих способностей обучающихся и трудолюбия.

В отличии от 30-50-х годов где основной упор делался на передачу преподавателем готовых выводов науки и усвоение обучающимися суммы знаний. В середине 50-х годов обратили внимание на трудовое обучение и начали реформу высшего образования. В конце 50-х преподаватели забили тревогу по поводу широкой практики догматического заучивания учебного материала обучающимися, и последующие 30 лет вели поиски путей активизации познавательной деятельности обучающихся, формирование их самостоятельности в обучении. Появились самостоятельные теории развития умственных сил обучаемых. Но до середины 80-х годов проблеме нравственно-эстетического воспитания, развитию общей культуры обучаемых серьёзного внимания не уделяли. Социокультурная среда усугубила положение середина 60-х годов характеризуется поиском закономерностей активизации процесса обучения на основе усвоения знаний по основам наук; воспитания человека, развитие его чувств, считалось как бы само собой разумеющимся.

Таким образом, более полувека высшее образование делала акцент не на воспитание обучаемых, а лишь на его обучение. Последствия теперь хорошо известны.

Может ли новый виток развития педагогической науки и практики начаться в отрыве от предыдущего? Как развивалась теория обучения во второй половине XX столетия? Какова теоретическая основа дальнейшего развития учебно-воспитательного процесса? Научно техническая революция резко обострила проблему творчества и развития познавательной самостоятельности обучающихся. Психологи и дидакты понимали объективную необходимость её решения и искали новые подходы к проблеме. Хотя по ряду причин и администрацию, и практику устраивал прежний подход: объём знаний. Тем не менее, учёные стали разрабатывать вопросы активизации процесса обучения в новых условиях. К тому же сказывалось влияние поисков не только ведущих советских психологов Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, но и зарубежных педагогов и психологов (Ж. Пиаже, Дж. Бруне, В.Оконь и др.). В результате этого появились новые концепции обучения. К таковым можно отнести: активизацию учебного процесса (М.А. Данилов, М.Н. Скаткин, Г.И. Щукина и др.); проблемное обучение (М.И. Махмутов А.М. Матюшкин, И.Я. Лернер и др.); развивающее обучение (Л.В. Занков); теорию содержательного обучения (В.В. Давыдов); теория оптимизации (Ю.К. Бабанский); поэтапного формирования умственных действий (П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина); укрупнения дидактических единиц (П.М. Эрдниев); программированного обучения (В.П. Беспалько, Н.Ф. Талызина); непрерывного образования (А.П. Владнелавиев и др.) и т.д., которые в последующем их развитии легли в основу образовательных технологий.

Естественно, что названными выше теориями, не исчерпывается список концепций развития процесса обучения, но это наиболее значимые концепции, выведенные на уровень новых теорий. До середины 70-х годов интерес преподавателей, творчески работающих, к ним был ярко выраженным. Однако в период застоя новые научные концепции встречались, как правило, без энтузиазма. Во-первых, потому что нововведения материально не стимулировался, а тут требовался большой труд преподавателя и методиста для их освоения, во-вторых, руководство вузов, административно-методический аппарат не ставили перед собой задачи внедрения достижений педагогической науки. Более того, нередко встречались такие руководители, которые всячески препятствовали этому процессу, боясь снизить процент успеваемости – в то время главный показатель; завышение оценок знаний обучающихся ради стопроцентного охвата. Этому способствовали и другие факторы: обычная для всякой новизны в науке борьба консервативно мыслящих учёных, сюда же можно отнести и консервативность авторов учебников, малые тиражи книг и слабую информированность преподавателей-практиков, крайне низкий уровень психолого-педагогической подготовки преподавателей и др.

Одной из серьёзных причин слабого внедрения результатов научных исследований в практику следует считать слабую их разработанность на методическом уровне, доступном для массового преподавателя. Новые идеи в учебники практически не проникали до настоящего времени. В 70-е годы, теория проблемного обучения нашла более или менее полное отражение лишь в некоторых методиках преподавания и лишь благодаря тому, что были внедрены авторами этих теорий.

Сегодня появляется такая литература, но к сожалению она уже «запоздала» так как, во-первых, предлагаемые теории каждая «в одиночку не снимают обострившихся в педагогике противоречий»: во-вторых, ушло то время, когда преподаватель мог обеспечить эффективность занятия за счёт нововведения одного или нескольких новых элементов, реализующих ту или иную педагогическую концепцию; в-третьих, все названные выше концепции, ориентированные на развитие умственных способностей обучаемых, слабо связаны с проблемой его нравственного воспитания.

В настоящее время в педагогической практике сложилась такая ситуация, которая обнажила болевые точки педагогической науки. Назовём только несколько основных: низкий уровень методологических исследований; отрыв научных исследований от практики; разрозненность теоретических концепций обучения; почти полное отсутствие работ по переводу дидактических теорий на конкретно методический уровень; небывалый ранее застой в теории воспитания, особенно в части трудового и нравственного воспитания и т.д.

Важнейшим направлением методологических исследований должна быть разработка языка педагогической науки, понятийно-категориального её аппарата, как условия и показателя развития научных знаний. Одной из важнейших категорий методологии педагогики считается категория противоречия, в основе которой лежат объективные законы процесса познания. Противоречия являются исторической категорией. Как указывал В.И. Лернер, познание есть вечный процесс движения, возникновений противоречий и их разрешения, обусловленный тем, что «мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [1, с.54]. В определённых социальных условиях противоречия могут возникать и исчезать, видоизменяться, обостряться, и т.д. Это свойство противоречий характерно и для педагогики. Движущей силой развития современной педагогики может быть ряд противоречий, имеющих диалектический характер. В чём их эвристическая функция? В том, что теоретическое осмысление и осознание сущности этих противоречий даёт возможность правильно сформулировать научно-педагогические проблемы и обеспечить целенаправленный поиск способов их решения. С какими на наш взгляд, противоречиями мы сталкиваемся в период перестройки общества и системы образования? По степени сложности, важности, обоснованности их можно разделить на несколько видов. Например, можно говорить о противоречиях, возникающих или обостряющих при появлении новых социально-экономических условий жизни общества, при изменении требований общества к учебно-воспитательной деятельности военного вуза и т.д. Назовём наиболее острые, с нашей точки зрения, противоречия современной педагогики.

Социально-педагогическое противоречие между требованиями перестройки экономики, меняющихся техники и технологии производства, новых общественных отношений к качеству личности вступающего в общественное производство (необходимость высокого уровня нравственного и интеллектуального развития личности, его общего и технического образования и высокого профессионализма), с одной стороны, и сложившихся для иных целей, их структурой, функциями, сроками обучения, учебными программами, не обеспечивающими развития творческих способностей и познавательной самостоятельности, мотивов учения и труда, инициативы и самоорганизации, формирования социально-ценностных ориентаций с другой стороны. Это общее для педагогики противоречие можно разделить на ряд более конкретных. Например, на фоне социально-педагогического противоречия просматривается более конкретное психолого-дидактическое противоречие, в свою очередь выступающее как средство разрешения первого, более общего противоречия. Оно отражает несоответствие между необходимостью развития интеллектуально-эмоциональных способностей каждого обучающегося с учётом его индивидуальных склонностей, задатков, интересов и потребностей и высоконравственного отношения обучаемых, к труду и обществу в целом, с одной стороны, и отсутствием целостной теории обучения и воспитания обучаемых в условиях научно-технического процесса и демократизации общества, раздробленностью психолого-дидактических теорий, отрывом психологии от педагогики и каждый из них от современной практики – с другой.

Сегодня, как никогда раньше, обострилась диалектическое противоречие в содержании обучения и образования. Мы его видим в несоответствии между объективно нарастающим объёмом научных знаний (с их устойчивой тенденцией к интеграции и дифференциации) и невозможностью усвоения системы этих знаний обучающимися в рамках сложившихся сроков обучения по единым программам, при отсутствии внутренней связи между учебными дисциплинами, при крайне перегруженных программах и учебниках, с устаревшей логикой изложения учебного материала, не соответствующей задаче развития творческого мышления обучаемых.

Противоречие в организации учебно-воспитательного процесса как несоответствие между сложившимися в опыте военных вузов формализацией процесса воспитания и методикой преподавания как обычной передачи обучающимся суммы знаний без учёта их индивидуальных особенностей и уровня психического развития, с одной стороны, и требованием общества к современному ввузу формировать новые эмоционально-потребностные, познавательные и операционно-исполнительские структуры личности обучающихся, её социальную активность путём построения иной структуры развивающего и воспитывающего обучения с учётом достижений педагогической технологии в передовом опыте, психологии обучающихся и необходимости целенаправленного воспитания их социально-ценностной ориентации с другой.

И к содержанию, и к процессу обучения относится противоречие между необходимостью формирования у обучающихся системы знаний и целостного мировоззрения, их познавательной потребности и мотивов учения и труда и отсутствием системности в самом предметном преподавании, разобщённостью естественных и технических знаний между собой между ними и гуманитарными дисциплинами, а для военного вуза ещё и отсутствием внутренней взаимосвязи между всем циклом общеобразовательных дисциплин и циклом дисциплин профтехнического цикла, порождающее не только дублирование и перегрузку, но и мешающее мотивацию учения. Сумма неупорядоченных знаний из разных областей науки (формируемых и средствами массовой информации) вместо единой системы – серьёзный порок сегодняшнего образования, преодолеть который опытным, эмпирическим путём не возможно (хотя бы из-за низкого уровня профессиональной культуры большинства преподавателей).

Вполне естественно, что можно указать и на ряд других противоречий, например не соответствие форм организации занятий интересам и увлечениям обучающихся, но названные мы считаем важнейшими в дальнейшем поиске путей перестройки педагогики.

Что собой представляет сегодня дидактика? Как лоскутное одеяло, сшита она «белыми нитками» из разных теорий, многие из которых отражают лишь отдельные стороны учебно-воспитательного процесса. Представители почти каждого направления стремятся создать свой учебник, в котором обязательно выпячивается своя теория, своя точка зрения на всю педагогику, всё объясняется «со своей колокольни». Такие учебники ставят начинающего преподавателя, да и преподавателя-практика в сложное положение былинного героя – на развилку трёх дорог. И тогда ему «больно и трудно писать о педагогической науке» [2, с.97]. А страдают в конечном итоге обучаемые.

Преподаватель имеет дело с целостным учебно-воспитательным процессом, а не только с алгоритмами или проблемными ситуациями, с программированным типом или дифференцированным материалом, не с обучением отдельно и воспитанием отдельно. Ему нужна целостная, теоретически обоснованная методика учебно-воспитательной работы на занятии и после занятия. Нужна ли целостная теория вообще, безотносительно к какой бы то ни было цели? Разнообразие теорий – условия развития дидактики. Однако очевидна необходимость синтеза знаний из различных теорий для их полного взаимодействия при реализации определённой цели. С этой точки зрения, «инвентаризация» дидактических теорий необходимо для усиления определённой функции дидактики.

Какая из дидактических концепций может быстрее других помочь практикам устранить дефицит ненавистного сознания обучающихся? Видимо, та, которая, во-первых, наиболее целостно охватывает учебно-воспитательный процесс, во-вторых, опирается на такие закономерности развития личности, которые работают не только на развитие мышления, но и на формирование нужных качеств личности. Развитие творческого воображения, фантазии, умения догадываться, искать нестандартные ходы, способы решения проблем – это основа развития такого качества, как переживание, эмоциональное и нравственное отношение человека к людям. Опыт умственного поиска, умственного напряжения меняет ценностные ориентации человека, хотя сам по себе ещё не является гарантией высокой нравственности. Необходимо обсудить возможность интеграции не всей совокупности дидактических знаний, а лишь таких дидактических концепций, которые, образуя целостную теорию развития интеллектуальных и эмоционально-волевых качеств личности обучающихся, могут служить основой формирования целостного мировоззрения и нравственно-этических качеств человека.

Итак, необходимо оценить дидактический потенциал современной педагогики с точки зрения готовности и возможности синтезирования её ведущих психолого-педагогических концепций с целью разработки целостной теории обучения. Готовность любой концепции к синтезу с другими концепциями связка с уровнем её разработанности исходя из потребности практики. Возможности синтеза мы видим в наличии в разных концепциях общей идеи, общих принципов и положений. Существуют ли другие идеи, на основе которых может быть разработана целостная теория?

Начнём с ответа на последний вопрос. Да, идея целостности научного знания рассматривается в работах К. Маркса [3, с.28]. Философы считают её одной из актуальных проблем современной науки. В педагогике вопрос тоже не нов. Например, в дидактике просматриваются три принципиально разных подхода к разработке такой теории.

Первый подход основан на разработке «стыков» между известными теориями с целью выявления более глубокой связи между ними. Условно мы его назвали «суммативным», поскольку это попытка найти пути сочетания проблемного с программированным, проблемного и оптимизации обучения. К таким исследованиям можно отнести работы Д.И. Пеннера («Теория и практика проблемно-программированного обучения»); В.Т. Фоменко («Проблемное обучение как путь оптимизации учебного процесса в высшей школе»); И.Б. Ахмедова («Проблемно-программированное обучение математике в школе») и др.

Попыткой создать целостную теорию обучения является и теория оптимизации обучения Ю.К.

Бабанского. Её автор на основе системного подхода попытался объединить накопленный наукой потенциал (принципы, положения, правила). Нет сомнений в том, что «системный подход есть методологическое средство изучения … интегральных зависимостей…». Основное внимание было направлено на активизацию процесса обучения путём переосмысления традиционной теории объяснительно-иллюстративного обучения и соединения её с элементами проблемного обучения в основном на методическом уровне. Однако Ю.К. Бабанский стыкует их не на принципиально новой дидактической основе, а на основе общей теории оптимального управления. В философской литературе указывается, что «… различие суммативных и целостных множеств состоит в феномене интеграции» [3, с. 257-258].

Отсутствие дидактического обоснования целостности процесса обучения, специального анализа существующих в дидактике теорий с позиции их целостности не позволило автору найти дидактическую (системообразующую) интегративную основу искомой оптимальной целостности. Например, систематизация методов обучения на основе лишь функционального подхода привела почти к механическому, эклектическому объединению традиционных методов с проблемными (исследовательский, эвристический и т.д.) и логическими (дедуктивный, индуктивный). Последние как вид умозаключений входят в любые методы обучения, поэтому на нелогичность такого объединения учёные указывали и ранее [4, с.96].

Второй подход разработки целостности в педагогике основы на рассмотрении «целостной теории формирования личности» (В.С. Ильин). Условным его можно назвать «зеркальным», потому что речь идёт о как бы зеркальном отражении в структуре процесса обучения структуры всесторонне развитой личности. Целостную теорию формирования личности В.С. Ильин разрабатывает путём развития понятия «целостная всесторонне развитая личность» и обоснования строения целостности процесса формирования такой личности. По его мнению, «.. любой процесс обучения или их группа как целостное явление обеспечит должное влияние на всестороннее развитие личности, если его функции будут адекватны структуре личности в целом» [5, с.35]. Автор полагает, что свойства целостного процесса обучения позволяет не только представить весь процесс, но и выявить критерии его эффективности в формировании личности. Этот второй подход с точки зрения логической не вызывает возражения, он кажется перспективным. В то же время «целостная теория формирования личности» требует, более глубокого обоснования, прежде всего, социально-психологического обоснования. На недостаточное философско-социологическое обоснование концепции В.С. Ильина (в частности, качеств личности, критериев воспитанности личности и коллектива) указывает и Н. Целищева [6, с.74].

Для обоснования педагогической (и дидактической) теории недостаточно сделать практически «прямой перенос» в педагогику философского обоснования общей теории систем (В.Г. Афанасьев, И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин и др.) и теории социальных систем (В.Г. Афанесьев и др.). Известно, что такие теории могут быть использованы как универсальный общенаучный метод познания любого целостного процесса (анализируемого как система, целостность), но не как новый педагогический подход. Элемент новизны может содержать в собственно педагогическом подходе, в самой педагогической идее и в раскрытии не только социальной, но и педагогической, психолого-физиологической, дидактической сущности основного понятия предлагаемой концепции. Мы считаем, что само ключевое понятие концепции – «целостная всесторонне развитая личность», данное автором его философское, социальное обоснование нуждается в дополнительном уточнении.

Третий подход к разработке целостной теории обучения можно назвать интегративным. Интеграция здесь понимается как синтез педагогических знаний и высший уровень их взаимодействия. В отличии от «взаимосвязи» при интеграции знание различных отраслей как бы взаимопроникают, стирая границы отрасли и рождая новые теории, концепции. В его основе лежит идея синтеза ведущих психолого-дидактических концепций как одного из способов разрешения обозначенных выше противоречий с учётом современных задач ввуза. Почему мы считаем такой подход наиболее перспективным? Прежде всего, потому, что интеграция и дифференциация являются закономерностью развития современной науки. «… В современных условиях всё более существенной стороной научного процесса являются интегративные тенденции, влекущие за собой становление науки в качестве единого, целостного организма. Уходя корнями в глубинные особенности и внутреннюю логику научного познания, эти тенденции детерминированы всей совокупностью социокультурных факторов. Одновременно, они сами, оказывают обратное воздействие на материальное производство и экономику, технику и технологию, экологическую ситуацию и здоровье людей, управление общественной жизнью, образование и воспитание населения» [7, с.13].

Каковы же наиболее общие пути реализации принципа интеграции и дифференциации, обеспечивающего целостность теории обучения? В научной литературе указание на них есть. «Раскрытие феномена интеграции – весьма существенный момент качественного анализа… всякое целое обнаруживает некий прирост качества и закономерностей по сравнению с исходным обнаруживает некий интегральный эффект» [8, с.64]. Следовательно, если всё множество теоретических положений необходимо свести в единую систему, то это возможно только через качественный анализ этих положений.

Таким образом, мы считаем что, интегративный потенциал дидактики, даёт возможность, преподавателям синтезируя свои военные знания, умения и опыт качественно переложить на педагогическую основу, чему будет способствовать применение в учебном процессе образовательных технологий, которые полностью соответствуют современным требованиям развития образовательного пространства Республики Казахстан в подготовке кадров соответствующих реалиям современного мира, обладающих творческим, критическим, креативным мышлением, умеющим модернизировать свои знания в сложившейся ситуации и получать максимальный результат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лернер В.И. Конспект книги Гегеля «Наука лирики». – полн. собран. соч…, т.29, с.195
2. Махмутов М.И. Эта многоликая дидактика // учит. газ. – 1984. – 15 марта.
3. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методики К. Маркса. – М.: Политиздат, 1980.
4. Махмутов М.И. Методы обучения // формы и методы общеобразовательной подготовки и ком. воспитания уч-ся средних ПТУ. М.: Педагогика, 1986.
5. Ильин В.С. Формирование личности школьника: (Целостный процесс). – М.: Педагогика, 1984.
6. Целищева Н. Этапы конструктивной работы // Нар. обр. – 1987. №10
7. Майзель И.А. Интегративные процессы в науке: история и современность // Диалектика как основа интеграции научного знания. – Вып. XII. Л., 1984, с.13.
8. В.П. Кузьмин Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – М.: Политиздат, 1980 с.360

CLOUD PLATFORM «SALESFORCE CRM HIGHER EDUCATION» AS A KEY PEDAGOGICAL CONDITION OF THE FORMULATING OF THE PROFESSIONAL COMPETENCY OF THE FAMILY PHYSICIANS

Titova A.

graduate student of

Poltava National Pedagogical University named after V.G. Korolenko

ОБЛАЧНАЯ ПЛАТФОРМА «SALESFORCE CRM HIGHER EDUCATION» КАК ОСНОВНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СЕМЕЙНЫХ ВРАЧЕЙ

Титова А.В.

аспирантка

Полтавского национального педагогического университета имени В.Г.Короленка

Abstract

The article describes the adapted cloud platform «Salesforce» as the main pedagogical condition for creating an optimal educational environment with a pedagogical impact on the person in the process of forming the professional competence of future family doctors. Also, it is described the advantages and risks during performing the specified pedagogical conditions, as well as preventive ways to mitigate them or eliminate them from the educational process.

Аннотация

В статье рассмотрено адаптированую облачную платформу «Salesforce» как основное педагогическое условие для создания оптимальной образовательной среды при педагогическом воздействии на личность в процессе формирования профессиональной компетентности будущих семейных врачей. Рассмотрены преимущества и риски при выполнении указанного педагогического условия, а также превентивные способы их смягчения или устранения из учебно-педагогического процесса.

Keywords: pedagogical condition, cloud platform, Salesforce, CRM system, professional competence, future family doctors, self-regulation of educational activities.

Ключевые слова: педагогическое условие, облачная платформа, Salesforce, CRM система, профессиональная компетентность, будущие семейные врачи, саморегуляция учебной деятельности.

Постановка проблемы. Последние реформаторские изменения в общественной жизни Украины, а именно новая медицинская реформа, требует резких корректив во всех сферах нашей жизни, но наиболее оживленные обновления и реорганизации происходят в системах здравоохранения и образования что способствует постоянному ускорению и при этом улучшению образовательного процесса в ситуации возникновения все постоянно возрастающих требований к молодым специалистам, а именно семейным врачам. Ведь роль семейного врача теперь является основополагающим звеном в медицине.

Поэтому, необходимо сделать глубокий анализ педагогических условий формирования профессиональной компетентности будущих семейных врачей которые способствовали бы созданию наиболее выгодной образовательной среды, что приведет к совершенствованию процесса подготовки будущих семейных врачей, как высококвалифицированных профессионалов своего дела.

В современном научном знании педагогики пока не существует унифицированного определения педагогических условий, так как каждая сфера профессиональной деятельности будущих специалистов в той или иной отрасли требует определенной адаптации под потребности студентов.

Целью статьи *является обоснование использования облачной технологии* ***«Salesforce CRM Higher Education»****, как основного педагогического условия в современной образовательной среде для медицинских вузов, исследования уже существующего опыта образовательной деятельности при формировании профессиональной компетентности будущих семейных врачей.*

Анализ исследований и публикаций. Проблематика определения педагогических условий в образовательной деятельности является одной из наиболее стремительно развивающихся направлений в педагогической науке, которую исследуют как отечественные ученые так и зарубежные. Вопросами профессиональной подготовки будущих специалистов и созданием соответствующих педагогических условий представлены в работах: (А.Алексюка, В.Лузан, Ю Мосейчука, С.Батышева, В.Беспалько, В.Бондарь, С.Гончаренка, Г.Гуревича, М.Данилова, А.Деревянка, А.Дурманенка, А.Демина, В.Казакова, Н.Кузьмина, И.Лернера, А.Маркова, И.Подласого, В.Серикова, В.Сластенина, В.Якунина и др.). Проблемы компетентностного подхода к профессиональному образованию изучали такие ученые: В.Журавлев, Е.Зеер, И.Зимняя, В.Краевский, Дж.Равен, Г.Селевко, А.Хуторской, С.Шишов и др. Поиск путей формирования профессиональной компетентности будущих специалистов осуществляли: Е.Бондаревская, Т.Браже, В.Горчакова, Н.Запрудский, Н.Матяш, А.Мищенко, А.Маркова, Ю.Сенько, В.Сластенин, Л.Фридман, М.Холодная, Е.Шиянов, В.Юдин и др. Освещение проблематики создания педагогических условий для формирования специалистов медицинской сферы исследовались в работах Л.Борейко, А.Варданян, Л.Викторовой, А.Гуменюк, С.Дубинина, В.Крупы, Я.Кульбашной, Н.Лобач, Г.Мороховець, А.Макаренка, В. Михунина, В.Назарук, Б.Сенюка, Л.Михайленко, Г.Стечак, С.Юрнюк и др. Но, вместе с тем, педагогические условия формирования профессиональной компетентности, именно будущих семейных врачей требуют более детального исследования и уточнения. Поэтому, актуальность статьи заключается в обосновании основного педагогического условия формирования профессиональной компетентности будущих семейных врачей, а именно облачной платформы "Salesforce CRM Higher Education" в медицинской сфере подготовки будущих специалистов.

Изложение основного материала. Учитывая практическую значимость, направленность на функционирование педагогических систем, улучшение производительности образовательного процесса, понятие "условие", является одним из самых распространенных понятий при проведении научных исследований. При этом условия рассматриваются как «Правила, которые существуют или установлены в той или иной области жизни, деятельности, обеспечивающих нормальную работу чего-нибудь» [1, с. 441].

Несмотря на то что понятие "педагогические условия" не подается в большинстве толковых словарей и энциклопедий, оно широко используется при написании диссертационных работ, а именно при постановке гипотезы исследования и дальнейшего ее доказательства, что именно при определенных педагогических условиях и воздействиях она будет справедливой и приведет к улучшению учебного процесса и повышение компетентности выпускников вузов.

По О.Федоровой педагогические условия являются целостностью реальных возможностей сути обучения, методов, организационных форм и материальных возможностей ее осуществления, которые обеспечивают успешное осуществление поставленных целей [2, с. 72].

На основе проведенного констатирующего эксперимента, проанализированной литературы и собственных наблюдений стоит выделить основное педагогическое условие для создания оптимальной образовательной среды при формировании профессиональной компетентности будущих семейных врачей, а именно: усовершенствование учебно-методического обеспечения для улучшения процесса формирования профессиональной компетентности будущих семейных врачей, средством внедрения CRM (customer relationship management) системы базируясь на облачной технологии Salesforce.

SalesForce - это облачная платформа основанная в 1999 году Марком Бениоффом, которая является крупнейшим SaaS (Software as a service) - провайдером настоящего [3, с. 18], изначально разрабатывалась для того чтобы удовлетворить бизнес-потребности корпораций. Постепенно, именно эта технология способствовала созданию большого количества продуктов для медицинской отрасли, а также высшего образования.

Salesforce HEDA ("Higher Ed Data Architecture") специалиализовано разработанный продукт который позволяет высшим учебным заведениям любого размера обеспечить успешность обучения учащихся в течение всего срока обучения от перспективы вступления студентов в вуз до полного завершения учебного цикла с высоким профессиональным уровнем выпускников.

Посредством этой платформы в высшие учебные заведения могут создать всестороннее представление о своих студентах путем интеграции данных в информационные системи для организации учебного процесса, создание системы непосредственного менеджмента в рамках субъект-субъектных отношений.

Эта образовательная платформа предоставляет решения позволяющие полностью охватить процесс обучения начиная от отбора студентов и получения данных о них, предоставление каждому студенту индивидуальной поддержки на протяжении обучения, улучшение обратной связи между преподавателями и студентами, и до профессиональной реализации выпускников после овладения ими полного курса обучения.

Salesforce.org Education Cloud предоставляет возможность учебным заведениям стать единственной органичной системой которая улучшит взиемодействие между всеми задействованными субъектами образовательного процесса. Преимуществом этой облачной технологии, как отмечает ее основатель, является то, что именно это «программное обеспечение более легкое для приобретения, более простое для использования, демократическое при установке, поддержке и пополнении постоянными обновлениями». [4]

Следует обосновать, выделенное педагогическое условие с позиции педагогической науки и практики в соответствии с сутью высшего образования.

Содержанием высшего образования является обусловленая ее целями и потребностями общества система знаний, умений и навыков, профессиональных, мировоззренческих и гражданских качеств, должна быть сформирована в процессе обучения с учетом перспектив развития общества, науки, техники, технологий, культуры и искусства [5].

В соответствии с обусловленным педагогическим условием были выделены следующие основные компоненты формирования успешной образовательной среды в медицинских вузах при формировании проффесиональной компетентности будущих семейных врачей:

1) Содержательно-целевой;
2) Ценностно-мотивационный;
3) Операционный;

Содержательно-целевой компонент обеспечивает планирование содержания медицинского образования семейного врача на основе профессионально-ориетованих задач и использования педагогических средств в процессе научно-учебной деятельности определенной в соответствии с поставленной ведущей целью - формирование профессиональной компетентности будущих семейных врачей.

Ценностно-мотивационный компонент основывается на индивидуальной мотивации, самоактуализации и саморегуляции учебной деятельности к овладению комплекса необходимых дисциплин для будущей профессиональной деятельности.

Операционный компонент охватывает менеджмент научно-учебной деятельности в созданной образовательной среде, а также осуществляет мониторинг содержания профессионального образования в процессе формирования профессиональной компетентности будущих семейных врачей.

Было предусмотрено следующую схему данных, которая представляет собой упорядоченную систему связанных компонентов позволяющие создать гармоничную среду для построения учебного процесса.

Стоит подробнее рассмотреть проиллюстрированный подход (Рис.1), в разработанную модель вошли следующие составляющие:

1. Кафедра => Дисциплина => Преподаватель;
2. Дисциплина => Преподаватель => Модуль => Лекции и Практические занятия;
3. Факультет => Кафедра;
4. Факультет => Группа;
5. Лекции и Практические занятия => Посещение => Оценка;
6. Студент => Оценка;
7. Группа => Студент;

Ориентированная схема построения взаимосвязей в образовательной среде может быть адаптована под почти любые интдивидуальные потребности образовательного процесса высшего медицинского учебного заведения.

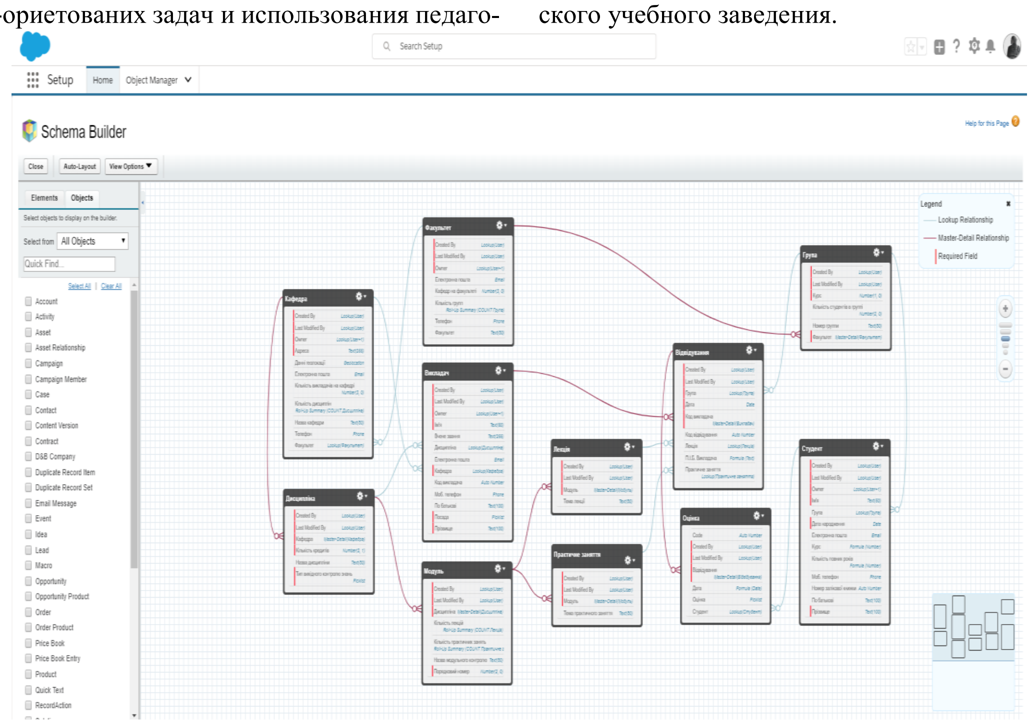

Рис1. «Salesforce CRM Higher Education» схема строения облачного сервиса

Таким образом, выполнение обусловленного педагогического условия, а именно использование облачной платформы "Salesforce CRM Higher Education" способствует улучшению образовательной среды для формирования профессиональной компетентности будущих семейных врачей путем внедрения выделенных компонентов которые нуждаются в выполнении следующих положений:

1. Подготовка научно-педагогического состава к использованию данной облачной технологии.
2. Подготовка студентов-медиков к использованию данной облачной технологии.
3. Создание комплекса взаимодействия с системным администратором и учебным отделом вуза.
4. Адаптация облачной среды на основе облачной технологии Salesforce к потребностям конкретного высшего медицинского учебного заведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Словарь украинского языка [Электронный ресурс] // СЭ. - 2010. - Режим доступа к ресурсу: http://sum.in.ua/p/10/441/2.
2. Федорова А. Ф. Некоторые вопросы активизации учащихся в процессе теоретического и производственного обучения / А. Ф. Федорова. - М.: Высш. шк., 1970. - 301 с.
3. Облачные технологии в образовании. Учебно-методическое пособие для студентов физико-математического факультета. - Житомир: изд-во ЖДУ, 2016. - 72 с.
4. Scott Carey C. A brief history of Salesforce.com [Электронный ресурс] / Carey Scott Carey. - 2018. - Режим доступа к ресурсу: https://www.computerworlduk.com/cloud-computing/brief-history-of-salesforcecom-3678095/.
5. Содержание высшего образования [Электронный ресурс]. - 2018. - Режим доступа к ресурсу: http://www.novapedahohika.com/noloms-423-1.html.

PHILOLOGICAL SCIENCES

ENGLISH BORROWING IN RUSSIAN LANGUAGE

Turashbek Y.
1st Year PhD Student, Abai University

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Турашбек Е.
Докторант 1 курса КазНПУ имени Абая

Abstract

The article studies the issues of lexical borrowing from English language to modern Russian language; reveals reasons of borrowing, signs of borrowing words; analyses levels of the assimilation of new words.

Аннотация

В данной статье рассматриваются вопросы заимствования лексики из английского языка в современный русский язык. Выявляются причины, приметы заимствованных слов; в статье анализируются уровни освоения заимствованных слов.

Keywords: English borrowings in Russian language, reasons of borrowing, signs of borrowing words, assimilation of new words.

Ключевые слова: заимствованные слова, причины заимствования, приметы заимствования, освоение заимствованного слова

Заимствования – это один из способов пополнения словарного состава языка. В процессе заимствования англицизмы ассимилируются в русском языке в структурно-семантическом плане. Англицизмы подразделяются: *освоенные, полуосвоенные и неосвоенные.* Причины заимствования слов также различны, т.к. обусловлены потребностями развития лексической системы русского языка. Они делятся:

- *внеязыковые*
- *внутриязыковые*

1. Внеязыковые причины:

а) заимствование слова вместе с предметом или понятием: *«смокинг»* (заимствовано вместе с предметом гардероба; черный пиджак с открытой грудью и длинными, обшитыми шелком лацканами.), *«таймер»* (заимствовано вместе с предметом – прибором, автоматически устанавливающим время начала и конца какого-нибудь процесса, действия или отдельных их этапов), *«боулинг»* (заимствовано вместе с игрой).

б) стремление к международной терминологии: ввоз – *«импорт»*, вывоз –*«экспорт»;*

в) стремление носителей языка использовать «модные» слова: охранника называют *«секьюрити»*, турбазу – «кемпингом», вязаную кофту без воротника и застёжек – *«пуловером».*

2. ***Внутриязыковые причины:***

а) стремление к экономии языковых средств (замена расчлененного русского наименования нерасчлененным заимствованным): *«секонд-хенд»* – вместо вещь, бывшая в употреблении, *«ремейк»* – вместо новая версия ранее снятого фильма;

б) стремление носителей языка углубить, детализировать представление о обозначаемом предмете, явлении: *«снайпер»* – очень меткий и искусный стрелок, *«джем»* – густое варенье в отличие от жидкого с целыми ягодами.

Многие заимствованные слова содержат внешние приметы, свидетельствующие об их происхождении.

По приметам заимствованные слова делятся:

- *дифференцированные приметы заимствованных слов*
- *недифференцированные приметы заимствованных слов*

Недифференцированные приметы – приметы, не указывающие конкретно, из какого языка произошло заимствование [8. С. 49].

Дифференцированные приметы – приметы, указывающие, из какого языка заимствуется слово [1, с. 12].

Данные приметы, в свою очередь, делятся на *фонетические* (наличие в слове звуков или сочетаний звуков, не свойственных русскому языку) и *морфологические* (наличие в слове заимствованных словообразовательных элементов – суффиксов, приставок, корней, и характер изменения слов).

Дифференцированные приметы слов, заимствованных из английского языка:

- *фонетические:*

1) наличие сочетания [дж]: джем, коттедж, джип, джемпер, джентльмен, джакузи, джаз, джокер, пейджер;

2) наличие звука [ч]: чек, матч, чайнворд, чартер;

- *морфологические:*

1) несклоняемые существительные на -и: хобби, багги, джакузи, лобби, паблисити, секьюрити, хиппи, регби;

2) суффикс имен существительных -инг: кемпинг, шейпинг, рафтинг, боулинг, брифинг.

Лексическое заимствование является как бы первой ступенью иноязычного влияния.

«Слово заимствуется не целиком, как полное законченное, грамматически оформленное слово, а только, так сказать, как более или менее бесформенный кусок лексического материала, получающий новую оформленность лишь в системе и средствами другого языка, языка заимствовавшего» [7, с. 235]. Грамматические связи, которые приобретает заимствованное слово в языке, устанавливаются путем включения его в определенную парадигму. При этом происходит подчинение слова тем или иным грамматическим категориям.

Системное освоение заимствованного слова идет по трем направлениям:

- *фонетическое*
- *морфологическое*
- *семантическое*

Фонетическое освоение слова проявляется в том, что оно подчиняется законам фонетической системы русского языка: закону чередования и закону сочетания звуковых единиц. Под действием закона чередования звуковых единиц происходит редукция гласных в безударном положении и оглушение звонкого согласного на конце слова. Под действием закона сочетания звуковых единиц происходит ассимиляция согласных (оглушение, озвончение) и смягчение согласного перед звуком [э], графически переданным буквой е. В зависимости от степени подчинения законам, слова могут быть фонетически освоены *полностью* и *не полностью.* Например, слово *«чайнворд»* фонетически освоено полностью, поскольку фонема <а>, оказавшись в предударной позиции, подвергается слабой редукции и реализуется в звуке [а] под действием фонетического закона чередования звуковых единиц; фонема <д> на конце слова оглушается и реализуется в звуке [т] под действием этого же закона. Слово *«модем»* фонетически освоено неполностью [мадэм], т.к. фонема <Д> в положении перед звуком [э] реализуется в твердом звуке [д]: здесь не действует закон сочетания звуковых единиц.

Морфологическое освоение заимствованного слова происходит по-разному в зависимости от того, какой части речи относится данное слово.

У существительных оно связано, прежде всего, с родовым значением. Приспосабливаясь к русской категории рода, заимствованное слово может утрачивать иноязычные флексии, заменять их русскими. Например, слово *«кекс»* заимствованное из английского языка *«cakes»*. Данное слово включилось в систему склонения русского языка и склоняется как существительное 2 склонения: кекса, кексу, о кексе и т.д.

В иных случаях заимствованное слово может сохранять внешнее оформление, но изменять при этом свою родовую принадлежность в соответствии с формально-грамматическими законами русского языка. Например, слово *«парк»* - *«a park»* – ср.р. в русском языке стало существительным мужского рода.

Однако не все имена существительные и прилагательные приспосабливаются к грамматическим законам русского языка (включаются в систему его склонения). Некоторые из них остаются морфологически не освоенными – несклоняемыми: *хобби, секьюрити, хиппи, лобби, джакузи.*

Семантическое освоение заимствованного слова проявляется в том, что оно, оказавшись в лексической системе языка, включается в парадигматические связи с русскими словами, семантически приспосабливается к ним. При этом слово может сужать объем своего лексического значения, т.е. заимствоваться русским языком не во всех значениях, а только в тех, которые ему необходимы. Например: английское слово *«чемпион»* (champion – борец, победитель, защитник) заимствуется русским языком только в одном значении – «победитель».

При переходе в русский язык иноязычное слово может расширять объем своего лексического значения: приобретать на русской почве новые производные значения. Например: слово *«бокс»* (ящик) в русском языке развило новое переносное значение – «изолированное помещение в больницах и других медицинских учреждениях».

Если значения заимствованного слова в русском языке и языке-источнике совпадают, такое слово семантически не освоено: *«коттедж»* (дом в пригороде, обычно двухэтажный).

Проведенный анализ особенностей освоения отобранных для анализа лексических единиц позволяет сделать выводы, что при вхождении в систему русского языка, заимствованные слова подверглись фонетико-графической, грамматической и семантической адаптации. Произошла замена английских звуков на фонетически близкие звуки русского языка; при вхождении в русский язык английское слово обязательно меняет и свой графический облик, т.е. меняет написание с латиницы на кириллицу.

Семантическое освоение иноязычного слова является важным обстоятельством в процессе вхождения в систему принимающего языка. Большинство англицизмов сохраняет семантику, характерную для языка-источника, т.е. значения языка-источника переносятся полностью в семантику языка-реципиента.

Ни один язык не может обходиться при расширении и видоизменении своих ресурсов (в первую очередь, лексических) без заимствования единиц из других языков. Заимствование не нарушает самобытности русского языка, обогащает его словарный запас. Однако злоупотребление заимствованными словами, их неоправданное и неправильное употребление обедняют и засоряют нашу речь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Панькин А. В., Филиппов А. В. Языковые контакты: краткий словарь для студентов гуманитарных специальностей. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2011. – 160 с.
2. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. - 260 с.
3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2005. – 944 с.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

PSYCHOLOGICAL-MENTAL HUMAN BODY IN THE STUDY OF VISUALIZATION OF PHYSICALITY

Sheienko A.
second-year student of «master» specialty: 053 «Psychology»
Nikolaev Interregional Institute of Human Development of the University «Ukraine»
Sheyenko L.
doctor of philosophy, specialty Economical Sciences,
Associate professor of «Philosophy» Department Odessa National Maritime University

ПСИХОЛОГО-МЕНТАЛЬНЕ ТІЛО ЛЮДИНИ В СВІТЛІ ДОСЛІДЖЕННЯ ВІЗУАЛІЗАЦІЇ ТІЛЕСНОСТІ

Шеєнко А.О.
студентка II курсу ОР «магістр» спеціальності: 053 «Психологія»
Миколаївського міжрегіонального інституту розвитку людини
ВНЗ Університету «Україна»
Шеєнко Л.В.
канд. екон. наук, доцент,доцент кафедри «Філософія»
Одеського Національного морського університету

Abstract

The article deals with the components of the human body in the study of visualization of physicality. Well-known researcher in thematics of physicality Bykhovskaya I. M. defines the «natural», «social» and «cultural» human bodies. However, we'll approve it is necessary to add to this list also a «psychological-mental body».

Анотація

В статті розглядаються складові людського тіла в світлі дослідження візуалізації тілесності. Відомий дослідник у області тілесності І. М. Биховська визначає «природне», «соціальне» і «культурне» тіла людини. Проте ми вважаємо за необхідне додати до цього переліку ще й «психолого-ментальне тіло».

Keywords: physicality, visualization of physicality, «natural body», «social body» and «cultural body», «psychological-mental body», body-art.

Ключові слова: тілесність, візуалізація тілесності, «фізичне тіло», «соціальне тіло», «культурне тіло», «психолого-ментальне тіло», боді-арт.

Раніш ніж перейти безпосередньо до розгляду будь-якої проблеми, що пов'язана із візуалізацією тілесності, слід визначитися із самим поняттям «тілесність». Проте, це виявляється нелегким завданням. Тілесність — це особливе явище, що притаманне виключно людині, займає важливе місце в її самовизначенні, самовідчутті, співіснуванні з соціумом, але явище маловивчене. Починаючи з Античних часів проблемою тілесності займалися філософи і лікарі, антропологи і соціологи, культурологи і психологи, інші дослідники. Тому і поняття тілесності досі не має загально визнаного визначення, яке б задовольняло представників різних галузей науки, що породжує досить суперечливі підходи до цієї проблеми, в тому числі, в рамках психології.

Перші серйозні дослідження тілесності в психології почалися наприкінці XIX століття, коли професор психології П'єр Жані висунув теорію взаємозв'язку фізіологічних процесів в тілі та почуттів, контактної поведінки, руху та спонукання. Формування уявлень про тілесність людини відбувається на основі відповідних концепцій особистості, розуміння природи людини, які приймаються тим або іншим дослідником за відправну точку.

Як писав видатний французький філософ-інтуїтивіст Анрі Бергсон: «Тіло завжди наповнює нашу свідомість, або свідомість наповнює наше тіло». [1, с. 269]

Виходячи з цього положення, тіло безперервно виявляє процес становлення свідомості.

Під поняттям «тіло», спираючись на підхід видатного російського психотерапевта і філософа Дмитра Трунова, слід розуміти реальний фізичний об'єкт. А під тілесністю — досвід усвідомлення людиною свого тіла, який вчений визначає, як «феноменальний досвід тілесного самобуття». [2, с. 20]

Репрезентація тіла у свідомості далеко не завжди співпадає із реальним, об'єктивним тілом. Тобто, в уяві людини формується «образ тіла» — нібито погляд на себе ззовні, очима іншого. Французький психоаналітик, педіатр, клініцист Франсуаза Дольто, авторка теорії несвідомого образу тіла, розглядає образ тіла не як анатомічну даність, а як конструкт, що постійно розвивається в процесі історії та взаємин людини з оточуючим її світом. [3, с. 47]

Тілесність, або «образ тіла», згідно із сучасним авторитетним психологом-дослідником О. Е. Газаровою, слід розглядати як ментальне уявлення про своє тіло, що формується на базі, як внутрішніх переживань, так і сенсорних відчуттів інтроцепції, екстероцепції та проприоцепції. [4, *електр. ресурс*]

Ставлення індивіда до свого тіла є невід'ємною складовою психологічної та соціальної проблеми цілісності людини. Кожна культура створює свою «модель тілесності», формує притаманне саме їй ставлення до тих чи інших тілесних практик і до тіла в цілому, зокрема його декорування, розглядаючи це, як спосіб візуалізації психологічного стану та соціокультурного образу людини. В якійсь культурі людське тіло вважається зразком краси та символом космічної гармонії, в іншій — осередком гріховності; в одному суспільстві тіло прикрашається і вдосконалюється в прагненні досягти ідеалу, в іншому — модифікується і спотворюється (аж до каліцтва) в прагненні піти від заданої природою форми.

У сучасному постмодерністському суспільстві проблема тілесності в світлі осмисленнях сутності людини набуває особливої актуальності, виступаючи однією з провідних категорій філософсько-культурологічної та психологічної думки.

Зупинимося на такому культурному явищі, як боді-арт, яке слід розглядати, як візуалізацію тілесності, підсвідомого ставлення до свого тіла та соціокультурної самоідентифікації.

Актуальність даної проблематики обумовлена тим, що у сучасній культурі ставлення до тіла, зокрема його декорування, знаходить якісно нове звучання, і не лише тільки в молодіжних субкультурах, як це було нещодавно. Різноманітні прояви сучасного боді-арту (в таких його формах, як татуювання, пірсинг, шрамування, мехенді, пластичні модифікації тіла та обличчя тощо), його масовість та демонстративність в постмодерністську епоху вимагають серйозного психологічного осмислення цього феномену.

В різних соціальних, зокрема, вікових групах спостерігаються розбіжності в мотивації до декоративної корекції власного тіла з використанням засобів боді-арту, а також різний ступінь психолого-мотиваційної готовності до боді-арту: від абсолютної безумовної готовності аж до повної відмови від будь-яких форм впливу на своє тіло. Так, поруч із повсюдною демонстративною візуалізацією тілесності та модою на боді-арт, в суспільстві виникають і такі реакційні рухи як «бодіпозитив». Учасники цього руху пропонують прийняти своє тіло таким, яке воно є від природи, і не намагатися змінити його. Розуміючи, що культ тіла, який сформувався під впливом суспільства тотального споживання і засобів масової інформації, вони намагаються боротися з тими силами, які, на їх думку, знищують природну тілесність, а саме — косметичними засобами, різними спорткомплексами та фітнестехнологіями, розмірною сіткою в магазинах та й просто з громадською думкою. «Полюбить себе та своє тіло» — ось девіз, під яким діє цей рух.

Отже «людина тілесна» під впливом соціальних та культурних чинників перетворює своє тіло із явища природно-біологічного та фізіологічного у явище соціокультурне. Окрім заданих природою характеристик, рис, особливостей, тіло набуває властивостей, які породжені соціальним оточенням, культурними традиціями або модою. В цьому сенсі тіло людини постає не в одній, а в трьох іпостасях, які фахівець в галузі соціальних та культурологічних проблем фізичної культури, доктор філософських наук, професор Ірина Марківна Биховська визначає як «природне тіло», «соціальне тіло» і «культурне тіло». [5, с. 8-9; 6, с. 3]

Під «**природним тілом**» дослідник розуміє біологічне тіло індивіда, що підкоряється природним законам існування, функціонування та розвитку живого організму.

Життєдіяльність людини, навіть у суспільстві, що досягло високого рівня культурного розвитку, не є вільним від необхідності у задоволенні біологічних (вітальних) потреб, без яких тілесне існування неможливе, а саме, потреби в їжі та питті, сні та пильнуванні, здоров'ї та продовженні роду. В той же час, людина, яка є соціальною істотою, створює світ культури, під впливом якої, в свою чергу, змінює, прикрашає, трансформує своє біологічне тіло, наповнюючи його ціннісними та символічними змістами.

Таким чином, на додаток до природного тіла, створюється нова сутність — «**соціальне тіло**», яке є результатом взаємодії природного тіла (людського організму) із соціальним середовищем, цілеспрямованого впливу на нього, свідомої адаптації до певного соціуму, інструментом використання в різних видах діяльності та соціальних взаємодіях.

Виділяється також «**культурне тіло**», що є свого роду квінтесенцією, завершенням процесу розвитку від «безособистісного» природно-тілесного (біологічного) стану до власне людського, переходу від соціально-функціонального до особистого буття, що обумовлене зовнішнім культурним впливом на усіх рівнях: субкультурному, локальному, національно-регіональному і загальнолюдському. [7, с. 464-467]

Таким чином, тіло, на думку І. М. Биховської, як соціокультурний феномен — це перетворене під впливом соціальних і культурних факторів тіло людини, що має соціокультурні значення і сенси,|та| і виконує певні соціокультурні функції. Практично усі підсистеми соціуму в тій чи іншій мірі причетні до формування соціокультурного тіла — наука і технологія, економіка і політика, освіта і сфера рекреації, мистецтво і релігія.

Однак нам здається, що, з точки зору психологічної науки, такий, безумовно обґрунтований підхід І. М. Биховської, неможна вважати повним. Якщо вплив зовнішніх соціокультурних факторів розглянуто досить детально, то вплив внутрішніх психолого-ментальних чинників на ставлення людини до свого тіла ми вважаємо недооціненим. Тому, з нашої точки зору, раціональним було б додати до цього переліку ще й таку невід'ємну складову тілесності, як «**духовно-психологічне**» або «**психолого-ментальне тіло**». Воно формується в залежності від особистого життєвого досвіду людини, під впливом не тільки суспільної культури та моралі, а й персональної моральності людини (яка може йти навіть проти моральних установ суспільства); подій та переживань його раннього дитинства, починаючи з внутрішньоутробного розвитку, травматичних переживань, психічних та соматичних захворювань, індивідуальних особливостей свідомості та підсвідомості тощо. І саме «психолого-ментальне тіло» здається нам найбільш складним і найменш вивченим.

Отже, феномен тілесності відрізняється від поняття фізичного тіла і не зводиться до нього, оскільки тілесність є сукупністю духовно-психологічних, соціокультурних і матеріально-фізичних якостей людини. Тілесність виступає однією з провідних категорій філософсько-культурологічної та психологічної думки, що зайняла особливо важливе місце в сучасних постмодерністських осмисленнях сутності людини. У певному сенсі «тілесність» — це носій і засіб формування особистості, індивідуальності, в рівній мірі як і інструмент соціалізації. А тіло людини, на наш погляд, має сприйматися не лише як фізичний (матеріальний) об'єкт, що забезпечує її життєдіяльність, а передусім, як **соціо-культурно-психо-фізичний конструкт**.

Такий підхід перекликається з підходом вище згаданого теоретика тілесності О. Е. Газарової, згідно з яким: «1) тілесність є особливим "продуктом" взаємодії тіла та духу; 2) це — видима та переживана частина душі; 3) тілесність формується з моменту зачаття до смерті; 4) механізми утворення та "склад" тілесності надзвичайно складні; 5) тілесність (в цілому і в подробицях) виражає систему змісту людини, в основі якої — ставлення до смерті та життя; 6) усі складники тілесності відповідають один одному (конгруентні) та "проростають" один в одного». [4, *електр. ресурс*]

Розглянемо деякі функції «психолого-ментального тіла» людини в світлі популярного у сучасну постмодерністську епоху засобу візуалізації тілесності — боді-арту. Тобто спробуємо проаналізувати мотивацію індивідів, які використовують засоби боді-арту для вирішення особистих психологічних проблем. Тим більш що у окремих індивідів любов до боді-арту подекуди носить явні ознаки психологічних відхилень, навіть залежностей, коли, прикрашаючи своє тіло, вони не можуть зупинитися, наносячи декор від кінчиків волосся до кінчиків нігтів.

Захисна, компенсаторна функція.

Засоби боді-арту, які використовуються з захисною ціллю, можуть бути різних форм, але вони дуже особистісні, і в більшості своїй зрозумілі лише своєму носієві. Це може бути наслідком психологічної травми, що була перенесена в дитинстві, як наслідок фізичних недоліків та каліцтв, внаслідок тяжкої атмосфери в сім'ї або складнощів у спілкуванні з оточенням тощо. А також, щоб захистити від уваги оточуючих власні комплекси щодо свого тіла. Такий боді-арт дає внутрішню впевненість та додаткові сили, щоб протистояти негараздам.

Мотиваційна функція.

Таке використання боді-арту можливо зустріти, частіше за все, у вояків, спортсменів, чиї досягнення в спорті, військовій справі потребують фізичної сили величезної ментальної концентрації. Це можуть бути різноманітні «енергетичні» знаки, надписи, ієрогліфи, символи, малюнки хижаків тощо. Вони надають психологічну впевненість для здійснення необхідних дій, посилюють мотивацію до перемог.

Декоративно-естетична функція.

Такі прикраси є одними з найбільш розповсюджених. Частіш за все вони не несуть жодного змісту — тату заради тату. Їх роблять на видимих місцях, як би напоказ. Якщо не брати до уваги просте наслідування моді або кумирам, що є нічим іншим, як свідоцтвом незрілості свідомості, такий боді-арт призначений продемонструвати багатий духовний світ та величезний життєвий досвід їх носіїв. Розкішні мальовничі панно, традиційні етнічні мотиви і техніки нанесення, складні орнаментальні композиції тощо, хоч і провокують найбільш гострий суспільний резонанс, навіть повне заперечення, саме вони є вищим рівнем художнього татуювання. І саме це, на думку їх носія, є ознакою його творчої особистості, надає йому впевненості в своїй відмінності від «сірої маси», почуття обираності, задоволення егоїстичних, а нерідко й егоцентричних потреб.

Функція самоідентифікації.

За допомогою боді-арту їх носій демонструє приналежність до певної спільноти, ідентифікує себе з якоюсь соціальною групою, країною, національністю, професією тощо. Сюди відносяться знаки фанатських клубів, державні герби, військові ознаки, кримінальна символіка та інш. Тому такі татуювання можна вважати, якоюсь мірою, ідейними, бо таким чином індивід заявляє про те, що він поділяє ідеологію цієї спільноти, структури.

Але тут нерідко можна стверджувати і про емоційну незрілість індивіда, для якого тату є не просто свідоцтвом приналежності до певної субкультурної групи, а ознакою своєї невід'ємності від неї, втрати особистості заради єдності, злиття зі «зграєю».

Релігійно-культова функція.

Тут слід розділяти обов'язкові чи традиційні релігійні татуювання, що наказані канонами, та позакультове використання релігійної, окультної, магічної символіки, що є свідоцтвом ментальної незрілості, а часом і психологічних розладів. Підлітки можуть, не роздумуючи, наносити сатанинські, язичницькі, окультні символи, руни, знаки, часом навіть не знаючи їх скритого змісту (так, ми спостерігаємо сплеск моди на язичницьку та неонацистську символіку в сучасній Україні). Але серед таких є й егоцентристи, що вірять у свою духовну обираність, власні надможливості.

Наостаннє слід зазначити, що в сучасній постмодерністській культурі спостерігається конфлікт між проблемами духовності та культом тілесності, що є одним із свідоцтв фатального розподілу тіла і духу, непримиренного полюсного протиставлення одне одному, що можна вважати ознакою кризи психолого-ментальної тілесності. Вищі культурні здобутки людства доказують, що шлях розвитку людства — це шлях «духовного вдосконалення», що «духовність» елітарна. Однак у сучасному суспільстві споживання домінує всеосяжний культ демонстративної декоративної тілесності, що стоїть на службі у розвинутої багатопрофільної «індустрії краси»; шаблони масової свідомості стверджують про можливість легкого вирішення психологічних проблем шляхом їх зовнішньої візуалізації, в тому числі, з використанням засобів декорування та трансформації власного природного тіла. На це спрямовані різноманітні технології маніпулювання масовою свідомістю.

Проте, на нашу думку, слід згадати античний принцип **калокагатії** (грец. kalos — гарний, прекрасний, agathos — добрий), що передбачав гармонійну єдність тілесної краси та духовно-моральної чистоти, і був визначений Платоном у якості вищої ідеї виховання людини Досконалої.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Бергсон А. Творческая эволюция. — М.: Терра, 2001. С. 269.
2. Трунов Д. Г. Феноменальные модусы телесного Батия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2010. № 1. С. 20—24.
3. Дольто Ф. Бессознательный образ тела // Собр. соч., Т. 16. Бессознательный образ тела. — М.: ERGO, 2006. — 376 с.
4. Газарова Е. Э. Тело и телесность: психологический анализ. 2005-2009. — [Эл. ресурс]. — Сайт: ТЕЛЕСНОСТЬ.ru — Режим доступа: http://telesnost.ru/psi/telo_i_telesnost_psihologicheskii_analiz.htm
5. Лебедева А. В. Телесность как основание и феномен культуры : дис. на соискание ученой степени канд. филос. наук : 24.00.01 — СПб., 2006. 198 с. РГБ ОД, 61:07-9/2 С. 8—9.
6. Быховская И. М. «Быть телом» — «иметь тело» — «творить тело»: три уровня бытия «Homo somatis» и проблемы физической культуры // Теория и практика физической культуры. — 1993. №7. С. 3.
7. Быховская И. М. Телесность как социокультурный феномен // Культурология. XX век: словарь. — СПб., 1999. С. 464—467.

№26/2019

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.3

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal "Norwegian Journal of development of the International Science" is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: http://www.njd-iscience.com